

ЗАТРАТЫ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ПРОЕКТА ПОЛНОСТЬЮ ПОКРЫТЫ
ЗА СЧЕТ ПОЖЕРТВОВАНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

КАК ПОДПИСАТЬСЯ НА «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Вы можете оформить подписку на журнал
в секретариате РОПРЯЛ по адресу:

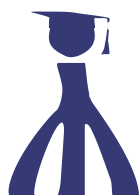
199034, Россия, С.-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта,
д. 11/2, офис 202
Тел.: (812) 325-11-33
Тел./факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru, info@ropryal.ru

Об условиях и стоимости подписки можно узнать
С.-Петербургской штаб-квартире РОПРЯЛ по указанным
адресам, а также на сайте:

<http://mirs.ropryal.ru/>

Подписной индекс в каталоге
Агентства «РОСПЕЧАТЬ» — 72396.

Журнал «Мир русского слова» включен в Перечень рецензируемых научных
изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук.

РОССИЙСКОЕ
ОБЩЕСТВО
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА
И ЛИТЕРАТУРЫ

Уважаемые коллеги!
По вопросам подписки
и доставки журнала за пределами
СНГ обращайтесь к нашим
дистрибьюторам:

ЗАО НПО «Информ-система»
117447, Россия, г. Москва, Севастопольский
пр., 11А; тел. (495) 127-91-47; 129-78-22;
факс (495) 124-99-38; info@informsystema.ru

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Россия, г. Москва, ул. Гиляровского,
39, тел. (495) 681-91-37; 681-97-63; 681-87-47;
факс (495) 681-37-98; export@periodicals.ru

ООО «Информнаука»
125190, г. Москва, ул. Усиевича, 20;
тел./факс (495) 152-54-81;
тел. 155-43-42, 787-38-73; dla@viniti.ru

ООО «Агентство „Мир прессы“»
127015, г. Москва, а/я 2;
тел./факс (495) 787-63-62; 787-34-15;
mir_press@mail.ru

ЗАО «СВЕТС ИНФОРМЕЙШЕН СЕРВИС»
125252, г. Москва, ул. Куусинена, д. 216,
Международный центр научной
и технической информации;
тел. +7 (499) 740-64-10, +7 (499) 198-70-41,
+7 (909) 967 0413; info@ru.swets.com

ООО «Агентство „Артос-ГАЛ“»
тел. +7 (495) 788-39-88, +7 (812) 331-89-44

Некоммерческая
общественная организация
«Ассоциация выпускников советских
и российских вузов из Сербии»
тел. +7 (495) 585-63-24

Некоммерческая
общественная организация
«Общество выпускников советских
и российских вузов из Черногории»
тел. +7 (495) 585-63-24;
ruskistudenticg@yahoo.com

№ 4 2015

В НОМЕРЕ:

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ «МИР РУССКОГО СЛОВА»

Выходит ежеквартально

Учредитель и издатель

Некоммерческое партнерство
«Общество преподавателей
русского языка и литературы»

Адрес редакции:

199034, С.-Петербург,
наб. Лейтенанта Шмидта, д. 11/2
тел.: (812) 325-11-33
факс: (812) 323-66-20
e-mail: avlova@ropryal.ru

Редакционный совет:

Л. А. Вербицкая —
*акад. РАО, д-р филол. наук, проф.,
Президент СПбГУ, Президент РОПРЯЛ,
Президент МАПРЯЛ, Президент РАО*

В. В. Воробьев —
*д-р филол. наук, член-корр. РАЕН,
проф., зав. каф., РУДН*

Л. П. Клобукова —
*д-р пед. наук, проф., акад. МАНПО,
зав. каф., МГУ им. М. В. Ломоносова*

Ю. Е. Прохоров —
*д-р пед. наук, д-р филол. наук,
проф., проф. СПбГУ*

В. М. Шаклеин —
*д-р филол. наук, проф.,
член-корр. РАЕН, зав. каф., РУДН*

С. И. Богданов —
*д-р филол. наук, проф.,
проректор, СПбГУ*

М. Ю. Сидорова —
*д-р филол. наук, проф.,
проф. МГУ им. М. В. Ломоносова*

С. Н. Голубев —
*канд. филол. наук,
Ген. директор ЗАО «Златоуст»*

Э. Эндрюс —
д-р наук, проф. Дюкского ун-та

[официальные материалы]

- 4 Заседание Совета по русскому языку при Правительстве России

[лингвистические заметки]

- 5 А. П. Вяльсова
О роли членных причастий
в организации сюжетного времени житийных текстов
- 15 Е. Э. Пчелинцева
Роль имперфективных суффиксов в аспектуальной характеристике
отглагольных имен действия в русском языке
- 21 Т. В. Романова
Язык политкорректности: свой — чужой
- 27 Ю. С. Хукаленко
Лингвистический антропоцентризм в языке научных статей
по биологии
- 31 А. В. Савченко
«Спортивная фразеология» современного русского языка:
общая характеристика и основные особенности

[лингвокультурология]

- 38 О. Н. Татарникова
Антропоним *Иван* как объект лингвокультурологического анализа
волшебных и новеллистических сказок
- 43 Е. Л. Родина
Сергей Есенин: индивидуально-поэтическое воплощение концепта
«Жизнь» в контексте устойчивой метафорической модели

[культура речи]

- 49 К. А. Шукина
Прецедентные феномены в *пирожках* и *порошках* —
новых жанрах современной интернет-поэзии
- 55 Ван Циньсян
Универб и производящее словосочетание: синонимические отношения

[взаимосвязь литературы и языка]

- 59 М. Н. Виролайнен
Русский романтизм в проекции на европейскую
романтическую литературу

Главный редактор:

К. А. Рогова —
 д-р филол. наук, проф.,
 проф. СПбГУ

Над журналом работали:**Редакторы:**

Т. Б. Авлова —
 канд. пед. наук, доц. СПбГУ
 Д. А. Щукина —
 д-р филол. наук, проф.,
 зав. каф., Горный ун-т

Вып. редактор:

М. С. Шишков —
 канд. филол. наук, доц.,
 доц. СПбГУ

Корректор:

Н. В. Лутц

Перевод аннотаций:

А. Д. Степанов

Оригинал-макет:

М. С. Шишков

Журнал зарегистрирован
 Министерством РФ по делам
 печати, телерадиовещания
 и средств массовых
 коммуникаций 11.09.2000
 (свидетельство
 ПИ № ФС77–30539 от 20.12.2007)
 ISSN 1811–1629

Тираж 670 экз.

Подписано в печать 15.02.2016
 Отпечатано в типографии
 «СМДЖИ Принт»,
 197022, Санкт-Петербург,
 Каменноостровский пр., д. 61,
 лит. А, пом. 11Н

При перепечатке
 материалов ссылка на журнал
 «Мир русского слова» обязательна

Присланные рукописи
 не возвращаются

Плата с аспирантов
 за публикацию рукописей
 не взимается

Материалы с краткой аннотацией
 и списком ключевых слов просьба
 представлять только в электронном
 виде.

Требования к оформлению статей:
<http://mirs.ropryal.ru/rules/>

- 65 Е. А. Осипова
 Россия и славянский мир:
 по повести Алексея Алексеевича Золотарева «На чужой стороне»
- 73 Н. Л. Зыховская
 Дыхание текста: проблема вербализации запаха в языке русской прозы
- 80 Е. И. Асташина
 Интертекстуальные узлы как единицы художественного дискурса
 (на материале анализа лексемы *квадратный* романа «Мы»
 и повести «Островитяне» Е. И. Замятина)

[методика преподавания русского языка]

- 86 К. И. Белоусов, Е. В. Ерофеева, Т. И. Ерофеева, Н. Л. Зелянская
 Знаковые системы, импровизация и диван на кафедре:
 к проблеме реконструкции образа профессиональной деятельности
 преподавателя-лингвиста
- 94 А. В. Голубева
 Аутентичные речевые ситуации как основа для коммуникативного
 преподавания РКИ
- 101 И. А. Гончар
 Принципы обучения аудированию иноязычного текста
- 106 М. И. Всемирнов
 Речевые формулы в адаптационном тестировании
 по русскому языку как иностранному (субтест «Говорение»)
- 109 Н. Д. Игнатьева
 Русско-чешская интерференция на начальном
 и продвинутом этапах обучения

[представляем новые книги. рецензии]

- 113 М. Л. Смусина —
 Уроки «учебного словаря»
- 114 И. А. Бойцов, Г. В. Орлова —
 От буквы к букве. Об учебном пособии В. С. Ермаченковой «Буква-1»
 и «Буква-2» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015)

[хроника]

- 20 VI Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы
 и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка
 как иностранного»
- 42 Конференция «Перевод как средство обогащения мировой культуры»
- 48 Работа с текстами художественного, публицистического
 и научного стилей в студенческой аудитории технического вуза
- 93 XII «СМОРодина» — межвузовская олимпиада по русскому языку

[Россия... народы, языки, культуры]

- 117 К. А. Рогова
 Константин Симонов. К столетию со дня рождения

ЗАСЕДАНИЕ СОВЕТА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

RUSSIAN GOVERNMENT'S COUNCIL ON RUSSIAN LANGUAGE MEETING

Заседание Совета по русскому языку при Правительстве России¹ состоялось 15 декабря 2015 года в Санкт-Петербургском государственном университете.

«В эти дни проходит Санкт-Петербургский международный культурный форум, и я думаю, что заседание Совета по русскому языку задаст определенный вектор в рамках форума, — заметила в приветственном слове Ольга Голодец, заместитель председателя Правительства РФ. — Начиная деятельность в рамках совета, мы брали на себя некоторые обязательства. Я напомню, что нами сделано. Во-первых, мы утвердили федеральную целевую программу „Русский язык“ на 2016–2020 годы, где подробно обозначили задачи, которые нам предстоит решать. Во-вторых, была утверждена концепция „Русская школа за рубежом“, где прописаны виды поддержки тех учебных заведений, которые находятся за пределами Российской Федерации. В связи с последними политическими событиями этот запрос звучит все более активно, и мы должны на него ответить абсолютно конкретной программой».

Вице-премьер подчеркнула, что, с одной стороны, мероприятие подводит итоги деятельности совета, а с другой — носит рабочий характер.

Одна из важнейших тем повестки заседания — доклад о комплексном научном исследовании качества русского литературного языка в нормативно-правовых актах, с которым выступил научный руководитель проекта Сергей Александрович Белов. Он сообщил, что по разработанной в СПбГУ методике в 2015 году был проанализирован массив из 36,5 тысяч нормативно-правовых актов, изданных в 2014 году в 9 субъектах Северо-Западного федерального округа. Выявлено множество случаев нарушений требований действующего законодательства о русском

языке. Эти нарушения могут иметь серьезные социальные последствия. В частности, эксперты СПбГУ обнаружили в изученных документах 11 тысяч оснований для признания их не соответствующими требованиям законодательства. Например, в 7,3 тысячах актов Республики Коми обнаружено более 2,5 тысяч примеров, дающих такие основания².

На заседании был затронут обширный круг тем, связанных с поддержкой и развитием русского языка: школьное образование, русский язык для иностранных граждан, в том числе мигрантов, онлайн-образование, русский язык в пространстве Интернет и другие.

В мероприятии приняли участие заместитель министра образования и науки Российской Федерации Вениамин Каганов, президент СПбГУ Людмила Вербицкая, директор Государственного литературного музея Дмитрий Бак, ректор Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина Маргарита Русецкая и другие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Совет по русскому языку был создан в 2013 году для рассмотрения ключевых вопросов государственной политики в области поддержки и развития русского языка как государственного. В состав совета входят представители исполнительной власти, а также известные ученые, ректоры вузов, деятели науки, культуры и образования, от работы которых зависит научное обоснование и правильность выбора подходов, инструментов и методов разработки и реализации государственных решений в области поддержки языка.

² С этими данными можно ознакомиться на сайте СПбГУ: http://spbu.ru/files/upload/science/expertiza/Presentation_expertiza_npa_v2.pdf; полностью презентация доклада: http://spbu.ru/files/upload/science/expertiza/Presentation_expertiza_npa_v7.pdf.

Информация с сайта СПбГУ
(<http://spbu.ru/news-spsu/24989-v-spbgu-podvodyat-itogi-deyatelnosti-soveta-po-russkomu-yazyku-pri-pravitelstve-rossii-2.html>)

А. П. Вьяльсова

О РОЛИ ЧЛЕННЫХ ПРИЧАСТИЙ В ОРГАНИЗАЦИИ СЮЖЕТНОГО ВРЕМЕНИ ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТОВ

ANNA P. VIALSOVA

ON ROLE OF DEFINITE ACTIVE PARTICIPLES IN PLOT TIME ORGANIZATION OF HAGIOGRAPHIC NARRATIVES

Статья посвящена особенностям употребления членных форм действительных причастий в житийных текстах. Показана зависимость употребления членных причастий от текстовых функций времени, семантики предиката и типа субъекта.

Ключевые слова: членная форма причастий, житийный текст.

The paper is devoted to the properties of active participles' definite forms in hagiographic narratives, and shows their usage dependancy on functions of time in text, predicate's semantics and the type of the subject.

Keywords: definite form of participles, hagiographic narrative.

Настоящая статья посвящена некоторым особенностям употребления членных форм действительных причастий в житийных текстах. Материалом для анализа служат такие тексты восточнославянской житийной литературы, как Сказание о Борисе и Глебе, Житие Феодосия Печерского, Житие Александра Невского и Житие Сергия Радонежского.

Традиционно нечленные (именные) формы сопоставляют с современными деепричастиями, а членные (местоименные) формы — с современными причастиями. Это подтверждается и фактом перевода житийных текстов на современный русский язык. Ср. следующее сопоставление оригинала Жития Феодосия Печерского и перевода О. В. Творогова: *И ту абие блаженный, призывает строителя църкѣвънаго, повель наляти вина, юже ношаше викию, и дати ему. — Блаженный тут же, призвав пономаря, велел налить вина в принесенный тем сосуд и отдать ему* — нечленная форма причастия соответствует деепричастию. *Тогда глагола ему блаженный Антоний: «Благословенъ Богъ, чадо, укрѣпивый тя на се тѣщание... — Тогда отвечал ему блаженный Антоний: «Благословен Бог, укрѣпивший тебя, чадо, на этот подвиг¹ — членная форма соответствует причастию.*

Рассматривая особенности функционирования причастия и деепричастия в современном русском языке, мы обнаруживаем как зону пересечения двух форм глагола — возможность синонимической взаимозамены в некоторых контекстах, так и формально-синтаксическое различие между ними. Это ставит перед исследователями вопрос: если сейчас мы имеем формальное различие между причастием и деепричастием и иногда в текстах видим остатки их формальной, исторической общности, то, по-видимому, применительно к историческому периоду, когда эти формальные различия находились в процессе формирования,

Анна Павловна Вьяльсова

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры
современного русского языка
Православный Свято-Тихоновский
Гуманитарный Университет
Новокузнецкая ул., д. 23, стр. 5а,
Москва, 115184, Россия
► vyalsova@yandex.ru

Anna P. Vialsova
St. Tikhon's Orthodox University
23-5A Novokuznetskaya St.,
Moscow, 115184, Russia

следует искать те семантические и функциональные особенности, которые позже превратились в формальные.

При формальной исторической близости членных и нечленных причастных форм в исторической грамматике, однако, наметился подход к разделению причастий на две группы. В первую группу, как более близкие глагольной сфере, относят нечленные действительные причастия, в некоторых работах их называют деепричастиями (см., напр.: [10]), а в другую группу, как близкие именной сфере, отнесены членные действительные причастия и страдательные причастия. Об этом писал В. И. Борковский: «Именная форма являлась второстепенным сказуемым и затем, превратившись в деепричастие, стала выполнять функцию обстоятельства... Местоименная форма служила в предложении определением (уже в древнейших грамотах) и сохранила эту свою синтаксическую роль» [2: 293].

В результате такого разделения, не без учета статистики употребления в памятниках письменности, членные причастные формы стали восприниматься как периферия причастных конструкций, не связанная со значением сказуемости, а нечленные формы оказались в центре внимания, так как они наиболее регулярно выражают значение относительного времени.

При анализе примеров с причастием в исторической грамматике основное внимание уделяется категории относительного времени нечленных причастных форм и вопросу происхождения деепричастия из вторичного сказуемого.

Членным причастным формам уделяют гораздо меньше внимания, и рассматриваются они, как правило, в связи с атрибутивной функцией, или функцией определения, вместе с прилагательными, так как обычно выражают значение постоянного, вневременного признака (см., напр., работы Н. И. Толстого [11] и А. Г. Руднева [9], А. А. Гиппиуса [3], В. М. Маркова [6] и др.). Однако при формальном сходстве признаки, обозначаемые причастием и прилагательным, имеют существенную разницу, основанную, по мнению А. А. Потемни, на присутствии категории субъекта в причастии, наличием которой обусловле-

но и временное значение: «Причастие изображает, как и имя, признак данный, но так, что при воспроизведении его сохраняется память о возникновении его от усилий лица, в силу чего этот признак в причастии представляется данным в известное время» [8, т. 1: 20–21]. Из этого следует, что нечленная форма причастия выражает предикативность, основываясь в первую очередь на категории времени, а членная — на категории субъекта, или синтаксической категории лица. Присутствие категории предикативности позволяет осмысливать и членную форму как вторичное сказуемое.

Таким образом, отношения между членной формой и нечленной формой причастия следует рассматривать не как отношение центрального и периферийного средства в рамках функции второстепенного сказуемого, а как взаимосвязь равноправных, но различных по своему назначению средств выражения вторичного предиката.

В чем заключаются особенности употребления членных и нечленных форм в тексте? Рассмотрим текстовые и семантические параметры, определяющие выбор членной или нечленной формы. Эти параметры связаны с тремя составляющими: 1) временной локализацией действия, выраженного причастной формой, на оси текстового времени, 2) семантикой предиката, от которого образована причастная форма, и 3) типом субъекта причастного действия.

Важную роль в определении функций причастных форм играет также жанровая отнесенность текста. Житийные тексты — особый жанр восточнославянского нарратива, занимающий, по мнению Н. И. Толстого, промежуточное место между богослужебными текстами и повествовательными жанрами [12: 36]. Жития написаны стандартным церковнославянским регистром с большим количеством цитат из Священного Писания, однако, в отличие от последнего, в них могут присутствовать и черты не книжного языка. Причастные формы как черты книжного стиля являются одной из характерных черт именно житийных жанров литературы Древней Руси.

Первой особенностью употребления членных причастий является функция текстового

времени, отличная от функции текстового времени нечленных причастий. Так, в результате наблюдения за значениями временных форм глагола в различных текстах исследователи пришли к выводу, что имперфект обозначает прежде всего процессуальное, незавершенное действие, аорист — ряд последовательных действий в прошлом, а перфект в его первичном значении — результативное состояние в настоящем (см., напр., работы А. А. Зализняка [4] и Б. А. Успенского [13]). Для причастных форм противопоставление по времени реализуется только в значениях относительного времени — одновременности или предшествования действию матричного глагола-сказуемого. Указанные значения относительно времени причастий проявляются в условиях единого временного плана. Это понятие введено А. В. Бондарко применительно к таксисной связи деепричастия с глаголом-сказуемым в современном русском языке: «Понятие единства временного плана (целостности временного периода) включает однородность действий с точки зрения их конкретности/неконкретности (узуальности, типичности, вневременности). Все обозначаемые действия должны быть конкретными, либо неконкретными (в указанном смысле) Ср. высказывания типа *Он ел, как едят усталые люди*. Здесь соотнесены разные ситуации: конкретная и неконкретная (узуальная). Они не образуют единого временного плана, поэтому в данном случае нет оснований констатировать между действиями отношения таксиса» [1: 101]. На значения предшествования и одновременности накладываются значения локализованности действия: конкретное, повторяющееся, вневременное. Все эти частные значения широко представлены в житийном нарративе. Повествовательный характер жития создавался сочетанием узуального и сюжетно-актуального типов речи, то есть автору жития нужно было выполнить две задачи: описать постоянную жизнь святого через повторяемость совершаемых им действий и зафиксировать чудеса, единичные случаи, последовательность событий его жизни. Узуальность, повторяемость часто опиралась на имеющиеся житийные каноны, а чудеса или события из жизни — на свидетельства

очевидцев, участников данного события. Кроме того, в цитатах из Священного Писания содержалось указание на действия перфективного характера — совершенные в прошлом и актуальные на момент написания жития или вневременные действия/состояния.

Соблюдение единого временного плана, или одноплановость двух действий, по сути, сводится к сохранению единого сюжетного времени. Одноплановость может сохраняться как при описании единичного действия, например:

И си на умъ си помышляя, идяше къ брату своему (Сказание о Борисе и Глебе),

так и при описании повторяющихся действий:

Овы стадом выюще, ревуще прохощааху, а друзии же немнозь, но или два или трие, или единъ по единому мимо течаху; ови же отдалече, а друзии близ блаженнаго приближахуся и окружаху его, яко и нюхающе его (Житие Сергия Радонежского).

Оба примера отражают полную одновременность действий, выраженных причастием и глаголом-сказуемым.

Одноплановость может сохраняться и при разновременности двух действий, например:

Рече къ прозвутеру своему: «Въставъ, начьни заутрънюю». Самъ же, обувъ нозь свои и умывъ лице свое, начать молитися къ Господу Богу (Сказание о Борисе и Глебе).

При этом мы видим полную разновременность действий: новое действие не начинается, пока не закончено предыдущее. Особенностью конструкций с полным предшествованием причастных форм является проспективность причастного действия по отношению к матричному предикату. Действие причастного предиката как бы «подталкивает» действие основного предиката, и тем самым создается движение сюжета. Между причастным предикатом и глагольной формой устанавливается семантическая напряженность, внутреннее единство, которое реализуется в причинно-следственных или целевых отношениях между формами. Последующие действия, несмотря на значение предшествования, образуют один сюжетный блок, который находится в поле зрения или в сознании говорящего (автора). Тем самым соблюдается условие единого временного плана. Объективная причинно-след-

ственная связь, которая устанавливается между нечленной формой причастия и глагольным предикатом, зиждется на внутренней прогрессии — направленности, тяготению к следующему действию при предшествовании, а это семантически выражается в контролируемости действий одним субъектом. Так как контроль действия может обеспечить только личный субъект, чьи внутренние интенции известны читателю, то субъектом действия, выраженного нечленным причастием, оказывается, как правило, референтный личный субъект, то есть главный герой нарратива — святой, чье житие рассказывается, или герой конкретного сюжетного фрагмента. Показательно, что в указанных типах отношений действия происходят в рамках развития сюжетной линии житийного нарратива и используется нечленная форма причастия.

Напротив, при нарушении единого временного плана наблюдается выход за рамки развития сюжетной линии:

Тогда же бо слышавъ о блаженъмъ Антониѣ, живущимъ въ пещерь, и окрилатъ въ же умъ устръмися къ пещерь (Житие Феодосия Печерского).

Здесь повествование о Феодосии прерывается вставкой об Антонию с причастием в имперфективно-характеризующей функции. Иногда темпоральное значение постоянного действия/состояния у причастной формы приближается к значению качества, вневременности, и тогда при «выключении» категории времени возникает причастие со значением признака, свойства предмета или лица. Например:

И якоже послѣже слышавъше, прославиша Бога, творящаго чудеса велика и прославляющаго мѣсто то и освящающа е молитвами преподобнаго отца нашего Феодосия (Житие Феодосия Печерского).

Особенность временного значения, выраженного причастием в последних двух примерах, заключается в том, что характеристика лица имела место до начала действия, названного основным предикатом, или воспринимается как постоянное свойство лица или предмета, которое не зависит от времени действия, выраженного матричным предикатом. Если нечленные причастные формы выражают действия, которые «двигают» сюжет благодаря внутренней энер-

гии действия, которая каждый раз раскрывает субъектную сферу нового героя или возвращает к предыдущему герою, то членные причастные формы выражают действие, которое отличается смысловой автономностью по отношению к основному предикату, оба действия такого соотношения не связаны внутренней временной прогрессией, а параллельны, рядоположены в сознании говорящего. Например, во фрагменте Жития Феодосия Печерского о чудесном избавлении монастыря от разбойников *Блаженный же, то слышавъ, прослави Бога, спасающаго от таковыя смърти* причастный предикат отсылает к предшествующей ситуации, причинно-следственная связь между двумя событиями *прослави* и *спасающаго* устанавливается только в сознании Феодосия, которому разбойники исповедались в содеянном, тогда как другие монахи *Сущи же въ църкви съ блаженнымъ не разумъша, ни чюша того*. В этих случаях причастная форма при наличии отсылки к предшествующему действию обозначает качество, а не действие и употребляется в перфективной функции. В предложении *Таче Господь къ нему: «Рабе благый, верьне умноживый преданыи талантъ, тѣмъже приими уготованныи тебе вѣнъць и вѣниди въ радость Господа своего»* (Житие Феодосия Печерского) причастный предикат выражает характеристику-оценку субъекта, не связанную причинно-следственно с основным предикатом. Проспективная особенность аористивной функции предполагает внутренний контроль внутри одной субъектной сферы, целенаправленность действия. Пара *умноживый* — *приими* поделена между двумя субъектными сферами: донативный глагол *приими* отсылает к субъекту предложения *Таче Господь къ нему* и обозначает действие, которое не зависит от самого раба, а действие причастия *умноживый* принадлежит субъектной сфере раба. Между действиями отсутствует и целенаправленность. Это фрагмент известной Евангельской притчи о талантах. Господин, отправляясь в чужую страну, дал рабам определенное количество талантов, но не *сказал*, что с ними делать. Если бы он дал приказ умножить таланты, то действие раба было обусловлено этим приказом, и в паре *умножи-*

вый — *приими* появилась бы внутренняя причинно-следственная связь: *приими, потому что ты умножил*. Но так как приказа не было, то такая причинно-следственная связь в паре предикатов отсутствует: Господин награждает раба не за то, что он умножил талант, а за его внутренние качества, в частности верность. Кроме того, в этом примере проявляется зависимость нечленной и членной формы причастного предиката от временной функции текстового времени: если бы в предложении стояла нечленная форма, то между двумя действиями установилась бы проспективная, аористивная связь *умноживъ — приими*, которая указывала бы на то, что раб знал о награде и стремился ее получить, но в Евангельской притче, откуда взят данный фрагмент, ничего не говорится о последующей награде.

Рассмотрим обратный пример:

Якоже бо Иулианъ цесарь, иже многы кръви святыихъ мученикъ проливъ, горькую и нечеловѣчную смърть прия (Сказание о Борисе и Глебе).

Здесь употреблена нечленная форма причастия, но между событиями *проливъ — смърть прия* установлены отношения разноплановости, единый временной план нарушен большим перерывом во времени и адъективным характером причастной конструкции, которая в большей степени характеризует субъект, чем предикат. Однако употребление нечленной формы усиливает на фоне разноплановости причинно-следственную связь между действиями в сознании автора жития. Смерть Юлиана он рассматривает как наказание за его греховную жизнь и проецирует это умозаключение на исторические события Древней Руси, в частности на судьбу Святополка. С одной стороны, в примере удерживается разноплановость: события рядоположены в сознании автора, а не в реальной действительности, с другой стороны, события прочно связываются причинно-следственной связью: *горькую и нечеловѣчную смърть прия за то, что многы кръви святыихъ мученикъ проливъ*.

Членная причастная форма с результирующим значением может выражать и состояние без отсылки к предшествующему факту. В этом случае между предикативными формами

происходит несколько другое взаимодействие. Рассмотрим следующий фрагмент:

Се бо братиа твоя Стефанъ и Петръ оженистася и пекутся, како угодити женама; ты же не оженивийся печешися, како угодити Богови — паче же благу чясть избралъ ешь, и яже не отиметя от тебе (Житие Сергия Радонежского).

Причастная форма *не оженивийся* выражает состояние-статус в настоящем времени и не содержит отсылки к предшествующему факту: была возможность жениться, но не женился. Данная форма не связана проспективной временной связью с глаголом *печешися*. Между предикативными формами есть причинно-следственная связь с условным оттенком во второй предикативной паре: *оженистася и пекутся* противопоставлено *не оженивийся печешися, како угодити Богови*. Если бы была употреблена нечленная форма причастия, то установились бы более сильные, причинно-следственные отношения между причастием и основным предикатом, ср.: *ты же не оженивься печешися, како угодити Богови*. Нечленная причастная форма отсылает к конкретной предшествующей неудачной попытке действия и становится выражением действия — факта, а не состояния, а глагол *печешися* в этом случае приобретает значение начала нового состояния. Если при членной причастной форме эти два состояния пересекаются: предполагается что герой печется *како угодити Богови* постоянно, но в отличие от братьев ему не мешает в этом его статус, то при употреблении нечленной формы выявляется значение полной разновременности.

Сопоставление членных и нечленных форм в нарративных формах выявляет закономерность: членные формы употребляются, как правило, при неполной разновременности двух действий и сочетании сюжетного и несюжетного времени, а нечленные формы причастий свойственны конструкциям, которые характеризуются полной одновременностью или полной разновременностью, а также единым планом сюжетного времени.

Второй особенностью употребления членных форм причастий в житийных текстах является семантическое значение глагола, от которого образована причастная форма. Семантическое значение глагола остается в причастии и, соеди-

няясь с текстовой функцией времени, создает повествовательный или описательный контекст. В связи с категорией локализованности/нелокализованности глагольного действия семантические типы глаголов можно распределить на два класса: глаголы активных, конкретных, действий, которые могут употребляться и в актуальном, и в узуальном времени, и глаголы неактивных, отвлеченных действий, сфера употребления которых ограничена нелокализованными во времени ситуациями. В семантическом отношении причастия, употребленные в узуально-характеризующей функции или в перфективно-качественной функции, как правило, образуются от глаголов с отвлеченным значением. Рассмотрим семантические классы глаголов, от которых образуются членные формы причастий, употребленные в перфективной текстовой функции.

Первую группу представляют глаголы различных действий с семой каузации: *укръпнати, увърити, възвати, препитати, наптити, положити*.

- *укръпнати*: *Тгда глагола ему блаженный Антоний: «Благословенъ Богъ, чадо, укръпнивый ты на се тыщани, и се мѣсто — буди въ немъ»* (Житие Феодосия Печерского);
- *увърити*: *И тако получив благословение, и абие начат дѣлати церковь, прежде молитву рече сице: «Господи Боже силъ, иже древле Израиля многими увъривый великими чудеса и законодавца своего Моисеа многими и различными извѣстивъ знаменми»* (Житие Сергия Радонежского);
- *възвати*: *Тебе же, сыну и брате, Богъ въззавый от утробы матеря твоея, яже и от многих слышах о тебе, да будиши отселе ты отецъ и игумень братии, Богом събраный въ обители Святыя Троица»* (Там же);
- *препитати*: *И молим Бога, да тѣй промышляет нами, наипаче надѣмся на нь присно; иже бо древле израильтескиа люди, таковыа жестоковыа и непокоривыа, толкиа тысуца въ пустыни, таже и послѣди не мало множество препитавый до сытости...»* (Там же).

Глагол *положити* может иметь как узуальное, так и актуальное значение в зависимости от контекста. Так, во фрагменте *Александръ же, слышав словеса сии, разгорѣся сердцемъ, и вниде в церковь святыя Софиа, и, пад на колѣну пред олтѣремъ, нача молитися съ слезами: «Боже хвалный, праведный, Боже великий, крѣпкий, Боже*

превъчный, основавый небо и землю и положивы предѣлы языком, повелѣ жити не прѣступающе в чюжую часть» (Житие Александра Невского) глагол *положити* имеет полузнаменательное значение и входит в конструкцию *положивы предѣлы* со значением *ограничить*. В данном фрагменте употреблены две членные причастные формы: первая образована от глагола отвлеченного действия *основавый*, вторая от глагола, который может обозначать как отвлеченное, так и конкретное действие. Первая форма маркирует нелокализованность действий и создает абстрактный, ненаблюдаемый контекст, вторая форма получает отвлеченное значение в контексте. Глагол *положити* в нечленной причастной форме может встраиваться в сюжетное время, управляя именем с отвлеченным значением, в частности, в конструкции с переносным значением, например:

И си на умъ си положивъ, зѣлый съвѣтъникъ дияволъ, посла по блаженааго Гльба рекъ: «Приди въбързѣ. Отъць зоветъ ты и несъдравить ти вельми» (Сказание о Борисе и Глебе).

Однако здесь не возникает узуального значения времени из-за того, что глагол выражает временное действие, имеющее перспекцию к следующему — *посла*. Между обоими действиями устанавливаются причинно-следственные отношения, и цепь сюжетных событий не прерывается.

К данной группе глаголов примыкают донативные глаголы и их конверсивы (*дати, купити, приимати, посѣлати стяжати, сподобити* и др.), в которых тоже есть сема каузации, поскольку они могут инициировать поссесивные отношения. Например, членная форма причастия от глагола *дати* в примере *родители же его принесоста младенецъ въ церковь Божию, въздающе, яко же и приаста, якоже обѣщаста въздати его Богу, давшему его* (Житие Сергия Радонежского) выражает абстрактное действие в перфективной текстовой функции, напротив, нечленная форма выражает конкретно-сюжетное действие в функции аористива, например: *Святопѣлкъ же, съдя Киевъ по отъци, призвавъ кыяны, многы дары имъ давъ, отпусти* (Сказание о Борисе и Глебе). В случае перфективной функции время причастия не поддерживается соседними предикатами,

оно достаточно автономно, так что его можно опустить, ср: *родители же его принесоста младе-нецъ въ церковь Божию, въздающе, яко же и при-аста, якоже обѣщастася въздати его Богу...* В значении актуального действия причастная форма включена в цепочку последовательных действий, исключение из которой ведет к зиянию в сюжете, ср: *Святопѣлкѣ же, съдя Киевѣ по отьци, при-зававъ кыяны... отпусти.*

Следующую группу составляют глаголы деятельности или физического (креативного) действия *сътворити, основати, създати, пособити, спасати, хранити*. В отличие от обычных глаголов физического действия они не могут выражать конкретно-наблюдаемое действие:

- *сътворити, създати*: «Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, *сътворивый* небо и землю и вся видимаа и невидимаа, *създавый* человека от небытия, и не хотяй смерти грѣшником, но живымъ быти!» (Житие Сергия Радонежского);
- *побобити*: *И яко же приближися князь къ граду Пскову, игумени же и попове и весь народъ срѣтоша и предъ градомъ съ кресты, подающе хвалу Богу и славу господину князю Александру, поюще пѣснь: «Побобивый, Господи, кроткому Давыду побѣдити иноплемьники и вѣрному князю нашему оружиемъ крестнымъ и свободи градъ Псков от иноязычникѣ рукою Александровою»* (Житие Александра Невского);
- *спасати, спасати*: *И оттоль умилишася никомуже зѣла сътворити, якоже и старѣйшинѣ ихъ съ инѣми трѣми пришедшемъ къ блаженному Феодосию покаятися того и исповѣдати ему бывшее. Блаженный же, то слышавъ, прослави Бога, *спасѣшааго* я от тако-вья съмърти* (Житие Феодосия Печерского).

Если членная форма причастия, образованная от глаголов данной семантики, выражает предшествование, то это предшествование носит характер пересекающейся разновременности, при которой факт в прошлом становится результативным состоянием в настоящем. Например, в конструкции *прослави Бога, *спасѣшааго* я от тако-вья съмърти* факт спасения конкретен, он касается нападения разбойников, но монахи прославляют Бога не только за конкретное фактическое действие, но в первую очередь за Его качества в целом, которые имеют конкретные проявления. Так, некоторые фактические действия становятся постоянным атрибутом Божественной силы, например:

*И рече Александръ: «О невѣгласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучатъ Александровых, и уподобитесь жидом, их же препита Господь в пустыни манною и кра-стелми печеными, и сихъ всѣхъ забыши и Бога своего, *из-ведшаго* я от работы изъ Египта»* (Житие Александра Невского).

Рассмотрим семантические классы глаголов, которые употреблены в членной форме причастия в имперфективно-характеризующей текстовой функции. Это глаголы, которые обозначают состояние или качества:

Достаточно часто употребляются членные формы, образованные от глагола *въдѣти* и подобных в положительном или отрицательном значениях:

*Якоже Каинъ, *не въдѣй* мѣсти прияти и едину прия, а Ламехъ, зане въдѣвъ на Каинъ, тѣмъ же седмьдесятицею мѣстися ему. Тако и съ бѣгая *не въдѣйся* отъ кого зѣлострастѣну съмърть прия* (Сказание о Борисе и Глебе);

*Богъ же, яко провидецъ, *провѣдѣй* будущаа и хотя въздвигнути и устроити мѣсто то и прославити, ино-го лучша того не обрѣте, но точию того самого про-сившаго дарует, *въдѣй*, яко можетъ таковое управление управити въ славу имени его святого* (Житие Сергия Радонежского).

С данной группой причастий можно соотнести причастия от глагола *мочи*, которые, будучи связкой составного сказуемого, также выражают состояние, например:

*И яко услыша святой Борисъ, начатъ тѣлѣмъ утѣр-пывати и лице его все слезъ испълнися, и слезами разли-вася и *не могѣй* глаголати* (Сказание о Борисе и Глебе);

*И яко видѣ святой, паде ниць, *не могѣй* трѣпѣти нестрѣпимую ону зарю* (Житие Сергия Радонежского).

Здесь следует подчеркнуть, что значение состояния усиливается отрицанием, которое, в свою очередь, обусловлено типом субъекта. При существительном, называющем Бога, употребление причастной формы от указанных глаголов с отрицанием затруднительно. Семантика отрицания маркирует узуральность, ненаблюдаемость действия/состояния. Напротив, нечленные формы, образованные от этих глаголов, встроены в цепочку разворачивания сюжета или причинно-следственной связи и, как правило, употреблены без отрицания, ср.:

Тако же сий блаженный отѣць нашъ Феодосий многы-мъ заступникъ бысть прѣдъ судиями и князи, избавляя

тѣхъ, не бо можахуть ни въ чемь прѣслушати его, вѣдуще ѿ правдына и свята (Житие Феодосия Печерского).

Другая группа глаголов, от которых образуются членные формы причастий с узуально-характеризующим значением, представляет собой различные модификации глаголов, обозначающих существование или образ жизни. Например:

Растый убо тѣлѣмъ и душею влекомъ на любовь Божию, и хожаше по вся дѣни въ цѣрквѣ Божию, послушавъ божественныхъ книгъ съ вѣсѣмъ вниманиемъ (Житие Феодосия Печерского);

Преподобный же Сергие, живый съ братиами, многы труды претрѣпываше, и великы подвигы и поты постничьскаго житиа творяше; Сиа слышавъ единъ от нихъ никто человекъ, христианинъ, поселянинъ, чиномъ орачь, земледѣлецъ, живый на селѣ своемъ, орый плугомъ своимъ и от своего труда питаеся, пребываше отдалече сущихъ мѣстъ, иже от многа желанна и слышанна въсхотѣ видѣти его (Житие Сергия Радонежского).

В последнем примере причастие *орый* употреблено в функциональном значении с ослаблением семантики, так как в тексте уже сказано, что субъектом действия является *орачь*, по своей функции в тексте данное причастие приближается к причастию *живый*. Особенностью этой группы глаголов является то, что процесс не зависит от воли субъекта действия, он прерывается со смертью героя или по достижении своего внутреннего результата — *растый*.

Наконец, последнюю группу составляют глаголы эмоционального отношения, которое может быть постоянным, обусловленным природой субъекта, например:

Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяи добра человека, яко вѣсю надежю свою на Господа положилъ есть святыи Борисъ, начать подвижнныи бываати (Сказание о Борисе и Глебе).

Соединяя семантику глагола с категорией локализованности/не локализованности действия, можно увидеть, что значение разноплановости двух действий или состояний, которое организуется причастными формами в имперфективно-характеризующей и перфективной функциях, часто мотивировано глаголами с абстрактным значением (*спасти, избавити, жити, вѣровати* и др.). То есть внесюжетный фрагмент нарратива может маркироваться как семантикой глагола, так и членной формой причастия.

Третьим условием употребления членных форм причастий в житийных текстах является тип субъекта и категория референтности именной группы, к которой отнесена причастная форма.

В старославянских и восточнославянских текстах наблюдается незнакомое для большинства текстов современного языка семантическое разграничение личных субъектов на временные и вневременные. Вневременной контекст в современном русском языке задается лексико-грамматическими средствами: именами с абстрактным значением, предикатами со значением настоящего вневременного и др. В житийных текстах этот контекст часто задается типом субъекта — именами *Упца* (Бог, Богородица и др.)². Особую разновидность имен *Упца* представляет собой имя в значении цитируемого произведения, например:

Не бо наскакывалъ на се, ниже превѣсхыцалъ предъ нѣкимъ, ни посуловъ сулилъ от сего, ни мзды давалъ, якоже творятъ нѣщии санюлюбци суще, другъ предъ другомъ скачюще, верѣтящесе и прехватающе, не разумѣюще Писания, глаголющаго: «Ни хотящему, ни текущему, но милующему Богу, от негоже всяко даание благо, всякъ даръ съврѣшенъ свыше есть, сходя от Бога, отца свѣтомъ» (Житие Сергия Радонежского).

Иногда эту же функцию может выполнять субстантивированное причастие:

Убойтеся рекъшааго усты апостольскы... (Сказание о Борисе и Глебе).

Членное причастие при вневременном субъекте может употребляться в двух функциях.

Во-первых, причастие может отсылать к моменту в библейской истории, который стал общеизвестным. В этом случае оно обозначает факт в прошлом, который стал результатом-атрибутом Бога в настоящем вневременном. Например:

И рече Александръ: «О невѣгласи псковичи! Аще сего забудете и до правнучатъ Александровыхъ, и уподобитесе жидомъ, ихъ же препита Господь в пустыни манною и крастелми печеными, и сихъ встѣхъ забыша и Бога своего, изведшааго я от работы изъ Египта» (Житие Александра Невского).

Причастие в этой функции может встречаться также в цитатах, где субъектом является говорящий. Несмотря на то, что ситуация касается личной жизни субъекта, а не мировой истории, причастие употребляется в той же функции постоянного атрибута, ср:

Тамо, въ Ветхом законѣ, Иеремья пророкъ въ чревь матери освятися, здѣ же, в Новѣм, Павелъ апостолъ въпещише: «Богъ, отецъ Господа нашего Иисуса Христа, **въззавый мя изъ чрева матери моея**, явити сына своего въ мнѣ, да благовѣствую въ странахъ» (Житие Сергия Радонежского).

Это объясняется потенциально обобщенным характером субъекта.

Во-вторых, причастие может отсылать к событию сюжетного времени, например:

*Родители же его и братия его се видѣвши и слышавши, удивившия скорому его разуму и мудрости и прославиша Бога, **давшиаго ему таково благодать**.*

Здесь можно говорить о результате действия, но не об атрибуте, не о качестве, потому что имеется отсылка к конкретному факту в жизни героя.

При субъекте, выраженном именем Unica, может употребляться и нечленная форма причастия. Разница в значениях членной и нечленной причастных форм в этом случае касается сферы действия события: становится ли результат действия вневременным или касается только земной жизни лица. С точки зрения организации сюжетного времени интересен следующий фрагмент из Жития Андрея Юродивого:

*Да якоже разидоша, вси бѣлоризьци они ищезнуша. Краснии же онъ старецъ приде къ рабу Божию и, възложивъ уже на выю его, рече к нему играя: «Видиши ли, како ти ся есмь уранилъ на помощь твою. Велики бо ся пеку тобою, мене бо наряди Богъ, **повелѣвъ** ми, да промышляю, яже ты на спасение твое приводяшь удобная, **пекыися всегда** и подая тебе. Да притерпи, да будещи о всемъ искушенъ. Недалече бо ти будеть, и пуцень будещи и ходити начнеши по своей воли, кдѣ же будеть годъ очима твоима».*

В этом фрагменте рассказывается о явлении Иоанна Богослова Андрею Юродивому, события, о которых рассказывает Иоанн Богослов, касаются вневременной жизни, однако представлены они как сюжет, параллельный описываемым в житии событиям в земной жизни Андрея.

Причастие в членной форме может употребляться при любом субъекте, если подчеркивается вневременной характер события, состояния. В частности, в предыдущем фрагменте членная форма причастия употреблена с обстоятельством, подчеркивающим вневременность не-

кыися всегда. Интересным в этом смысле является пример из Сказания о Борисе и Глебе:

*Якоже **Каинъ, не вѣдый** мести прияти и едину прия, а Ламехъ, зане **вѣдѣвъ** на Каинъ, тѣмъ же семьдесятую мьстися ему.*

Здесь встречаются сразу обе причастные формы от одного глагола — членная и нечленная. Обе формы соотносятся с референтными, известными для автора и читателя жития лицами. Одинаковые на первый взгляд условия оказываются противопоставлены с точки зрения библейского сюжета: Каин еще не знал о мести, а Ламех уже знал на примере Каина, и членная причастная форма здесь указывает на постоянное качество субъекта, а нечленная форма встраивается в причинно-следственную связь.

Для выявления разницы в условиях употребления членных и нечленных форм при других типах личных субъектов релевантным оказывается референциальный статус субъекта. Нечленные формы в аористивной функции, как было сказано выше, обычно употреблены при референтном имени, ср.:

*По тѣмъ же единѣмъ прежереченный игумень, иже постриже блаженнаго Сергия, разболѣлся, и нѣколько время **поболѣвъ**, от сего жития преставися и къ Господу отиде* (Житие Сергия Радонежского).

Членные причастные формы могут употребляться как при референтном, так и при не-референтном имени. Так как членное причастие в перфективной и имперфективно-характеризующей функции обозначает некую автономную характеристику субъекта и исторически связано с категорией определенности (местоимением), то субъект действия, выраженного членной формой причастия, требует пояснения. Одной из самых распространенных семантико-синтаксических функций считается идентифицирующая, или «предикативно-характеризующая, в которой причастия определяют не понятия, а предметы» [5: 79]. Например, в Житии Сергия Радонежского встречается конструкция с членным причастием при нереперентном имени: *Бѣ же **нѣкий** христоролюбець, **живый** въ предѣлахъ монастыря оно-го, имѣя въру велию къ святому Сергию* и конструкция при имени собственном, употреблен-

ном впервые в идентифицирующей функции: *и елика другаа нъкаа слышахом и от его брата старъйшаго Стефана, бывшаго по плоти отца Феодору, архиепискому Ростовьскому*. Однако имена нереферентной именной группы в нарративе встречаются гораздо реже референтных, потому что центром житийного нарратива всегда остается святой.

Для характеристики уже известного имени в нарративных текстах используется особая лексикализованная причастная форма (*прежереченный*), выполняющая анафорическую и референцирующую функцию. Например:

Таче по дньнхъ мнозыхъ слышавъши, кѣде живеть, и абие устрѣмися по нь съ гнѣвъмъ великъмъ, и пришедъши въ прежереченый градъ и, искавъши, обрете ѿ въ дому презвутерове, и имъши, влечаше ѿ въ градъ свой биюци (Житие Феодосия Печерского).

Таким образом, в статье предпринята попытка применить текстовой подход к изучению причастных форм. Выход за рамки предложения позволил сделать предварительные выводы, касающиеся условий употребления членных причастных форм в житийных текстах. Анализ причастных функций показал, что появление членной формы может зависеть от трех параметров: ее текстовой временной функции — отнесенности к сюжетному/несюжетному времени, семантики мотивирующего предиката и типа субъекта причастного действия. В свою очередь, членная форма выполняет следующие функции в тексте: вводит несюжетное время, употребляется при идентификации или характеристике нереферентного лица. Кроме того, являясь определением имен *Unica* и маркируя цитаты из Священного Писания, членные формы причастий создают регистровую многогранность и интертекстуальность житийного текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее иллюстрации приводятся по изданию: Библиотека литературы древней Руси / Под ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 1–20. СПб., 1997–2003 (продолжающееся издание).

² Об именах *Unica* применительно к болгарской грамматике Ю. С. Маслов писал: «Имена существительные типа 'солнце', 'небо', 'месяц' (так называемые *unica*), обозначая

единичные, единственные понятия, используются преимущественно в определенной форме» [7: 92].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. СПб., 2001.
2. Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот. (Простое предложение). Львов, 1949.
3. Гиппиус А. А. Морфологические, лексические и синтаксические факторы в склонении древнерусских членных прилагательных // Исследования по славянскому историческому языкознанию: Памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 66–84.
4. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.
5. Камынина А. А. Современный русский язык: Синтаксис простого предложения. М., 1983.
6. Марков В. М. К вопросу о происхождении «полных» прилагательных // История русского языка. Словообразование и формообразование: сб. матер. Казань, 1997. С. 10–20.
7. Маслов Ю. С. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
8. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
9. Руднев А. Г. Внутренние закономерности употребления именных и местоименных прилагательных в древнерусском языке // *Slavia*. 1957. XXVI. С. 192–211.
10. Сахарова А. В. Синтаксис и прагматика причастного оборота в древнерусской летописи: критерии распределения предикаций на причастные и финитные в комиссионном списке новгородской первой летописи: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2007.
11. Толстой Н. И. Значение полных и кратких форм прилагательных // Вопросы славянского языкознания М., 1957. Вып. 2. С. 43–122.
12. Толстой Н. И. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян // История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
13. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII). М., 2002.

РОЛЬ ИМПЕРФЕКТИВНЫХ СУФФИКСОВ В АСПЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ОТГЛАГОЛЬНЫХ ИМЕН ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ELENA E. PCHELINTSEVA

THE ROLE OF IMPERFECTIVE SUFFIXES IN ASPECTUAL DESCRIPTION
OF VERBAL NOUNS OF ACTION IN RUSSIAN LANGUAGE

В статье исследуется степень влияния глагольных суффиксов на аспектуальные особенности отглагольных имен действия в русском языке на материале словарных и корпусных данных.

Ключевые слова: отглагольное имя действия, девербатив, аспектуальная семантика, имперфективные суффиксы.

The paper investigates the degree of influence of verbal suffixes on the aspectual functional-semantic features of verbal nouns in Russian language, as exemplified in dictionaries and corpus-based data.

Keywords: verbal noun, deverbative, aspectual semantics, imperfective suffixes.

**Елена Эдуардовна
Пчелинцева**

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой украинского
языка и общего языкознания

Черкасский государственный
технологический университет, Украина

Бульв. Шевченко, 460,
г. Черкассы, 18006, Украина

Докторант

Институт лингвистических
исследований РАН

Тучков пер., 9,
Санкт-Петербург, 199053, Россия

► pchele@gmail.com

Elena E. Pchelintseva

Cherkasy State Technological
University, Ukraine

460, Shevchenko Blvd.,
с. Cherkasy, 18005, Ukraine

Institute for Linguistic Studies,
Russian Academy of Sciences

9 Tuchkov pereulok,
Saint-Petersburg, 199053, Russia

В фокусе внимания в данной статье — имена существительные, образованные от глаголов и выражающие значение действия или состояния: *завоевывание* — *завоевание*, *выздоровливание* — *выздоровление*, то есть отглагольные имена действия, или девербативы. Эти существительные могут выражать разные аспектуальные значения, называть длящееся или законченное действие, процесс или его результат. В большинстве случаев их аспектуальную семантику можно выяснить путем трансформации таких предложений в конструкции с глаголами, как, например:

- (1) *После **издания** скандально знаменитых «Тайных записок А. С. Пушкина» наш бывший соотечественник проснулся знаменитым.* (Рахаева Ю. Как статья успешным черным котом (2003) // Известия, 2003.02.06) = после того, как были **изданы**;
- (2) *...при **издании** книги было решено изменить имена и фамилии детей, и даже классный руководитель выступала под своей девичьей фамилией:* (Боцманова М. Э., Триггер Р. Д. Изучение психологии подростка в лаборатории Д. Б. Эльконина // Вопросы психологии, 2004) = когда книга **издавалась**, было решено...

При этом у русских существительных нет категории вида, которая бы однозначно определяла их аспектуальные признаки, утрачены регулярные «видовые» пары (*разукрашивать* → *разукрашивание*, но *разукрасить* → ?, *завоевать* → *завоевание*, но *завоевывать* → ?).

По поводу сохранения или утраты аспектуальных признаков в русских отглагольных именах за последние десятилетия сделан ряд ин-

Исследование выполнено при поддержке Фонда Президента РФ,
грант НШ-3135.2014.6 «Петербургская школа функциональной грамматики»

тересных наблюдений, см.: [10: 45–53; 4; 7; 11; 3; 8; 6]. Во многих из этих работ речь идет о том, что имена действия в русском языке утратили связь с видовыми формами мотивирующего глагола. И все же, как показывает практика, иногда мы избирательно относимся к этой категории слов, отдавая предпочтение в разных речевых ситуациях той или иной форме имени действия, если, конечно, язык дает нам такую возможность. Каким образом мы осуществляем выбор, например, между словами *выздоровливание* и *выздоровление* или *спасение* и *спасание*?

Важную роль в этом процессе играют суффиксы: как имперфективные *-ива-/-ыва-*, так и транспозиционные, полученные в процессе перехода из глагола в существительное: *-ниж(е)*, *-к(а)*, нулевой суффикс и пр. Попробуем разобраться, насколько «аспектуально значимы» для русских отглагольных существительных доставшиеся им «в наследство» от глагола имперфективные суффиксы *-ива-/-ыва-*¹. Для того чтобы анализ был объективным, проанализируем словарные толкования таких имен действия, а затем проверим их сочетаемость с аспектуальными «диагностическими» контекстами². Имперфективный характер имени действия определяется его сочетаемостью в форме единственного числа с фазовыми глаголами (*начать*, *продолжать*, *закончить*), с адъективными показателями длительности или повторяемости действия (*постоянная*, *регулярная*, *длительная*), с предлогами *по мере*, *во время*, *при*, а также отрицательной сочетаемостью с показателями перфективности. Перфективность деевратива (то есть его способность выражать значения совершенного вида) диагностируется, если он способен сочетаться с адъективными показателями совершения действия разом, в один прием (*мгновенное*, *моментальное*, *неожиданное*), с результативными глаголами (*произвести*, *произойти*, *совершить(ся)*, *осуществить(ся)*), с предлогами *после*, *в результате*, а также если он не сочетается с показателями имперфективности.

Чтобы точно диагностировать аспектуальную семантику имен действия в речи, мы используем метод трансформации в глагольные конструкции. Для уточнения восприятия аспекту-

ального значения некоторых типичных имен действия мы провели лингвистический опрос среди школьников и студентов г.Новосибирска, некоторые результаты приводятся в статье. Для выяснения употребительности имен действия разных типов, а также их наиболее частотных аспектуальных значений в речи привлекаются данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Для изучения влияния имперфективного суффикса в большей степени подходят пары имен действия, образованные от соотносительных по виду глаголов: *выздоровливание* — *выздоровление*, *открывание* — *открытие*, поскольку в этом случае у говорящего есть выбор между однокоренными именами действия, и мы можем более или менее объективно установить, влияет ли на этот выбор наличие имперфективного суффикса или нет. Общее количество таких пар, согласно нашей сплошной выборки из МАС, — 252.

Словарные толкования таких имен действия свидетельствуют о том, что соотносительность по значению в них часто ослаблена: у 26 пар типа *прожитие* — *проживание*, *прикрытие* — *прикрывание* произошло семантическое расхождение, то есть они не совпадают хотя бы в одном из значений. Например, значения слов *прикрытие* — *прикрывание* в МАС описаны следующим образом:

ПРИКРЫТИЕ. 1. *Действие по знач. глаг. прикрыть и прикрываться...* 2. Защита, охрана... 3. Предмет, сооружение и т. п., защищающие, укрывающие от чего-л.

ПРИКРЫВАНИЕ ... *Действие по знач. глаг. прикрывать и прикрываться.*

Некоторые имена действия разошлись в значениях полностью, например:

РАСПИСЫВАНИЕ. ... *Действие по знач. глаг. расписывать*

РАСПИСАНИЕ ... График, таблица, содержащие указания о времени, месте и последовательности совершения чего-л.

Эти и подобные им пары отглагольных существительных в данном случае остаются вне поля нашего зрения, поскольку они не дают возможности установить влияние имперфективного суффикса с необходимой строгостью. В фокусе нашего анализа — только те имена действия, ко-

торые сохранили полную или частичную семантическую соотносительность. Сплошной анализ их сочетаемости с аспектуальными диагностическими контекстами позволил нам выделить три типа пар.

Наиболее многочисленной (около 150 пар) оказалась группа, в которой оба члена хорошо сочетаются и с перфективными, и с имперфективными показателями («СВ» = «НСВ»): *начать завоевание, расслоение — начать завоевывание, расслаивание; осуществить завоевание, расслоение — осуществить завоевывание, расслаивание* и т. д. При этом результат выборочных запросов в НКРЯ подтверждает, что оба члена пары действительно употребляются как в перфективных, так и в имперфективных контекстах, хотя и с разной частотой, сравните (3) и (4), (5) и (6):

- (3) *После **завоевания** побережья русскими черкесы ушли, и жизнь в прибрежных горах заглохла* (В. Гроссман. Все течет) = после того, как побережье **завоевали** (СВ) русские;
- (4) *Уже позднее, в советское время, историки вели спор по поводу причин, заставивших Российскую империю **начать завоевание Средней Азии*** (Лолаева С., Рябов А. Средняя Азия в русском и российском восприятии // Неприкосновенный запас, 2009) = ...начать **завоевывать** (НСВ) Среднюю Азию;
- (5) *Пока банкиры строили стратегические планы по **завоевыванию** финансового пространства СНГ и Восточной Европы, первый зампред Центробанка Геннадий Меликьян рассказал о внутрироссийских проблемах* (Зырянова С. Банки сами провоцируют невозврат кредитов // Труд-7, 2008.04.28) = ...планы, как **завоевать** (СВ) финансовое пространство...;
- (6) *Вместо **завоевывания** новых сегментов рынка предприятия зачастую лишь избавляются от складских запасов, следуя за сокращением внутреннего спроса* (Фроловская Т. У экономики нет сил // РБК Daily, 2009.08.19) = Вместо того, чтобы **завоевывать** (НСВ)...

Характерно, что в примерах из НКРЯ имена действия, содержащие имперфективный суффикс, все же больше тяготеют к выражению имперфективных значений (процессуальных, кратных и др.), а их «перфективные партнеры» оказываются более универсальными в выраже-

нии аспектуальных значений. Например, слово *завоевание* часто встречается как в сочетании с перфективным значением *после завоевания* (91 вхождение), так и сочетаниях с имперфективным значением *во время завоевания* (22 вхождения) и *при завоевании* (37 вхождений) и т. п.

Вторая группа (около 50 пар) характеризуется тем, что имена действия, образованные от глаголов НСВ (*разливание*) и, соответственно, сохранившие имперфективный суффикс, более универсальны и могут включаться в любой контекст, в то время как существительные от глаголов СВ (*разлитие*) тяготеют к перфективным контекстам («СВ» > «НСВ»), например: *осуществить разливание — осуществить разлитие, но начать разливание — *начать разлитие (?)*. Здесь обнаруживается следующая закономерность: мотивирующие глаголы СВ обычно обозначают необратимый результат (*заклясть, разбить, разлить* и т. д.) или однократное кратковременное действие (*прикоснуться*), следовательно, в соотносительных с ними девербативах сильна результативная, предельная семантика (см. пример (7)), а процессуальность отсутствует либо требует поддержки контекста. В свою очередь, имена действия, образованные от глаголов НСВ, могут употребляться в значениях как процесса (8), так и результата (9):

- (7) *...предъявляют протокол, и обратно отмечают в документе, что я заплатила пятьдесят рублей за **разбитие** витрины в кино* (В. Ф. Панова. Сережа) = ...за то, что **разбила** (СВ) витрину...;
- (8) *Впрочем, бритоголовые настолько заняты **разбиванием** кирпичей, что вряд ли замечают кого-нибудь вокруг себя* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени) = ...тем, что **разбивают** (НСВ) кирпичи...;
- (9) *Если бы только тысяч собралось бы в каком-нибудь европейском городе, все завершилось бы в лучшем случае мордобоем, **разбиванием** стекол и машин* (Письмо молодой женщины подруге из Еревана (2003)) = ...завершилось бы тем, что...**разбили** бы (СВ) стекла и машины.

Обнаруживаются и такие контексты, в которых имена действия этой группы, образованные

от глаголов СВ, выражают длительность, но при внимательном рассмотрении оказывается, что это длительность сохранения результата, то есть перфектная, как в соотношении «разливаться → разлиться → пребывать в этом состоянии»:

- (10) *Весною же при разлитии вод левый берег совершенно недоступен* (М. И. Богданович. Восточная война 1853–1856 годов. Т. 1) = ...когда **разливаются** (= разлились и пребывают в этом состоянии) воды...

Гораздо лучше такие имена «приспособлены» к выражению результативных значений (11):

- (11) *...летом, после разлития вод, леса, луга, нивы оживают и быстро покрываются роскошной зеленью. ...* (Д. И. Иловайский. Краткие очерки русской истории) = ...после того, как **разлились** (СВ) воды...

Третья семантическая группа объединяет около 50 пар, в которых девербативы без имперфективного суффикса характеризуются универсальностью по отношению к обозначенным показателям аспектуальности, а имена действия с *-ива/-ыва-* сочетаются только со «своими» имперфективными контекстами («НСВ» > «СВ»). Обычно они образованы от глаголов, называющих длительные по природе действия: *начать издание — начать издавание; продолжается выздоровление — продолжается выздоравливание*. Но сравните: *осуществить издание, произошло выздоровление* — вполне естественно, *осуществить издавание, произошло выздоравливание* — сомнительно.

Действительно, в НКРЯ мы обнаружили имена действия с имперфективным суффиксом (как *выздоровливание*) и без него (как *выздоровление*) в практически одинаковых контекстах в процессуальном значении, сравните (12) и (13):

- (12) *У него болезнь приняла такой опасный оборот, что несколько дней он был при смерти; затем началось медленное **выздоровливание*** (А. Н. Анненская. Трудная борьба) = он начал медленно **выздоровливать** (НСВ);
- (13) *Во время моего медленного **выздоровления** он терпеливо помогал мне в моём возврате к жизни* (С. Д. Кржижановский. Случаи) = ...когда я медленно **выздоровливал** (НСВ).

Однако в явно перфективном контексте более естественно воспринимается имя действия без имперфективного суффикса (пример (14)), и заменить его на *выздоровливание* вряд ли возможно:

- (14) *Потом космос с нами справится, мы исчезнем, и наступит **выздоровление*** (Шишкин М. Письмовник // Знамя, 2010) = ...и (Земля. — Е. П.) *выздоровеет* (СВ) — ср.: ...и наступит **выздоровливание** (?).

Анализ сочетаемости имен действия с аспектуально значимыми контекстами позволяет сделать следующий вывод: сохранение глагольного имперфективного суффикса в отглагольных именах действия в сочетании со значением самого глагола безусловно способствует усилению аспектуальной семантики длительности и снижает вероятность их употребления в контекстах с выраженной перфективной семантикой завершенности, результативности действия. В то же время отсутствие имперфективного суффикса в именах действия, образованных от парных глаголов СВ, в большинстве случаев не препятствует их употреблению в имперфективных контекстах — такие отглагольные существительные демонстрируют большую аспектуальную универсальность в речи.

Данные опроса⁴ в целом подтвердили этот вывод. В частности, студентам и школьникам было предложено составить небольшие предложения со словами *выздоровление / выздоравливание*. Результат: «перфективное» имя *выздоровление* 82 человека употребили в результативном значении (пример (15)), и только 28 — в значении процесса (16):

- (15) *Мое **выздоровление** было для меня радостным* = я был рад, когда **выздоровел** (СВ);
- (16) *Мое **выздоровление** было долгим и тяжелым* = я **выздоровливал** (НСВ) долго и тяжело.

И наоборот: 94 респондента включили «имперфективное» имя *выздоровливание* в контекст с актуально-длительным значением, причем в большинстве случаев даже со специальными указаниями на его длительность:

- (17) *Процесс **выздоровливания** затянулся на долгие недели*.

Употребления имперфективного девербатива в результативном значении единичны и могут быть подвергнуты сомнению:

- (18) *Консервативное лечение привело к **выздоровливанию** (?).*

Изучение свойств парных имен действия приводит к вопросу о степени востребованности членов таких пар в речи, что видно и из приведенных выше примеров. Поэтому следующим этапом исследования стала выборочная проверка частотности их употребления в НКРЯ. Оказалось, что, по данным НКРЯ, в реальном словоупотреблении чаще всего подлинной аспектуальной дифференциации нет. Конкуренция внутри пар приводит к тому, что одно имя действия из пары употребляется широко и принимает на себя все аспектуальные функции, а второе — редко или не употребляется вовсе. При этом в подавляющем большинстве проверенных нами пар (из всех трех названных выше групп) частотным оказалось имя действия, образованное от глагола совершенного вида (то есть без имперфективного суффикса). Показательны соотношения количества вхождений в основном подкорпусе НКРЯ: *расслоение / расслаивание* — 389 : 5, *завоевание / завоевывание* — 3 158 : 3, *издание / издавание* — 15 364 : 9, *выздоровление / выздоравливание* — 1677 : 5 и т. д. Неудивительно, что в таком случае более частотная форма берет на себя все аспектуальные функции:

- (19) *Харитоновна проектировала Гольяново с любовью и вниманием, но откуда ей было знать, что когда-нибудь в Москве начнется социальное **расслоение**?* (Вишневецкая Ю., Харитоновна З. Над пропастью в Москве // Русский репортер, № 45 (173), 18.11.2010) — длящийся процесс;
- (20) ***Расслоение** эмульсии и выделение жёлтого жира свидетельствуют о нарушении технологии изготовления майонеза или о его неправильном хранении* (Сокольский И. Улада гурманов и «спаситель» домохозяек // Наука и жизнь, 2009) — завершённый процесс.

Это вполне объяснимо с точки зрения общего устройства системы отглагольных имен действия: в русском языке лишь небольшая часть

этой категории слов сохранила «видовую» парность, в общей сложности в нашей картотеке насчитывается 414 таких пар, включая префиксальные типа *лечение — излечение* (о влиянии перфективных префиксов на семантику русских имен действия см.: [9]). Соответственно в большинстве случаев носитель языка не располагает двумя именными вариантами названия действия, которые могли бы точно охарактеризовать его с точки зрения процессуальности, длительности или завершенности, результативности: одно существительное выполняет все аспектуальные функции. Это свойство переносится на большинство имен действия в русском языке.

Однако эта тенденция наблюдается не всегда. Например, в парах типа *обезоружение / обезоруживание* все обстоит наоборот: чаще употребляется имя действия, образованное от глагола НСВ: *обезоружение / обезоруживание* — 22 : 54, *облагорожение / облагораживание* — 17 : 63, *очеловечение / очеловечивание* — 39 : 61 и т. д.⁵ В этом процессе обнаруживается определенная закономерность: если имя действия образовано от глагола, мотивированного глаголом (*выздоровливание — выздоровление*, ср.: *выздоровливать — выздороветь*), то реже употребляется форма, образованная от глагола НСВ. Если же производящий глагол сам является производным от существительного или прилагательного, (*очеловечение / очеловечивание*, ср.: *человек → очеловечить → очеловечивать*), то менее употребительным оказывается имя, мотивированное глаголом совершенного вида, что обусловлено, возможно, стремлением к сохранению «глагольности» имен, мотивированных отыменными глаголами.

Таким образом, глагольные имперфективные суффиксы *-ива-/-ыва-* мягко корректируют аспектуальную семантику русских имен действия: в сочетании с семантикой основы они влияют на преобладание процессуальных значений. Результаты лингвистического опроса этот вывод в целом подтверждают. В то же время данные НКРЯ указывают на общую тенденцию к выбору аспектуально нехарактеризованных отглагольных имен действия: более востребованными в русском речевом употреблении оказываются

имена действия без формально выраженных аспектуальных признаков.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Материал для исследования объемом более 5500 единиц получен методом сплошной выборки русских отглагольных имен действия из Словаря русского языка: В 4 т./ Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984 [МАС], текстовые примеры извлечены из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] (<http://www.ruscorpora.ru/>).

² По отношению к глаголу «диагностические» контексты описаны в: [5; 1; 2].

³ Кавычки указывают на то, что никакого СВ или НСВ у существительных нет, но есть семантические признаки либо перфективности, либо имперфективности, соотносимые с СВ или НСВ глагола.

⁴ Основной задачей проведенного опроса было выяснить, воспринимает ли носитель русского языка аспектуальные оттенки отглагольных имен действия разных типов. На вопросы анкеты отвечали студенты филологических факультетов Новосибирского государственного педагогического университета, а также учащиеся выпускных классов школ г. Новосибирска. Общее количество полученных анкет — 117.

⁵ В некоторых случаях разница в частотности настолько незначительна, что трудно делать какие-либо выводы: *онемечение* (7 вхождений) — *онемечивание* (9 вхождений), *обезземеление* (14 вхождений) — *обезземеливание* (11 вхождений).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л., 1967.

2. Гловинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.

3. Зализняк Анна А. Связь отглагольных существительных на -ние, -тие с глагольным видом // Terra balkanica. Terra slavica: К юбилею Т. В. Цивьян. М., 2007. С. 43–51.

4. Иванникова Е. А. К вопросу об аспекте изучения категории вида у отглагольных существительных в русском языке // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 31. Вып. 2. 1972. С. 113–120.

5. Маслов Ю. С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.

6. Падучева Е. В. Славянский тип аспектуальности и видовое значение отглагольного имени: традиционный и генеративный подход. — URL: http://otipl.philol.msu.ru/staff/people/tatevosov/E_V_Paducheva_handout.pdf

7. Пазельская А. Е. Аспектуальность и русские предикатные имена // Вопросы языкознания. 2003. № 4. С. 72–90.

8. Пчелинцева Е. Э. Отглагольные имена существительные в русском языке и аспектуальные разряды // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации / Отв. ред. А. В. Бондарко, В. В. Казаковская. М.: Языки славянской культуры, 2013. С. 193–226.

9. Пчелинцева Е. Э. Роль глагольных префиксов в формировании аспектуальной семантики русских отглагольных имен действия // Русский язык в школе. 2015. № 10. С. 54–59.

10. Хохлачева В. Н. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М., 1969.

11. Чжан Цзяхуа. Аспектуальные семантические компоненты в значении имен существительных в русском языке // Вопросы языкознания. 2007. № 1. С. 27–43.

[хроника]

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ В ЦЕЛЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО»

(Окончание на с. 26)

26–28 ноября 2015 года на филологическом факультете Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, силами кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета при участии кафедры русского языка и кафедры дидактической лингвистики и теории русского языка как иностранного была проведена VI Международная научно-практическая конференция «Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». В работе конференции приняли участие около 400 человек из разных городов России и стран: Беларуси, Азербайджана, Армении, Латвии, Италии, Монголии, Ирана, Китая, Германии, Польши, Словакии, Сербии, Франции, Японии.

С приветственным словом к участникам конференции обратилась заместитель декана по работе с иностранными

учащимися филологического факультета МГУ Г. Е. Кедрова. На пленарном заседании выступили: **В. С. Елистратов** («Магическая функция русского текста в начале XXI века»), **А. И. Чагин** («Бездонность образа. О возможностях анализа поэтического произведения (О. Мандельштам. „Концерт на вокзале“»); **В. В. Красных** («Теория и практика межкультурной коммуникации: современные подходы»); **Л. А. Дунаева** («Сетевые культурно-просветительские проекты в изучении русского языка как иностранного в России и за рубежом»); **Л. О. Чернейко** («Асимметричный языковой знак в аспекте тексто- и смыслопорождения»); **М. Н. ШUTOVA** («Звучащий текст в обучении иностранных студентов русской интонации»); **Н. П. Щитанская, Д. Саболова** («Лексическая и культурологическая ценность концепта Русь — Россия в современном русском языке.

ЯЗЫК ПОЛИТКОРРЕКТНОСТИ: СВОЙ — ЧУЖОЙ

TATIANA V. ROMANOVA

THE LANGUAGE OF POLITICAL CORRECTNESS: "OURS" OR "THEIRS"

Данная статья представляет собой анализ речевых штампов и клише в качестве показателей толерантности или интолерантности СМИ при оценке предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих». В статье устанавливаются содержательные корреляции между понятиями *политкорректность* и *толерантность*, проводится обзор имеющихся взглядов на проблему в целом и на отдельные её аспекты: рассматривается корреляция штампов и клише сознания с речевыми клише и штампами, а также с прецедентными феноменами; определяются маркеры категорий «свой» — «чужой», границы толерантного речевого поведения и маркеры речевой толерантности.

Ключевые слова: политкорректность, толерантность, оценка, речевые штампы, речевые клише.

The article presents an analysis of clichés and stock phrases as indicators of media's tolerance or intolerance in evaluation of objects, events and phenomena as "ours" or "theirs". The author proposes substantial correlations between the concepts of political correctness and tolerance, reviews existing views to this problem in general and to its certain aspects, such as the correlation of mental clichés with verbal stamps and case phenomena; defines the markers of the categories «one's own» — «alien», the boundaries of tolerant verbal behavior and the markers of verbal tolerance.

Keywords: political correctness, tolerance, evaluation, clichés, stock phrases.

**Татьяна Владимировна
Романова**

Доктор филологических наук, профессор
кафедры прикладной лингвистики и
межкультурной коммуникации

НИУ «Высшая школа экономики»
Нижегородский филиал

ул. Большая Печерская, д. 25/12,
Нижегород, 603155, Россия

► tvromanova@mail.ru

Tatyana V. Romanova

National Research University
Higher School of Economics,
Campus in Nizhny Novgorod

25/12 Bolshaya Pecherskaya Ulitsa,
Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Термин *политкорректность* был заимствован русским языком из английского способом калькирования. В «Словаре иностранных слов русского языка» дано следующее определение: «Политическая корректность, политкорректность — [англ. political correctness, сокр. PC] — «понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной политики <...> имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декорируется знаками антирасизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам» [2: 890].

Если говорить о «жизни» термина, то в настоящее время этот термин становится все более популярным в России, часто используется как синоним необходимой «коммуникативной сдержанности», «умения держать себя в руках», ср. определение: «практика прямого или опосредованного запрета на высказывание определенных суждений, обнародование фактов, употребление слов и выражений, считающихся оскорбительными для определенных общественных групп, выделяемых по признаку расы, пола, возраста, вероисповедания, сексуальной ориентации и т. п.» [7]. Собственно *корректность* в словарных определениях трактуется как «соблюдение в словах и поступках требований вежливости, приличий, долга» [3]. Русским языком слово было заимствовано

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 15-04-00534.

в XIX веке из французского языка, где *correct* — ‘правильный, корректный’, производное от латинского *correctus* — ‘правильный’, в свою очередь произошедшее от глагола *corrigere* — ‘приводить в порядок, корректировать, спрямлять’ [11: 147]. Таким образом, несмотря на большой ряд синонимов, можно полагать, что синоним *правильность* лучше всего передает изначальный смысл слова *корректность*. Видимо, корректность как коммуникативную характеристику можно включить в полевую структуру другой коммуникативной характеристики, получившей наименование тактичность, или такт: «Такт... (лат. *tactus* — прикосновение) — чувство меры, подсказывающее правильное отношение, подход к кому-н., чему-нибудь, создающее умение держать себя подобающим образом» [9]. В этом смысле политкорректность соотносится и с такими регулятивами, или постулатами коммуникации, как вежливость, учтивость, обязательность. Синонимами слова *корректность* являются: *любезность, галантность, обходительность, уважительность, предупредительность, правильность, пристойность, вежливость, тактичность, точность, деликатность, приличность, учтивость, четкость* [3].

Для нас важной является лингвистическая составляющая рассматриваемого регулятива, а именно язык политкорректности. В. В. Майба в статье «О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков)» пишет: «Под языком политкорректности естественно понимать словарь, „очищенный“, „правильный“ вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию социальных групп, находящихся в невыгодном положении» [5: 102]. Исследователь рассматривает язык политкорректности как двухуровневое образование, включающее идеологемы, то есть слова и выражения, которые непосредственно выражают ценности и установки политкорректности, и собственно политкорректные языковые единицы, представляющие собой результат применения идеологем политкорректности к языковой системе.

Политкорректность представляет общественную жизнь полярной, выделяет в ней «хорошее» и «плохое», «правильное» и «неправильное»,

«добро» и «зло». С помощью таких оппозиций задаются базовые ценности политкорректности, например, *равноправие/дискриминация, терпимость/нетерпимость, уважение/унижение*. Перечисленные лексические единицы представляют собой лексико-семантическое ядро полевой структуры концепта (понятия) *политкорректность*. Следует заметить, что лексический пласт, используемый для наименования всевозможных отрицательных явлений, которые противопоставлены политкорректности, представлен большим количеством разнообразных единиц, например, с суффиксом — изм: *гетеросексизм*; сложными словами с частью *-фобия* (от греч. *фобос* — ‘страх, враждебность, нетерпимость, боязнь’ чего-либо): *ксенофобия* и др. (см.: [Там же: 104]).

Периферию полевой структуры понятия *политкорректность* представляют «собственно политкорректные» языковые единицы: для создания «правильного» языка часто используются тропы и фигуры речи: эвфемизмы, перифразы, литота и другие. Неподходящим словам подбирается искусственно созданное, стилистически нейтральное слово без коннотаций. В качестве примеров можно привести пары слов, различающиеся семой ‘дискриминация’: а) *негр* — *афроамериканец*; б) *гомосексуалист* — *гомосексуал*; в) *алкоголик* — *злоупотребляющий алкоголем*; г) *инвалид* — *преодолевающий трудности из-за своего физического состояния*; д) *безработный* — *не получающий зарплату, бедный* — *лишённый преимущества*.

Если пытаться определить характер отношений между понятиями «толерантность» и «политкорректность», то, с нашей точки зрения, толерантность является содержанием, принципом, основой определённого социального регулятива (толерантность предполагает наличие идеи, взглядов, которым необходимо следовать), а политкорректность — формой, в том числе и речевой, его проявления, существования; политкорректность можно считать одной из коммуникативных характеристик неконфликтного речевого поведения наряду с вежливостью, тактичностью. Толерантность определяет, что надо делать, но не даёт инструкций — как. Политкорректность,

наоборот, представляет собой в первую очередь «пособие» по тому, как следует достигать реализации на практике определенной идеи. Именно принцип толерантности является идеологической основой политкорректности и политкорректного языка.

Данное исследование представляет собой анализ речевых штампов и клише в качестве показателей толерантности или интолерантности СМИ при оценке предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих». Материалом для нашего исследования послужили авторские статьи федеральной газеты «Аргументы и факты» (далее — *АиФ*) и регионального приложения «Аргументы и факты — Нижний Новгород» (далее — *АиФ-НН*) за 2014 год.

В отличие от телевизионных СМИ, отражающих прежде всего официальную точку зрения правительства, и электронных СМИ (блоги, новостные порталы и т. д.), чаще «говорящих от лица народа», газеты соединяют обе эти позиции, добавляя к ним развёрнутые комментарии экспертов. Именно эти комментарии содержат субъективную оценку, которая часто основывается на ментальных стереотипах, с которыми соотносятся определённые штампы и клише сознания. Стереотипы сознания зачастую связаны с оценкой тех или иных предметов, событий и явлений как «своих» или «чужих». Через используемые при подобной оценке речевые клише и штампы представляется возможным определить уровень толерантности лингвокультурного сообщества и существующие в его сознании стереотипы.

Использование клише и штампов необходимо для достижения взаимопонимания и кооперации внутри «своей» социальной или половозрастной группы [6: 607]. Для говорящего часто клише и штампы маркированы как «свои» или «чужие», имеют определённую стилистическую окраску и употребляются в ограниченном кругу коммуникантов, а также приобретают ту или иную знаковую характеристику в зависимости от типа коммуникации. Поэтому их употребление, выполняя функцию пароля, является сигналом принадлежности именно к этому социуму. В. В. Красных в монографии «Виртуальная реаль-

ность или реальная виртуальность» рассматривает штампы и клише сознания в рамках концепции прецедентных феноменов: «Они служат для выражения экспрессии, передачи „красоты“ языка и **способствуют определению собственного места и места собеседника на шкале ‘свой/чужой’** (выделено мною. — Т. Р.)» [4: 114].

Речевые штампы и клише коррелируют со штампами и клише сознания. Штампы и клише сознания — это психологические феномены, своеобразными «отражениями» которых являются языковые клише и речевые штампы, соотносящиеся с прецедентными феноменами в широком смысле этого термина (которые в таком случае подразделяются на собственно прецедентные феномены и на стереотипы). Это структуры, вызываемые из сознания с помощью тех или иных ассоциаций и не требующие объяснения для представителей определённого лингвокультурного сообщества

Можно предположить, что именно клише сознания, «вызываемые» с помощью семантико-когнитивной ассоциации, будут выражать оценку. Штампы же сознания, для которых действительны только фонетико-звуковая ассоциация и ассоциация-штамп и которые не имеют глубинного смысла, в оценке участвовать не будут.

В осознании того или иного этноса как «своего» важную роль играют непосредственно наблюдаемые обычаи, особенности поведения. Оценка «свой» изначально является осознанием кровного родства группы людей, в которой человек осознаёт себя свободным и противопоставляется «чужим»; значения «свой» и «свободный» связаны, что отражается в связи соответствующих корней в русском языке [8: 480]. Таким образом, первоначальным значением прилагательного *свободный* становится значение принадлежности к группе, которая даёт человеку привилегии, не доступные чужакам. Концепт СВОИ зафиксирован во всех группах индоевропейских языков, отличаются только формы его представления. В греческом корень с двойственным значением «сам, себя» и «свой» характеризует человека как отдельного индивида и как «своего» в одно и то же время [Там же: 481]. В славянских языках

этот же корень развивается по тому же пути, что корень *взрасти* в латыни, и связывает понятия «отдельный человек, индивид», «народ» и «свободный человек» [Там же]. Ещё одна, нетипичная связь обнаруживается в германских языках. Это связь между словами *свободный* и *любить* [Там же: 481–482]. Таким образом, «свои» — это люди, которые принадлежат к той же группе, а потому друзья, любимые, в отличие от «чужих».

Исследователями отмечено, что оппозиция «свой»-«чужой» представляет собой основную бинарную оппозицию как мировой, так и конкретно русской культуры, основополагающую категорию сознания, сформировавшуюся в процессе осмысления действительности. Выделено одиннадцать когнитивных признаков этой оппозиции: 1) пространство (верх/низ, право/лево, близко/далеко и т. д.); 2) время (настоящее («своё»)/прошлое и будущее («чужое»)); 3) язык (один язык/разные языки, понятная/непонятная речь); 4) человек (человеческий/нечеловеческий); 5) род, семья (родственные/неродственные отношения); 6) возраст (старший/младший, ребенок/взрослый); 7) гендер (мужчина/женщина); 8) принадлежность (личный/принадлежащий другим); 9) степень близости (знакомый/незнакомый, друг/враг); 10) религия (христианин/иноверец, верующий/неверующий, праведный/греховный); 11) этнос (одной/разных национальностей) [10]. Указанные признаки, упорядочивающие язык, мы будем использовать для определения оценки «своего» или «чужого» при анализе газетных источников.

Задачами исследования явились определение частоты, тематики, специфики использования речевых штампов и клише в реализации толерантных или интолерантных речевых стратегий.

Мы исходим из того, что исследуемый феномен является маркером толерантности, если выполняет одну из следующих функций: а) способствует снижению категоричности высказывания; б) изменяет специфику подачи критики, смещая акцент в сторону «обеспокоенности» ситуацией; в) апеллирует к авторитету с целью объективации оценки; г) указывает на субъективность мнения автора [1: 26].

Исследователи делят клише на пять групп: 1) общеизвестные фразеологизмы, пословицы, крылатые слова и выражения и др., не соотносимые с какой-либо исторической эпохой; 2) фразеологизмы неясного или авторского происхождения, которые могут быть речевыми оборотами, крылатыми фразами из кинофильмов или просто распространенными клише, зачастую относящимися к просторечиям; 3) выражения нелитературного характера, используемые в более интимных ситуациях общения, а также клише-«джокеры» — фразеологизмы, выполняющие в речи роль междометия, служащие сигналом «закрытия темы»; 4) советизмы; 5) постсоветские клише, а также клише-однодневки, которые быстро выходят из употребления и не обладают устойчивыми коннотациями [6].

Самыми популярными темами указанного газетного издания в период с января по март 2014 года были события на Украине в феврале 2014 года и Олимпиада 2014 года в Сочи.

В газетных статьях этого периода фиксируются новые речевые штампы и клише, вызывающие ассоциацию с событиями, становящиеся прецедентными ситуациями, например с событиями на Украине. Эти высказывания и номинации, имеющие устойчивые ассоциативные ряды — *майдан*, *евромайдан*, *Болотная площадь*, *кто не скачет — тот москаль*, — в этих статьях появляются впервые, чаще в сильной позиции текста, позиции заголовков (АиФ. 2014. № 3). Использование клишированных выражений в функции заголовка способствует формированию глубинного смысла прецедентного высказывания.

Ответная оценочная реакция автора этой статьи, представляющая собой трансформацию указанного выше выражения: «*Кто не пляшет, тот хохол!*» (АиФ. 2014. № 3. С. 8), говорит об интолерантном отношении «к бунтовщикам», «чужим» для нашей страны, что отражается и в противопоставлении уничижительных прозвищ *хохол* и *москаль*. Россия же концептуализируется в образах «простодушного Ивана» и «жалостливой Алёнушки», готовых кормить всех соседей. Эти клише ассоциируются также и с образом

Ивана-дурака из русских народных сказок, на которого сваливаются все беды и которого всегда «назначают» виноватым.

В публикации «Украинская зима» события на Украине сравниваются с *арабской весной* — по аналогии создаётся выражение *украинская зима* (АиФ. 2014. № 5. С. 6). При описании конфликтов и их причин используются интолерантные, грубые речевые выражения: *толкает речь, шлюет на три весёлых буквы, держится на соплях, довёл до ручки, спустил власть в унитаз*, — которые применительно к русской когнитивной базе тоже можно назвать речевыми штампами и штампами сознания.

На пике украинского конфликта в газетных публикациях используются ассоциации с Великой Отечественной войной — «Оборона Севастополя» (АиФ. 2014 № 9. С. 12). В этом случае используются преимущественно речевые клише, в том числе фразеологизмы и разговорные клише, не имеющие авторства: они помогают автору выразить свою позицию, которую поймут все представители того же лингвокультурного сообщества.

В анализируемых публикациях наша страна сравнивается с другими государствами. В сравнении России и Советского Союза часто используются те штампы и клише, которые апеллируют к текстам советских песен, а также к классическим литературным произведениям. Так, власть, решающая идти по стопам тоталитарного режима, сравнивается с Фамусовым из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «*Забрать все книги бы да жечь*» (Русь новая и уходящая // АиФ. 2014. № 4. С. 6). В описании консервативно настроенной власти применяется и другое клише: «и лучше всего *сидеть на печи*». Сравнение с литературным героем или со сказочным персонажем определяет оценку, но одновременно и смягчает критику, что является одним из показателей толерантного речевого поведения.

Часто используются трансформации речевых клише и штампов. Эти выражения иногда апеллируют сразу к двум прецедентным феноменам, например к имени и высказыванию, и образуются путём их соединения. Так, новая

власть, желающая перемен, именуется журналистом *птеницы Гайдарова гнезда*, что ассоциируется с прецедентным высказыванием *птеницы гнезда Петрова*, и прецедентным именем *Егор Гайдар*. Таким образом, подобный тип власти, через ассоциацию с реформаторами времен Российской империи, Советского Союза и России, оценивается положительно, толерантно. Именно когнитивная опора (объект, к которому апеллирует автор) передаёт позицию автора, тип оценки.

В статьях спортивной тематики по большей части используются клише не авторского происхождения, часто просторечные, но в большинстве своём не нарушающие принцип толерантности. Их специфика заключается в том, что значение 'свой' или 'чужой' в таких клише является одним из основных и «поверхностных» — такие клише функционируют как штампы, для понимания значения которых достаточно присутствия в их структуре слов *свой* и *чужой* или сем 'свой'/'чужой': *свой в доску, свои среди чужих, заокеанские арбитры; боимся сглазить, но есть предчувствие, что скандинавы не будут чувствовать себя на сочинской лыжне как дома* и др. (Игры — 2014: у нас все дома! // АиФ. 2014. № 6. С. 13)

Таким образом, выделенные речевые штампы и клише можно классифицировать следующим образом: новообразованные клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным высказываниям, связанным с недавними событиями; фразеологизмы и просторечные клише, не имеющие автора и известные всем представителям лингвокультурного сообщества, используемые автором для выражения собственного мнения, часто нетолерантного; клише, апеллирующие к прецедентным именам и прецедентным текстам, использующиеся с целью обеспечения «эффекта толерантности» при выражении / передаче авторского мнения; клише, функционирующие как штампы, имеющие в парадигме значений компонент 'свой' или 'чужой'.

При этом клише в роли штампов используются исключительно там, где автор хочет подчеркнуть очевидность различий «своих» и «чужих» — в спортивной сфере, а клише, призванные обеспечить толерантность высказывания, — там, где

речь идёт об оценке нашей страны. Интолерантное речевое поведение характеризует позицию автора в публикациях о событиях в других странах, в том числе о военных конфликтах, а также о ситуациях интолерантного отношения к России со стороны других государств. Подобный результат возможно связать с нынешней установкой на толерантность в публичной сфере и в СМИ.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследуемая в данной публикации проблема включает три основных аспекта: проблему толерантности, речевой экспликации штампов и клише сознания и оценочных категорий «свой» и «чужой». Эти отдельные аспекты продуктивно изучаются отечественными исследователями: В. В. Красных, Ю. Е. Прохоров, Т. М. Дридзе, Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, И. В. Захаренко, В. Г. Костомаров, Д. Б. Гудков — штампы и клише сознания; В. И. Карасик, В. В. Красных — категории «свой» и «чужой»; Т. А. Шаповалова, Т. А. Воронцова, И. А. Стернин, К. М. Шилихина, Т. Г. Винокур — речевое поведение и проблемы толерантности; Т. В. Маркелова, З. К. Темиргазица, В. В. Виноградов, Т. И. Вендина, Г. А. Золотова, И. Н. Худяков, Е. Ф. Петрищева, Т. В. Романова и др. — категория оценки и средства её выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Т. А. Типология речевого поведения (коммуникативно-прагматический аспект) // Cuadernos de Rusística Española. 2009. № 5. С. 21–31.

2. Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М., 2000.
3. Корректность // Словарь синонимов системы ASIS [сайт]. — URL: <http://slova.zkir.ru/dict/корректность>
4. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация): монография. М., 1998.
5. Майба В. В. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков) // Политическая лингвистика. 2012. № 2. С. 102–108.
6. Николаева Т. М., Седакова И. А. Ценностная ориентация клише и штампов в современной русской речи // Revue de sétedesslaves. 1994. Т. 66. Fasc. 3. P. 607–625.
7. Политическая корректность // Википедия [сайт]. — URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Политическая_корректность.
8. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
9. Такт // Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. — URL: <http://www.efremova.info/word/takt.html>.
10. Хохлина М. Л. Особенности фразеологической категоризации «своего» и «чужого» // Вестн. Московского гос. гуманитарного ун-та им. М. А. Шолохова. Филол. науки. 2011. № 2. С. 90–98.
11. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 7-е изд., стереотип. М., 2004.

[хроника]

VI МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТЕКСТ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ...»

(Окончание. Начало на с. 20)

После проведения пленарного заседания работа была организована по 13 направлениям: 1. Информационно-коммуникационные технологии в теории и практике преподавания РКИ. 2. Учебный, научный и деловой текст как единица обучения РКИ. 3. Медiateкст: лингводидактический потенциал. 4. Функциональная грамматика и текст. 5. Дискурсивная функция лексики и словообразования. 6. Звучащий текст в практике обучения РКИ. 7. Лингвокультуроведение и проблемы межкультурной коммуникации в аспекте РКИ. 8. Художественный текст как средство формирования билингвальной личности. 9. Интерпретация текста и проблемы перевода: лингводидактический аспект. 10. Учебники и учебные пособия, образовательные стандарты и программы по РКИ. 11. Система тестирования по русскому языку как иностранному на современном этапе. 12. Методические аспекты преподавания РКИ. 13. Проблемы лингвистической текстологии и источниковедение.

В рамках конференции были проведены два Круглых стола: «Информационно-коммуникационные технологии. Сетевые проекты» и «Художественный текст как объект лингводидактики».

Доклады участников были связаны с текстом как основной темой и проблематикой конференции. Выступающие рассматривали проблемы своих сообщений с позиций современной лингвистики, опираясь на идеи коммуникативного и функционально-коммуникативного подхода к языку. Отдельные доклады были посвящены проблеме билингвизма, в частности, формирования билингвальной личности. Разнообразие тематики докладов продемонстрировало теоретическую и практическую важность и актуальность лингвокультурологических исследований в рамках преподавания РКИ.

К началу работы конференции был опубликован сборник материалов конференции.

Ю. С. Хукаленко

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНТРОПОЦЕНТРИЗМ В ЯЗЫКЕ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ПО БИОЛОГИИ

YULIA S. KHUKALENKO

LINGUISTIC ANTHROPOCENTRISM IN SCIENTIFIC ARTICLES ON BIOLOGY

Статья посвящена иллюстрации антропоцентричности процесса познания и его отражения в научных текстах (на примере научных текстов по биологии). Параллель между антропным принципом в космологии и лингвистике заключается в неизбежном присутствии наблюдателя как в процессе познания, так и в языковых средствах, фиксирующих результаты этого познания. Внимание в данной статье сосредоточено на языковом выражении: 1) физических характеристик пространства и времени, в которых существует человек (время, пространство, количество); 2) физиологических характеристик человека (информация, получаемая при помощи пяти органов чувств: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус); 3) ментальных особенностей (на примере мыслительной операции сравнения).

Ключевые слова: антропный принцип, антропоцентризм, наблюдатель, текст.

The article illustrates the anthropocentrism of cognition and its reflection in scientific texts as in the case of biological texts. The author draws a parallel between anthropic cosmological principle and anthropocentrism in linguistics, viz. the presence of observer in cognition process and the language, fixing the results of this cognition. Anthropocentrism of the scientific text is connected with the anthropocentrism of the language itself and also with physical, physiological and mental features of the observer. The article analyses the language representations of (1) human time, space and quantity; (2) information received by the five senses; (3) mental operations, through the example of the comparison.

Keywords: anthropic principle, anthropocentrism, observer, text.

Юлия Сергеевна Хукаленко

Аспирант кафедры русского языка

Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Ленинские горы, д. 1,
Москва, 119991, Россия

► khukalenko.vl@gmail.com

Yulia S. Khukalenko

Lomonosov Moscow State University

GSP-1, Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russia

Научный руководитель:

д-р филол. наук, проф. М. Ю. Сидорова

Современный антропоцентрический подход в науке, ставящий в центр человека, не ограничивается гуманитарной областью знания. В 1973 году английский ученый Б. Картер сформулировал космологический антропный принцип в двух вариантах — сильном и слабом. Слабая версия: «Наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием как наблюдателей» [2: 371]. Сильная версия: «Вселенная (и, следовательно, фундаментальные параметры, от которых она зависит) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей» [Там же: 373]. Поэтому теперь, когда «уже и природа приобретает „человекообразную форму“» [7: 15], сама Вселенная предполагает наблюдателя, невозможно изучение языка науки без этого наблюдателя.

Очевидна параллель между антропным принципом в физике и антропоцентризмом в лингвистике. Антропный принцип «среди нескольких возможных следствий может иметь семиотические и лингвистические: предполагается наличие у наблюдателя средств сообщения о наблюдаемом и соответственно эволюция, направленная на то, чтобы

их выработать» [1: 159]. Некоторые средства уже являются готовым продуктом развития языка. Например, в русском языке содержится идея того, что наблюдаемое человеком и есть существующее: *Спонтанные взлеты заметно реже наблюдаются у самцов, оставивших свой участок по собственному почину или вытесненных на периферию поселения* (Зоологический журнал. 2013. № 1). В данном случае наблюдаемое означает «если я наблюдаю явление, значит оно имеет место». Это одно из проявлений антропоцентричности языка.

«Человекоразмерность» познания и результатов этого познания, зафиксированных в языке, заключается в том, что познающий человек, наблюдатель, имеет определенные ограничения для объективного восприятия и описания окружающего мира. Дж. Лакофф в своем фундаментальном труде на стыке философии и языка *Philosophy in the flesh* показывает, насколько разум человека, концептуализация окружающего мира и восприятие этого мира обусловлены устройством человеческого тела. Обращаясь к такому, казалось бы, очевидному понятию, как цвет, Дж. Лакофф пишет, что цвет — это не имманентная черта окружающего мира, «действительности», а следствие человеческого восприятия, обусловленного телесным устройством человека. «We see color, and yet it is false, as false as another thing we see» [8: 23], исходя из следующего объяснения: «color <...> is not just the perception of wavelength; color constancy depends on the brain's ability to compensate for variations in the light source. Moreover, there is not a one-to-one correspondence between reflectance and color; two different reflectances can both be perceived as the same red» [Там же: 24]. Другими словами, восприятие цвета обусловлено не только объективными характеристиками длины волны и световых условий, но и физиологическими факторами устройства человека: наличием трех видов колбочек в центральном участке сетчатки глаза и сложной нейронной связи между ними. Более того, цвета, как мы видим их (красный цвет крови, голубой цвет неба) — по сути не свойственны крови или небу (небо, например, даже не объект), а свойственны нашему восприятию. Дж. Лакофф делает вывод, что «our color concepts, their internal structures, and

the relationships between them are inextricably tied to our embodiment» [Там же].

В процессе описания наблюдаемого, в том числе — поведения животных, человек не может избежать физических характеристик пространства и времени, в которых он существует. Соответственно, эти параметры будут антропоцентричны сами по себе и будут заданы либо а) с помощью конкретных физических величин, либо б) на основе субъективных оценок наблюдателя.

1. **Пространство:** А. В такие периоды самки держатся на верхушках побегов водных растений, на высоте около 1 м. (Зоологический журнал. 2013. № 1). Б. Лисицы много ходят по волжскому льду, посещают лунки рыбаков, используя тропы людей; в целом, **площадь** индивидуального участка **увеличивается**, переходы **удлиняются** (Вестник Российского университета дружбы народов. 2010. № 2).
2. **Время:** А. Молодь осетра в норме плавает по периметру, регулярно пересекая зону втока проточной воды и затрачивая на один «обход» в зависимости от возраста и скорости плавания **30–45 секунд** (Психологический журнал. 2007. № 2). Б. Большая часть таких взлетов выливается в **короткое** воздушное взаимодействие с самцом-пришельцем (Зоологический журнал. 2013. № 1).
3. **Количество:** А. Замечу, что из **14 пар** *D. leucotos*, чье токование мы наблюдали в заповеднике «Брянский лес» в марте 1995, попытки токовать с *D. major* делали члены лишь **тех пар**, чьи участки располагались в сосняке на плакоре (Русский орнитологический журнал. 1999. № 59). Б. При этом многие таксоны животных и растений характеризуются необычно **высоким** видовым богатством (Зоологический журнал. 2010. № 7). Или: **Небольшими** стаями эти птицы неоднократно встречались на пролете в апреле и мае в конце 90-х — начале 2000-х гг. в пойме Барнаулки у пос. Власиха (Алтайский зоологический журнал. 2011. № 5).

Безусловно, животные лишены способности отмерять метры и секунды. То, что *самки держатся на высоте около 1 м* и *молодь осетра затрачивает 30–45 секунд на один «обход» резервуара*, это результат измерений, произведенных человеком с использованием выработанных им в культуре мер, а не сознательного действия описываемых животных.

Кроме того, описание наблюдаемого ограничено пятью человеческими чувствами. Науке

достоверно известно, что в природе их существует больше (например, электрорецепция, терморелецепция, ощущение магнитного поля Земли и др.). Но мир, описываемый человеческим восприятием, постигается человеком исходя из его собственной системы координат. Приведем примеры:

- (1) **Зрение.** Их [волчат] телодвижения, напоминающие игру, чередовались с припаданием на передние лапы и отскакиванием (Зоологический журнал. 2010. № 7).
- (2) **Слух.** Активные глухари при входе человека в вольер издавали сигналы угрозы, звучащий как «кикиву-ишии-хррр» и атаковали наблюдателя (Инженерная этология, биоакустика и биолингвистика птиц. М., 1991).
- (3) **Обоняние.** Каждый медведь источает **крепкий запах**, воспринимаемый даже человеком при приближении зверя на несколько метров (Журнал общей биологии. 2004. № 2).
- (4) **Осязание.** С 8-го дня к длинным остевым волоскам на теле детёнышей добавляется короткая густая шерстка, а на 9–10-й дни крысы становятся «бархатными», с бурой спинкой и более тёмной мордочкой (Труды Зоологического института РАН. 2012. № 2).
- (5) **Вкус.** В обмен на **сладкие** выделения тлей (надъ) муравьи защищают их от хищников (Журнал общей биологии. 2004. № 6).

Из приведенных примеров видно, как человеческие чувства накладывают ограничение на точность языковых средств. В примере (1) наблюдателю доступны только видимые признаки поведения животного, по которым он трактует значение этого поведения (*телодвижения, напоминающие игру*). Зачастую из-за сложностей вербального описания движений животных ученые-этологи используют рисунки или видеозаписи.

Попытка передать звук в примере (2) также ограничена возможностями человеческого слуха. В данном случае наблюдатель (как говорящий и обозначает себя в тексте) слышит издаваемый звук, для которого в языке нет номинации, в отличие от звуков, производимых более значимыми для человека животными (в русском языке собаки, например, лают, рычат, скулят, кукушки кукуют, утки крикают, пчелы жужжат и т. д.) Передача подобных звуков, издаваемых животными, средствами человеческого языка — задача сложная (это связано не только с особенностями устрой-

ства звуковой и графической системы, но и с тем, что каждый человек слышит звуки, издаваемые животными, по-разному). Тем не менее, в данном примере для исследователя очень важна точная номинация звука животного, т. к. объект изучения — биоакустика птицы.

Обонятельное и вкусовое восприятие также антропоцентрично. Запах — это ощущение, предполагающее носителя восприятия; частица даже в примере (3) указывает на то, что воспринимающим субъектом (субъектами) в первую очередь является не человек, а другое животное. Однако данное восприятие получает человеческую интерпретацию: запах может не являться *крепким* для описываемого животного (медведя). Аналогично в примере (5) — ощущение вкуса, несомненно, принадлежит животному, но интерпретация — *сладкий* — человеческая.

Вторым фактором, определяющим антропоцентричность языковой фиксации познания, является ментальный, поскольку сам научный язык — это результат мыслительного процесса человека. Обобщение, абстракция, конкретизация, классификация, систематизация — неотъемлемые операции человеческого мышления [5; 4]. Наблюдая, человек сознательно или бессознательно использует их, что наглядно демонстрируют биологические тексты. Проиллюстрируем это положение на примере ментальной операции сравнения в биологических текстах.

Сравнение — это «акт мышления, посредством которого на основе фиксированной установки оценивается, упорядочивается и классифицируется содержание познания [6: 625]. Сравнение сыграло центральную роль в становлении этологии как науки: «Вся история изучения поведения основана на сопоставлении поведения человека и животных [3: 1659].

Сравнивая, исследователь конструирует некие иерархические отношения, которые он приписывает природе: *Детёныши пятнистых гиен доминантов играют больше, чем щенки гиен с более низким статусом* (Зоологический журнал. 2013. № 2).

В биологической науке человек распределяет животных по:

- **рангам:** Эти животные, хотя и обладают чертами высокой специфичности, присущими общественным насекомым, вполне сопоставимы с другими общественными видами по самостоятельному значению индивидуумов в социуме (Успехи современной биологии. 2007. № 2);
- **местам:** На пятом месте по числу случаев, но едва ли не на первом по опасности, стоят гусеобразные птицы (Инженерная этология, биоакустика и биолингвистика птиц. М., 1991);
- **ролям:** Иглокожие, выступая в роли хозяев для симбионтов, служат для них источником пищи, убежищем или и тем и другим одновременно (Зоологический журнал. 2010. № 7); Оказалось, что демонстратору обязательно проявлять активность при контакте с наблюдателем, он может играть свою роль даже во сне (Журнал общей биологии. 2004. № 6). Демонстратор и наблюдатель — это номинации животных, которым исследователи приписали определенную роль в процессе их изучения. Аналогичный пример: Не удастся выявить роли преследователя и преследуемого, т. е. ни один из самцов не третировает другого, не говоря уже о каких-то нападениях друг на друга (Зоологический журнал. 2013. № 1).

В ситуации эксперимента животному могут приписываться не только роли, но и мотивация, и даже цели: *Задачи, с которыми муравьи все же не справлялись в лабиринтах Шнейрлы, могут быть ими решены, если изменить мотивацию, например, вместо пищи предложить им личинок, которых необходимо унести в гнездо* (Успехи современной биологии. 2007. № 2). Значение слова успех и однокоренных с ним зависит в этологии и зоопсихологии от контекста научной ситуации. Если описывается эксперимент, то успех — это номинация действий животного, осуществившего поставленную человеком цель (*решить задачу, найти предмет, выполнить определенное действие*): В экспериментах с использованием сенсорного экрана шимпанзе успешно «предугадывали» будущее расположение мишени, перемещающая к ней пальцем объект на мониторе (Журнал эволюционной биохимии и физиологии. 2012. № 6); Наблюдая за этой группой, скворцы ничему не научились и не смогли справиться с задачей (Журнал общей биологии. 2004. № 6).

Авторам зачастую не удается избежать отрицательной оценки действий животного, «не спра-

вившихся с экспериментом»: *Представителей разных видов в этом плане роднит одно: они плохо учат и плохо учатся* (Журнал общей биологии. 2004. № 2).

Лексема успех иначе осмысливается вне контекста, описывающего эксперимент. В контекстах, связанных с естественной средой обитания животных, успех является не человеческой оценкой, а положительным результатом для самого животного: *Такие тактики никогда не приводят к осеменению самки. Успеха при этом не достигают ни «территориальные», ни «нетерриториальные» самцы* (Зоологический журнал. 2003. № 1).

Таким образом, неизбежность антропоцентричности в научном познании и описании обусловлена следующими факторами:

- 1) антропоцентричностью самого языка;
- 2) ограничениями, свойственными человеку как биосоциальному существу:
 - физическими (пространственно-временными);
 - физиологическими (пять человеческих чувств);
 - ментальными.

Изучение влияния данных антропоцентрических параметров на языковую фиксацию научного знания позволяет определить роль субъекта в процессе формирования знания и вносит коррективы в представления об объективности научного познания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия. М., 2004.
2. Картер Б. Совпадения больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: Теории и наблюдения. М., 1978.
3. Кременцов Н. Л. Человек и животное: к истории поведенческих сопоставлений // Русский орнитологический журнал. 2009. № 514.
4. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1981.
5. Мещеряков Б., Зинченко В. Большой психологический словарь. СПб., 2004.
6. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2000–2001.
7. Павленко А. Н. Ф. М. Достоевский и рождение русского экзистенциализма. Человек из подполья // Вестн. славянских культур. М., 2015, № 35.
8. Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York, 1998.

А. В. Савченко

«СПОРТИВНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ» СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

ALEXANDER V. SAVCHENKO

SPORT PHRASEOLOGY IN MODERN RUSSIAN: GENERAL CHARACTERISTICS AND MAIN FEATURES

В центре внимания статьи находится проблема фразеологических единиц, относящихся к сфере спорта: непосредственно сформировавшихся внутри этой сферы и / или пришедших в неё «извне». Активное употребление таких единиц в языке (и речи), особенно в спортивной журналистике, а также проникновение подобных фразеологических единиц в фонд общей фразеологии позволяет ставить вопрос о выделении спортивной фразеологии в особый раздел фразеологического фонда национального языка. Основными источниками «спортивных» ФЕ являются сами спортсмены, спортивные журналисты, а также некоторые переосмысленные или трансформированные фразеологические единицы и фразеологические модели.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, спортивный дискурс, спортивная фразеология, спортивная журналистика.

The article is devoted to the problem of status and description in modern Russian language of the phraseological units from the sphere of sport. On the one hand, these units originate from the sport slang, media language, common phraseology, and other discourses. On the other hand, such units are highly expressive and help us not only understand the world of sport more deeply, but nowadays are often used as metaphorical means in political, social and economical discourses.

Keywords: phraseology, sport phraseology, discourse, idiom, sports journalism.

**Александр Викторович
Савченко**

Кандидат филологических наук,
ассистент-профессор

Национальный университет Чженчжи
(г. Тайбэй, Тайвань)

NO. 64, Sec. 2, ZhiNan Rd., Wenshan District,
Taipei City 11605, Тайвань

► savchenko75@mail.ru

Alexandr V. Savchenko

National Chengchi University

NO. 64, Sec. 2, ZhiNan Rd., Wenshan District,
Taipei City 11605, Taiwan (R.O.C.)

Во фразеологической системе русского языка выделяется возрастающее количество фразеологизмов, в той или иной степени соотносимых со сферой спорта (resp. спортивным дискурсом). До сих пор дискуссионным представляется вопрос о том, возможно ли выделить из общего фразеологического фонда определённого национального языка более узкий сегмент — фразеологию определённой, конкретной сферы (resp. дискурса), насколько обоснованным может быть такое выделение и каковы его принципы.

Предлагаемое в настоящей статье понятие «спортивная фразеология» мы принимаем в качестве рабочего варианта термина, под которым подразумевается раздел общей фразеологии, относящейся к сфере спорта в самом широком смысле или, иными словами, к сфере спорта, спортивному дискурсу, под которым в первую очередь понимается спорт как профессиональная деятельность. К спортивному дискурсу мы также относим тесно связанную с профессиональным спортом сферу спортивной журналистики, представленную всеми основными средствами массовой информации: прессой, телевидением, радио, Интернетом. Отметим, что

вне рамок нашего внимания остаются такие связанные со спортом отрасли науки и профессиональные сферы деятельности, как (спортивная) медицина и психология, спортивный менеджмент и т. п.

Предлагая выделить спортивную фразеологию в отдельный раздел общей фразеологии, мы учитываем её особый характер, который связан со спецификой сферы её функционирования: профессиональная среда спорта. С этой точки зрения устойчивые сочетания, относящиеся к определённой профессиональной сфере, отражают «приёмы труда, да и специальные формы содружества участников коллективной работы, и взгляды ремесленников и промышленников на свой труд» [3: 161].

Таким образом, «спортивной фразеологией» мы называем раздел общей фразеологии, характерный для использования в сфере спорта. К этому разделу мы относим фразеологические единицы (далее — ФЕ), непосредственно возникающие и функционирующие в спортивном дискурсе. Во-первых, это ФЕ спортивного происхождения — устойчивые выражения из языкового обихода «людей спорта» в широком смысле (спортсменов, тренеров) — именно в сфере профессиональной коммуникации, в т.ч. профессионального жаргона, можно выделить богатый пласт спортивной фразеологии. Во-вторых, ФЕ спортивного дискурса регулярно возникают благодаря спортивным СМИ; значительное количество таких выражений составляют единицы перифрастического характера:

король спорта (футбол), *королева спорта* (лёгкая атлетика), *королева автоспорта* (автогонки «Формула — 1»), *ледовый бал* (соревнования фигуристов), *пятнистый друг* (футбольный мяч), *чёрная таблетка* (шайба), *лучшая подруга вратаря* (штанга ворот), *ведро без дна* (баскетбольная корзина), *рыцарь пяти качеств* (пятиборец), *рыцарь двух качеств* (биатлонист), *ледовый боец* (хоккеист), *двенадцатый игрок* (футбольные болельщики) и мн. др.

По замечанию В. Д. Бояркиной, «язык спорта пополняется новыми перифразами, которые стали постоянно использоваться в периодической печати, художественной литературе, в радио- и телерепортажах» [2: 331]. В то же время, проб-

ные «клише-перифразы», возникающие в языке масс-медиа и ими же тиражируемые, во фразеологической системе имеют «переходный» статус (см. об этом, в частности: [5: 214–222]). Особый случай представляют ФЕ общего фразеологического фонда, получившие благодаря роли СМИ и частотному употреблению применительно к сфере спорта новую коннотацию:

борьба за выживание (т. е. за право продолжить участие в турнире), *бороться за выживание*, *сохранить пропуску* (сохранить место среди участников турнира), *[громко] хлопнуть дверью [напоследок]* (выиграть в последнем матче, уже не имеющем турнирного значения), *оставить не у дел* (обыграть игрока соперника), *холодный душ* (неожиданно пропущенный гол), *скрестить шпаги* (встретиться в спортивном поединке) и др.

Двумя основными источниками возникновения и пополнения фонда спортивной фразеологии (а также общего фразеологического фонда в целом) являются профессиональная спортивная среда и сфера масс-медиа, освещающая спортивную жизнь. Среди отличительных черт данных источников можно отметить способ и механизм возникновения таких (относительно) устойчивых единиц: спонтанность, окказиональность, свойственные для профессиональной сферы, — намеренное создание ярких образов, использование существующих (активных) фразеологических моделей, в т.ч. на базе профессиональных, жаргонных выражений; особенности функционирования таких ФЕ: устная профессиональная речь, неофициальная или полуофициальная коммуникация — язык репортажей, статей, интервью, где ФЕ создают различные эффекты; наконец, характер данных ФЕ: в профессиональной спортивной сфере преобладают разговорные, профессиональные, жаргонные единицы.

В настоящее время наблюдается постепенный переход жаргонных выражений спортивного характера в более широкий пласт разговорной, часто экспрессивно окрашенной, эмоциональной лексики, при этом вне сферы спорта спортивные ФЕ преимущественно имеют литературный характер.

Именно разговорно-профессиональный (в т. ч. разговорно-терминологический), разго-

ворно-жаргонный характер целой группы рассматриваемых лексических единиц, их сверхсловный (устойчивый) характер, даёт возможность отнести их к числу «спортивных фразеологизмов» (resp. ФЕ сферы спорта) и позволяет нам включить их в рассматриваемый материал наряду с «классическими» ФЕ. В. М. Мокиенко считает жаргон одним из основных современных факторов формирования ФЕ. Одновременно с этим отмечается роль жаргона в пополнении фразеологического фонда фразеологическими неологизмами: «Жаргон (resp. арг, сленг) со всеми его „дифференциалами“ в этом „Drang nach Substandard“ играет доминирующую роль, хотя интенсивно и влияние других сфер живой речи (разговорно-просторечные элементы, диалектизмы, профессионализмы)» [6: 67; 7: XVI].

Если рассматривать ядро спортивной фразеологии, понимая в данном случае под «ядром» наиболее употребительные, (более или менее) частотные, хорошо знакомые спортсменам и / или любителям спорта (в широком смысле), употребляющиеся сразу в нескольких видах спорта ФЕ, можно заметить, что, несмотря на большое количество различных видов спорта (включая, например, отдельные виды карточных игр, постоянно появляющиеся новые экстремальные виды спорта и т. д.), наиболее «плодовитыми» с точки зрения возникновения и «экспорта» в «спортивный» и общий фразеолонд являются далеко не все виды спорта, а лишь некоторые из них. В. Хлебада отметил, что «наибольший вклад в общую фразеологию внесли игровые виды спорта. Ядро фразеологического „поля спортивности“ образовали три игры с мячом: футбол, баскетбол и волейбол, а также отчасти лёгкая атлетика, бокс и теннис» [10: 91]. К этому списку, по нашим наблюдениям, можно также добавить шахматы, фигурное катание и бильярд.

Можно предположить, что «фразеологическая потенциальность» определённого вида спорта зависит от нескольких факторов. Во-первых, это уровень зрелищности, популярности данного вида спорта. Преимущество футбола здесь очевидно: сегодня это привлекающий миллионную аудиторию и коммерчески успешный вид

спорта (что подтверждается, например, такими ФЕ, как *король спорта*, *спорт номер один*; при этом *королева спорта* — лёгкая атлетика — всё же несколько уступает ему по количеству «внедрённых» в (относительно) активный языковой / речевой обиход ФЕ). Во-вторых, как представляется, такая продуктивность в формировании спортивных ФЕ и широта «палитры их употребительности» также во многом зависит от числа участников, вовлечённых в состязательный процесс, количества выполняемых ими тактико-технических действий, степени их сложности (что в комплексе как раз и способствует увеличению зрелищности). С этой точки зрения футбол и вообще командные игры (в первую очередь идущие следом по популярности баскетбол и хоккей с шайбой) оказываются, по сути, вне конкуренции. Третьим важным фактором, по нашему мнению, служит степень «прозрачности», открытость и доступность конкретного вида спорта. Главную роль в этом играют СМИ: значительно большее внимание и место на страницах печатных и интернет-изданий уделяется именно игровым видам спорта. Как правило, матчи описываются с мельчайшими деталями, и использование спортивных ФЕ — как жаргонно-спортивных, так и расхожих журналистских штампов — придаёт дополнительную экспрессию, колорит, создают своеобразный «эффект присутствия» на игровой площадке. Это связано с тем, что для спортивной (resp. жаргонно-спортивной) фразеологии (как и в целом для фразеологии) характерна высокая степень образности, экспрессивности. Яркая образность наряду с большой степенью выразительности многих спортивных ФЕ объясняется, прежде всего, высоким накалом спортивных страстей и эмоций на спортивном «поле боя». Этот эмоциональный заряд отражает дух спортивной конкуренции, борьбы за первенство, радость побед и горечь поражений. В то же время, другие виды спорта (порой не слишком уступающие по популярности — теннис, биатлон, автоспорт и др.) остаются несколько в тени — здесь, вероятно, акцент делается больше на финальный итог, чем на сам процесс (особенно можно выделить уже упомянутую лёгкую атлетику, в состав которой входят

различные дисциплины и виды состязаний, а также фигурное катание: это особый вид спорта *балет на льду*, где на первый план выходит пластика движений, эстетика танца).

Ведущее место по количеству употребляемых ФЕ занимают командные виды спорта. Спортивное состязание «команда на команду» при этом приобретает характер «войны в миниатюре», что также часто отражается на характере ФЕ: в таких единицах может звучать «военная риторика»:

скрестить шпаги (встретиться в спортивном поединке), *зарядить пушку* (готовиться нанести сильный удар по мячу, бросок), *расчехлить пушку* (готовиться нанести сильный удар по воротам соперника), *[атаковать] с шапками наголо* (о решительных и часто безрассудных атакующих действиях команды), *охранять кукурузу* (в футбольном жаргоне так иронично говорили о защитниках, которые плохо выполняют свою оборонительную функцию, бездействуют), *удар в молоко* (неточный удар), *подносчик снарядов* (игрок, обеспечивающий форвардов мячом / шайбой, плеймейкер),

состав игроков команды сравнивается с *обоймой*:

быть в обойме (быть в основном составе команды) — *выпасть из обоймы* (оказаться вне основного состава), *убойная позиция* (положение игрока перед воротами, удобное для того, чтобы забить гол), *рубиться на поле* (вести жёсткую борьбу с соперником), *сбился прицел* (игрок перестал забивать).

Фразеологизмы сферы спорта можно условно разделить на две основные группы: семантико-функциональные и стилистико-функциональные ФЕ. К первой можно отнести ФЕ, структурно и функционально близкие термину («терминологические фразеологизмы»). Такие фразеологизмы в основном обозначают спортивные реалии, элементы игры, игровые действия, положения регламента и т. п., выполняя номинативную функцию:

жёлтая майка лидера, *функциональная яма*, *играть первым номером*, *играть вторым номером*, *оказаться в цейтноте*, *реализовать большинство*, *реализация большинства*, *на удержание счёта [игра, играть]*, *[играть, действовать] на автомате*, *взять большой шлем*.

Как правило, ФЕ этой группы составляют корпус «официальной» терминологии сферы спорта. В качестве примеров можно также привести следующие ФЕ:

трансферное окно, *открытый футбол*, *закрытый футбол*, *фол последней надежды*, *золотой гол*, *серебряный гол*, *золотой матч*, *fair play*, *пас вразрез*, *послать мяч парашютом* и др.

По своей сути стали терминологическими ФЕ выражения:

второе дыхание, *гол престижа*, *на грани фола*, *отбыть номер*, *выездная модель*, *домашняя заготовка* и др.

В ряде случаев можно говорить о терминологизации некоторых единиц, например, бывшее ранее разговорным выражение *золотой гол* стало термином *правило «золотого гола»* (кто забил — тот и выиграл; ср. оборот *золотое правило*, имеющее древнее происхождение); по тому же принципу — выражения *«сухой лист»* (вид удара в футболе, изобретённый бразильцами, — *folha seca*), *хет-трик* (досл.: трюк со шляпой; три гола, забитые одним игроком в одном матче), *сыграть в «стеночку»*, *детский мат*, *дурацкий мат* и др.

Своеобразную «переходную» группу от «терминологизированных» к экспрессивно-оценочным спортивным ФЕ образуют жаргонно-разговорные выражения спортсменов типа:

футб. *взять в «коробочку»*, хокк. *[действовать] на пятчке* = футб. *на носовом платке*, велоспорт *висеть на колесе*, футб. *[сыграть] от ножа*, *нарваться на ответку*, теннис. *«убить» мяч*, хокк. *[бросок вратарю] в домик*, бильярд. *забить дурака* и т. п.

Ко второй группе (стилистико-функциональные ФЕ) относятся фразеологизмы, которые обозначают определённые спортивные понятия, различные реалии профессиональной деятельности спортсменов экспрессивными языковыми средствами (жаргонные, разговорно-экспрессивные ФЕ «языка спорта»).

Стилистико-функциональные фразеологизмы включают в себя достаточно широкий спектр различных по происхождению и стилистической окраске единиц: от разговорных до жаргонных, от иронических до грубо-просторечных. Среди таких ФЕ можно привести следующие:

получить «горчичник», *показать «горчичник»*, *повиснуть на карточке*, *повиснуть на канатах*, *пустить бабочку (пенку)*, *греть банку*, *протира́ть штаны на банке*, *посадить игру на свисток*, *засвистывать игру*, *зарядить судью*, *люди в чёрном*, *кудесники мяча*,

мальчики для битья, [обыграть] на носовом платке, сплавлять (плавить) тренера (игру), сгонять договорняк, лечь под соперника, полировать банку (в-т: полировать скамейку, полировать лавку), на отбой [игра, играть], «повиснуть» на карточке, «привезти» гол, взять [игрока] в «бутерброд» (ср. более разговорное взять в «коробочку»), игра в одну калитку (ср. более разговорное игра в одни ворота), навалить кучу, навалить как полковая лошадь, и т. д.

Яркая образность, сильный заряд экспрессии, свойственные стилистико-функциональным ФЕ, способны передать накал страстей, эмоций во время соревнований, атмосферу взаимоотношений между партнёрами по команде, отношение к противнику и т. п. В качестве небольшой иллюстрации приведём ряд такого рода ФЕ:

протирать штаны на банке, отправить игрока в буфет, гол с глазами, выплюнуть лёгкие, форвард с инстинктом убийцы, тёщица нога, дурилаг на всю голову, засушить «сухарей», поймать леца, включить мясорубку, указать (показать) на «точку», [сыграть] «на автомате», футбольный карлик, быть в разобранном состоянии, [игра] как на качелях, «домашняя» команда, весенний футбол, [игра, играть] без ворот, игра как на качелях; держать на голодном пайке, распечатать ворота, [игра] на «втором этаже», группа смерти, матч смерти и др.

Следует отметить, что в ряде случаев отнесение спортивных фразеологизмов к той или иной группе (resp. отличие единиц первой группы от второй) достаточно условно: в зависимости от ситуации, контекста или сферы употребления они могут быть отнесены как к первой, так и ко второй группе. Это проявляется в большем экспрессивном заряде той или иной ФЕ, ср., например: *засвистывать игру* и более экспрессивно «заряженное» *посадить игру на свисток* и др.

Фразеологизмы могут объединяться в семантические поля, например, поле «сухости», с общим значением ‘минимум пропущенных/забитых голов, безголевой’.

«Сухой»: а) **матч**: 1) матч без забитых мячей; 2) одна из команд в матче не пропускает ни одного гола; б) **счёт, ничья** (то же, что и «сухой» матч); в) **мяч** — гол, оставшийся без «ответа» соперников; г) **сухая серия**: 1) для вратаря: количество игр без пропущенных голов; 2) для игрока или команды: количество безголевых матчей.

Сюда также относятся ФЕ *сохранить ворота «сухими», уйти (с поля) «сухим», играть «насухо», «сухарь»* (игра без пропущенного гола) — о вратаре, *прервать «сухую» серию, «голевая засуха»* — о полевых игроках. Несколько иное, хотя близкое значение имеет фразеологизм «засушить» *игру, «засушенный» матч* — ‘не дать сопернику поводить активных и опасных действий’; как следствие — игра с минимумом опасных, голевых моментов.

Ряд ФЕ, выходя за пределы определённого вида спорта, приобретает характер «общеспортивного фразеологизма» и используется применительно к другим видам спорта (а нередко такие выражения выходят за его пределы), например, выражение из шахмат «на флажке» (сделать ход в последний момент перед истечением отпущенного времени) означает: 1) *забить на последних минутах/секундах матча*; 2) *сделать ч-л в последний момент*. Уже относительно давно в языковом обиходе мы пользуемся и шахматным понятием *оказаться/быть в цейтноте* (о катастрофической нехватке времени), из боксёрского обихода пришло выражение *держат удар*, сейчас широко используемое не только в сфере спорта в значении ‘справляться с возникающими трудностями’. «Спортивными универсалиями» стали выражения из обихода теннисистов *зачехлить ракетку* (закончить выступление на соревнованиях) и *взять большой шлем* (выиграть все виды соревнований), из бильярда пришло выражение *закрутить карамболь* (устроить беспорядок; устроить шумное веселье).

Во фразеологии спортивного дискурса активно используются и единицы иных дискурсов, например военного: *удар в молоко, подносить снаряды, подносчик снарядов* (игрок, снабжающий мячами нападающих), *взятие ворот, расстрелять (ворота)*, научного: *борьба за выживание* (первонач. понятие из теории о эволюции; перен. о борьбе за сохранение места в высшей лиге), общественно-политического: *пост № 1* (первоначально: почётный караул у мавзолея В. И. Ленина в Москве; перен.: ‘позиция вратаря’) и даже блатного: *попасть под раздачу* (испытать на себе подавляющее преимущество соперника), а также

выражений, свойственных иным сферам жизни. Это подтверждает тот факт, что спорт универсален по своей природе: в нём отражаются большинство реалий повседневной жизни.

Продуктивной основой для создания новых ФЕ с чисто спортивным значением становятся и некоторые фразеологические модели. Наиболее яркий пример — ФЕ *скрестить шпаги*, которая в чисто спортивном контексте получила значение 'встретиться в спортивном поединке' и по модели которой созданы, например, выражения *скрестить: бутсы, вёсла, клюшки, перчатки, ракетки* и т. п. Такой же продуктивной фразеологической моделью можно считать оборот *повесить ч-л на гвоздь*. Это достаточно древняя модель, широко распространённая в славянских и европейских языках (см. об этом подробнее: [1: 2007]). В спортивном обиходе модель получила дальнейшее развитие путём подстановки на позицию прямого дополнения — наименование конкретного спортивного атрибута (как правило, это основной элемент экипировки спортсмена), характерного для данного вида спорта: *повесить: бутсы, клюшку, лыжи, перчатки, ракетку, коньки ... на гвоздь*; также о судье в спорте (как правило в футболе), завершившем свою профессиональную карьеру: *повесить свисток на гвоздь*.

Источники спортивной фразеологии могут быть расклассифицированы на основе типологии, предложенной хорватской исследовательницей Ж. Финк [9: 92–93]:

- 1) общая группа спортивных ФЕ (ни один из компонентов не относится к конкретному виду спорта);
- 2) ФЕ, относящиеся к нескольким видам спорта, связанным какой-либо общей характеристикой: а) игры с мячом: футбол, гандбол, баскетбол и др. (мы также включим сюда и хоккей с шайбой); б) разные виды спортивной борьбы;
- 3) определённый, конкретный вид спорта (футбол, баскетбол, теннис, бокс, шахматы, бильярд, атлетика, борьба). По замечанию Ж. Финк, к данной группе относится большинство фразеологизмов [хорватского и] русского языка.

Представляется достаточно удачным предлагаемый В. Старко термин «фразеологизмы игрового происхождения». Под ними исследователь

подразумевает «совокупность выражений: 1) повторяемых и регулярно используемых в играх; 2) обозначающих некоторый аспект игровых ситуаций; 3) не включающих общих обозначений игры или игрового процесса; 4) развивших переносное значение, но 5) посредством буквального значения не потерявших в сознании носителей языка связь с исходной игрой или со сферой игр вообще» [8: 435].

Отдельно следует отметить роль терминологических систем вообще и системы спортивной терминологии в частности в процессе образования ФЕ и пополнения общего фонда фразеологии. «Источниками возникновения новых ФЕ в современном русском языке, — по замечанию Т. Малински, — являются терминологические системы, в первую очередь спортивная и военная, литературные произведения, в частности песни, и образные выражения разговорной речи» [4: 76].

Широкое использование спортивных фразеологизмов, в том числе фразеологизмов-жаргонизмов, обуславливается, во-первых, простотой выражения нужного (спортивного) понятия, во-вторых, создаёт дополнительную экспрессию, придаёт повествованию дополнительную стилистическую окраску и образность. Употребление спортивных ФЕ, особенно ФЕ жаргонного характера, в репортажах передаёт динамику происходящего, ёмко описывает драматизм спортивного поединка.

Таким образом, обладая большим семантическим, стилистическим и образным потенциалом, «спортивная фразеология» не только способствует более глубокому пониманию спорта, привлекает к нему дополнительное внимание, но часто, особенно в последние годы, выходит за рамки спортивного дискурса. Многие фразеологизмы из сферы спорта активно используются, например, в общественно-политическом и экономическом дискурсах, в повседневном языковом обиходе. Так, например, довольно часто встречается фраза *нарушить спортивный режим* в значении 'употребить алкоголь, выпить' не только применительно к спорту, также в языке активно используются такие выражения, имеющее «спортивное» происхождение, как, например:

играть в одни ворота, игра в одни ворота, (не) соблюдать принципы «фэйр плей», обязательная программа, прижать к канатам, выбросить полотенце, финишный спур, взять тайм-аут, устроить сюрпиз, играющий тренер и многие др.

Итак, можно сделать вывод о том, что тесная взаимосвязь профессионального спорта с медийной сферой, постоянное общение спортсменов с журналистами способствуют активному проникновению жаргонных выражений — как отдельных слов-жаргонизмов, так и устойчивых оборотов — в язык. В то же время, на их основе в спортивной журналистике часто рождаются «псевдоспортивные выражения». В качестве подтверждения можно привести слова В. Маслаченко, в прошлом профессионального футболиста, многие годы проработавшего футбольным комментатором: «По ходу дела замечу, что выражения „попасть в рамку“, „поставить мяч на точку“ — это новояз, изобретение моих молодых коллег. Им кажется, так они показывают свою близость к футболу. Сами футболисты так никогда не говорили и не говорят...»^{*}

В настоящее время можно отметить постепенный переход жаргонных выражений спортивного характера в более широкий пласт разговорной, часто экспрессивно окрашенной, эмоциональной лексики.

Поскольку бо́льшая часть собственно спортивных (разговорных, жаргонных) ФЕ функционирует в устной речи спортсменов, формально они не могут официально считаться ФЕ (литературного) языка, т. к. «до тех пор, пока данная единица функционирует на уровне речи, она остается окказионализмом или авторским употреблением» [Там же: 67]. Именно фиксация ФЕ словарями делает её «легитимной», придаёт ей официальный статус. Т. Малински по этому поводу замечает: «Формальным критерием принадлежности какой-либо единицы к уровню языка, т. е. перехода окказиональной ФЕ в ФЕ-неологизм должна стать фиксация этой единицы словарем неологизмов» [Там же].

Отсутствие паспортизации (resp. крайне слабая фиксация) единиц собственно спортивной фразеологии современными словарями (в отличие от «отспортивных»: ФЕ, перешедших из сферы спорта в общий фразефонд или ставших ФЕ непосредственно в «общем» языке) позволяет отнести

ФЕ данного раздела общей фразеологии в разряд потенциальных фразеологических неологизмов.

Ещё раз подчеркнём, что спортивная фразеология представляет собой специфический и пока малоизученный пласт фразеологии. Обладая большим образным и экспрессивным потенциалом, она не только способствует более глубокому пониманию спорта, но всё чаще выходит за рамки спортивного дискурса, значительно обогащая общий фонд фразеологии. Представляется необходимым вести дальнейшую работу по сбору, обработке, паспортизации и дальнейшему лексикографическому описанию подобного рода лексических единиц.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Broadcasting. Телевидение и радиовещание. № 2. 2008. С. 77–83.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2007.
2. Бояркина В. Д. Неологизмы спорта и их отражение словарями русского языка // Slavia. Časopis pro slovanskou filologii. Roč. 67, sešit 3. Praha 1998. S. 329–332.
3. Ларин Б. А. Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов) // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 125–149.
4. Малински Т. Возникновение новых фразеологических единиц // Русистика. Берлин, 1992. № 2. С. 67–76
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
6. Мокиенко В. Проблемы европейской фразеологической неологии // Slowo. Text. Czas –VI. Nowa frazeologia v nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6–7 września 2001 r. Greifswald, 8–9 września 2001 r.) / Pod redakcją Michała Aleksienki, Walerego Mokienki, Harrego Waltera. Szczecin; Greifswald, 2002. S. 63–76.
7. Мокиенко В. М. Новая русская фразеология (60–90-е годы). Матер. к словарю. Opole, 2003.
8. Старко В. Ф. Фразеологизмы игрового происхождения в английском языке (когнитивный аспект) // Slowo. Tekst. Czas — VI. Nowa frazeologia w nowej Europie. Materiały VI Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 6–7 września 2001 r., Greifswald, 8–9 września 2001 r.). Szczecin; Greifswald, 2002. S. 435–439.
9. Финк Ж. Спорт и детские игры как источник фразеологизмов хорватского языка (в сопоставлении с русским) // II Славистические чтения памяти проф. П. А. Дмитриева и проф. Г. И. Сафронова: Матер. междунар. науч. конф. 12–14 сент. 2000 г. СПб., 2001. С. 92–93.
10. Хлебда В. Фразеология спортивного происхождения в современном польском публичном дискурсе // Frazeologicke Studie IV. Bratislava, 2005. S. 87–93.

О. Н. Татарникова

АНТРОПОНИМ ИВАН КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ВОЛШЕБНЫХ И НОВЕЛЛИСТИЧЕСКИХ СКАЗОК

OKSANA N. TATARNIKOVA
ANTHROPNYM IVAN AS AN OBJECT OF LINGUISTIC
AND CULTURAL ANALYSIS OF FAIRY AND NOVELISTIC TALES

**Оксана Николаевна
Татарникова**

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного и восточного
языкознания

*Алтайский государственный
университет*

*пр. Ленина, 61, г. Барнаул,
Алтайский край, 656049, Россия*

Редактор НИИРИО

*Барнаулский юридический
институт МВД России
ул. Чкалова, 49, г. Барнаул,
Алтайский край, 656038, Россия*

► tatoksana@yandex.ru

Oksana N. Tatarnikova

Altai State University

61a, pr. Lenina, Barnaul, 656049, Russia

*Barnaul Law Institute of Ministry
of Internal Affairs of Russia
49 ul. Chkalova, Barnaul, 656038, Russia*

Научный руководитель:

д-р филол. наук, проф. Л. М. Дмитриева

В статье анализируется употребление антропонима *Иван* в русских народных сказках, сравнивается использование имени в текстах волшебных и новеллистических сказок. Автор приходит к выводу, что и в тех, и в других текстах имя собственное *Иван* выполняет одинаковые функции, используя одинаковые средства. Имя *Иван* имеет одинаковое лингвокультурологическое значение во всех текстах, наблюдается стилистическая однородность в употреблении антропонима в разных сказках.

Ключевые слова: волшебная сказка, бытовая сказка, антропоним, Иван.

The article analyses the use of the anthroponym Ivan in Russian folk tales, comparing it in the texts of fairy and novelistic tales. The author comes to the conclusion that in both cases the name Ivan performs the same functions, using the same means and having the same linguistic and cultural importance in all texts; there is a stylistic uniformity in the use of this anthroponym in different tales.

Keywords: fairy tale, household tale, anthroponym, Ivan.

«Непонятное и в то же время привычное в употреблении имя собственное при более внимательном его анализе оказывается „воспоминанием старины“, хранимом в „скрытой языковой памяти“ того или иного этноса. Причем связь эта может как всплывать, так и исчезать» [2: 9].

Сказка — своеобразный отпечаток культуры этноса, в ней собрано все значимое для народа. Символы сказок находят свое отражение в русской культуре на протяжении всего периода развития России: это и картины знаменитых художников (В. М. Васнецов «Алёнушка» (1881), «Иван царевич на сером волке» (1889)), и сказочные мотивы в художественной литературе и в архитектуре (скульптуры сказочных героев на Манежной площади в Москве). Таким образом, имена героев становятся символами культуры. Так, имя Иван, широко бытующее в сказках, обозначает русского человека в целом с его национальными чертами характера, психологией русского человека, его особым мировосприятием.

Ономастические исследования всегда актуальны, так как тесно связаны с человеком, являющимся как объектом называния, так и называющим субъектом. Размышления и споры по поводу значения имени собственного, как нам кажется, являются философскими. Мы обратились к антропониму *Иван*, проанализировав тексты русских народных сказок. Для сказок характерен такой признак, как дидактичность (носят назидательный, поучающий характер, заключают в себе определенную

мораль); сказки по своей сути народны (бытуют в течение длительного времени, широко известны, то есть распространены на большой территории, к ним обращается широкий круг людей); тексты не имеют авторов, как правило, они записывались со слов сказителей.

Русские народные сказки являются хранителем особенностей быта, жизнедеятельности русского человека, они, как в зеркале, отображают нравы, культуру, в том числе и культуру речевого поведения, родного языка. «Сказка воспринимается как символическое выражение глубочайшей мудрости. Некогда, во времена глубокой древности, эта мудрость, казалось, была явной и открытой» [5: 117]. По классификации В. Я. Проппа русские народные сказки, как и сказочные тексты других народов, можно разделить на волшебные, новеллистические (бытовые) и сказки о животных.

Ранее в исследованиях антропоним *Иван* уже рассматривался как феномен русской культуры в рамках фольклористики: герой русских народных сказок, переходящий из одного сюжета в другой. Также в рамках прецедентности имени собственного описываются варианты антропонима *Иван*: *Иван-царевич* и *Иван-дурак*, в словаре «Русская ономастика и ономастика России» под редакцией О. Н. Трубочева; Т. А. Гридина, исследуя вопросы ономастической игры, обращается к имени *Иван-болван*, связывая значение имени с глаголом болтать, что указывает на безрезультативность действия. Имеющиеся исследования, по нашему мнению, являются достаточно фрагментарными, так как, например, в фольклористике в основном выделяется сказочный герой с именем *Иван-царевич* и *Иван-дурак*, хотя эти варианты имени не являются доминирующими (по результатам проведенного нами статистического анализа русских народных сказок самый частотный вариант имени — его полная форма *Иван*).

Мы обращаемся к лингвокультурологическому значению антропонима *Иван*, объединяя в целое все присущие ему характеристики. Лингвокультурологическое значение, помимо семантического значения (проявляющегося на уровне языка), включает в себя сигматический

аспект значения, раскрывает внеязыковое содержание слова, описывает характерные признаки и особенности объекта, то есть заключается в единстве языкового и внеязыкового содержания [1].

Нами был проведен анализ сборника русских народных сказок, составленный О. Б. Алексеевой, состоящий из 101 волшебной сказки, 113 новеллистических (или бытовых) сказок и 34 сказок о животных. Методом сплошной выборки были отобраны тексты сказок, героем которых является *Иван*.

Сказки о животных рассматривались опосредованно, так как в них в силу их жанровой специфики в основном представлены зоонимы. И. Е. Пенская в работе, посвященной именам собственным в русских народных сказках и способам передачи их на английский язык, отмечает, что в сказках о животных «каждый персонаж единичен, и понятийный класс предметов (особенно в сфере референции к животным) обычно сужен до одного представителя этого класса. Если в сказке есть волк, лиса, заяц, то практически никогда не бывает другого волка, лисы или зайца. Такая ситуативно-контекстуальная ограниченность, искусственно создаваемая жанром, сближает ИН и ИС по номинативной функции, а иногда и практически нивелирует номинативные различия между ИН и ИС» [4: 12].

Интересно, что рассматриваемый антропоним *Иван* встречается в форме отчества мужского рода *Иванович*, оно встречается только с зоонимом *Кутафей*, принадлежащим домашнему животному. Характерно, что по отчеству кота называет лиса, чтобы снискать к себе расположение: «Ба-ба-ба! Кутафей Иваныч! Пойдем ко мне, може, не будешь мне голову рубить» [5: 247]. Онимы, принадлежащие диким животным, употребляются, как правило, в начальной форме, восходящей к имени нарицательному. Если проводить параллель с миром людей, то в русских народных сказках домашние животные стоят рангом выше, чем дикие. Дифференцирующая функция (выделяющая субъекта из ряда ему подобных), характерная для таких антропонимических компонентов, как отчество, в сказках о животных отсутствует, от-

чество используется лишь с целью возвысить его обладателя, не обращаясь к его роду.

В результате анализа сказочных текстов выявлено, что антропоним *Иван* встречается в 41 волшебной сказке из 101 (что составляет 40,5%), в новеллистических сказках имя собственное *Иван* присутствует в меньшем количестве (в 22 сказках из 113, что составляет 19,5%).

Мы рассматриваем антропоним и его производные как варианты имени собственного, так как каждый вариант имени имеет определенное значение для конкретной ситуации, для определенного текста.

Имя *Иван* в волшебных русских народных сказках имеет следующие варианты: *Иван, Иван-царевич, Иван — кухаркин сын, Иван Быкович, Ванюша, Иван нянькин, Иван Кобыльников, Иван — Солнцев сын, Иван — Месяцев сын, Иван-горошко, Иван Водович, Иванушко, Ивашко, Ивашечко, Иван Дорогокупленный, Иван — просвирнин сын, Ванюшка, Ваня, Иванушка, Иван — богатырь, Ванька, Иван-дурак, Иванушка Запечин, Иван-молодец, Иван Ерусланович, Иванушка-дурачок, Иван Премудрый, Иван-солдат, Иван Несчастный*. В бытовых сказках антропоним *Иван* встречается в таких вариантах, как *Иван, Ванька, Иван-царевич, Иван Васильевич, Иван-дурак, Ванюша, Ваня, Иван — купеческий сын*.

В новеллистических сказках антропоним, как правило, представлен одним вариантом на всем протяжении повествования, в отличие от волшебных сказок, так как бытовые сказки описывают определенный сюжет, одну конкретную ситуацию. Антропоним в волшебных сказках имеет несколько вариантов, каждый из них характеризует героя в определенный момент. Герой сказки проживает значительный период, длящийся во времени, показана его история, он попадает в разные ситуации. Все варианты имени в совокупности раскрывают целостный образ героя, его характер, который складывается как мозаика.

Характерная черта бытовых сказок, в отличие от волшебных, заключается в том, что в них нет вымышленных, то есть нереальных, персонажей. Так как антропоним по своей сути принадлежит человеку, то и рассматривается неотрывно

от человека, с присущими ему характеристиками. В то время как в волшебных сказках присутствуют элементы волшебства, находящие свое отражение и на уровне системы называния героев: *Иван Быкович* — сын быка, традиционное для русского языка образование отчества от имени отца. Также волшебные сказки отличаются от новеллистических метафоричностью описания, они обращаются к миру природы, герои тесно с ней связаны, а поэтому встречаются такие имена, как *Иван Водович, Иван — Месяцев сын*.

Традиционно структура русского имени состоит из трех компонентов — имени, отчества и фамилии. Имя собственное *Иван*, встречающееся в русских народных сказках, по структуре условно можно разбить на четыре группы: а) «имя» (*Иван, Ивашка*); б) «имя + отчество» (*Иван Быкович, Иван Водович*); в) «имя + фамилия» (*Иван Кобыльников, Иван Дорогокупленный*); г) «составное имя» (*Иван-царевич, Иван-молодец*). Третья группа «имя + фамилия» была выявлена только в текстах волшебных сказок. Мы считаем, что это связано в первую очередь с тем, что фамилия как компонент русского имени появилась в более поздний период, для русских сказок не является актуальной в силу того, что в них не прослеживаются родственные связи героя, встречающиеся фамилии образованы от прозвища и выполняют характеризующую функцию.

Наиболее частотным по количеству употреблений как в волшебных, так и в новеллистических сказках является полное имя *Иван*, состоящее из одного компонента. Это нейтральное имя, не выражающее экспрессии; так о герое говорит автор. Как правило, это имя употребляется в сказках, где герой из «простого народа»: солдат, купеческий сын, сын старушки, бедняк. В сказке «Иван Горошко» герой — простой бедняк, родившийся последним у многодетной матери: «*Прошло несколько времени — родила она сына; дали ему имя Иван Горох, и растет он не по годам, а по часам, гладенький, кругленький! Глядит, усмехается, прыгает, выскочит, да в песке он катается, и все прибывает в нем силы, так что лет в десять стал могуч богатырь*» [6, т. 1: 283]. В бытовой сказке «Глупый купец» Иван — де-

ревенский малец, обманувший скупого купца: «В одной деревне жил скупой и глупый купец. Вот в той самой деревне жил и малец Иван» [6, т. 2: 110], «Вот соседи смеялись, что Иван обманул купца» [Там же: 112].

Антропоним, строящийся по модели «имя + отчество», встречается как в одних, так и в других рассматриваемых нами текстах. В волшебных сказках имя *Ваня*, *Ивашко*, указывающее на принадлежность к простому народу, трансформируясь, становится именем-отчеством, что отличало людей высшего сословия: «Добрый молодец подъехал, царь подходит, берет за руку Ивана Еруслановича, так назвал его царь, подводит к царевне...» [6, т. 1: 327]. Характерно, что отчество в данном случае не отражает принадлежность героя к своему роду, оно образовано не от имени отца, основателя рода. Царь сам так называет Ивана, тем самым определяет его к знатному, желаемому для него роду, царь меняет Ивану родословную.

В бытовых сказках герой от рождения принадлежит к почитаемому сословию, он сын купца, и отчество у него по отцу: «Жил купец Василий Иванович, и был у него сын, и звали сына Иван Васильевич...» [6, т. 2: 16].

Ванька — это фамильярное имя, несколько грубоватое, часто им может передаваться недовольство, раздражение, особенно у взрослых. Имя образовано с помощью суффикса *-к-*, который является стилистически модифицированным. Регулярная и продуктивная словообразовательная единица образует разговорные или просторечные синонимы мотивирующих личных имен со значением лица.

В волшебной сказке «Королевич и его дядька» мы наблюдаем на семантическом уровне различие имен *Иван-царевич* и *Ванька*. Иван-царевич — меньший сын царя, положительный герой, а Ванька — его слуга, который хитростью решил занять место своего господина. «Говорит он слуге своему: „Ах, Ванька, как же быть?“ ... Сейчас это Ванька начал пить, напился, а там стал царевича держать. Иван-царевич напился: „Ну, Ванька, вытаскивай меня“. Он ему отвечает: „Нет же! Будь ты Ванька, а я буду Иван-царевич“»

[6, т. 1: 299]. Имя *Ванька* имеет негативную коннотацию, так как он обманом добывается цели.

Именем *Ванька* в бытовых сказках называют вора, который собирается убить попа: «Берегись! — говорит, — стой на молитве вся ночь, спать не можешь! Ванька-вор на тебя похваляется» [6, т. 2: 77]. В волшебных же сказках имя *Ванька* указывает на низкое сословное происхождение своего носителя: «Был-жил поп да попадьня. У них был казак, по имени Ванька, только житие у них казаку было не очень-то хорошее» [Там же: 152]

В бытовых сказках имя *Ванька* имеет то же смысловое наполнение, что и в волшебных, оно стилистически маркировано. Этим именем называют вора, плута, мошенника, простого работника.

В. А. Никонов отмечает, что имена собственные, образованные с помощью форманта *-к*, являются отголоском истории страны, культуры народа: «Во множестве фамилий отражена ярчайшая историческая черта России XVI–XIX вв.: всех непривилегированных именовать обязательно уничижительным формантом *-ка...* Фамилии от таких форм особенно многочисленны там, где большинство населения было крепостным» [3: 7].

Иван-царевич в новеллистических сказках не является главным героем повествования, в отличие от волшебных сказок, в которых это положительный образ, отчасти волшебный герой, идеальный образ, в бытовых сказках имя несет различительно-сословную функцию, герой отличается происхождением. В сказке «Горбушка» Иван-царевич — привилегированный жених, имеющий высокое положение в обществе, за которого намечивается и выходит замуж героиня. Он обычный человек, видящий только то, что находится на поверхности, от него скрыт истинный смысл: «Видно, уж Иван-царевич бестолковый был» [6, т. 2: 31].

В волшебных сказках Иван-царевич всегда главный герой, который отстаивает свое правое дело: «В каком-то государстве жил-был царь. У этого царя был один только сын Иван-царевич. Ивану исполнилось лишь шестнадцать годов, как мать его умерла, а царь женился на

другой, на волшебнице. Она страшно не любила Ивана, а сделать оборотнем не могла, потому что родная мать благословила его перед смертью и дала ему какой-то травы, чтоб он всегда носил ее на шее...» [6, т. 1: 200].

В бытовых сказках, в отличие от новеллистических, не встречаются такие имена, как, например, *Иван-дурак*, *Иванушка*. Иван-дурак в волшебных сказках: «*Жил-был старик; у него было три сына, третий-от, Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался*» [Там же: 317].

Имя *Иванушка* и в тех, и в других текстах употребляется по отношению к ребенку, уменьшительно-ласкательный суффикс *-ушк-* указывает на детскость. В результате проведенного анализа было выявлено, что Иванушка как действующее лицо встречается только в волшебных сказках: «*Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой*» [Там же: 244]. В новеллистических сказках не встречается главного героя Иванушки, о нем лишь говорится как о ребенке в воспоминаниях: «*Милее всего внучек Иванушка*» [6, т. 2: 35].

Таким образом, антропоним *Иван* является феноменом русской культуры, так как основательно закрепляется в реалиях окружающей

действительности. Результатами проведенного нами исследования подтверждается следующее: несмотря на разные жанровые особенности волшебных и новеллистических сказок, имя собственное *Иван* выполняет одинаковые функции (номинативную, сословно-дифференциальную, стилистическую), используя одинаковые средства. Наблюдается стилистическая однородность в употреблении антропонима в разных сказках: наличие отчества возвышает героя, а сниженный вариант имени собственного употребляется в сниженных ситуациях. Можно утверждать, что антропоним *Иван* имеет единое лингвокультурологическое значение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография. М., 2008.
2. Имя: Семантическая аура / Отв. ред. Т. М. Николаева. М., 2007.
3. Никонов В. А. География фамилий / Отв. ред. С. И. Брук. 4-е изд. М., 2008.
4. Пенская И. Е. Имена собственные в русских народных сказках и способы передачи их на английский язык: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
5. Протт В. Я. Русская сказка. М., 2000.
6. Русские народные сказки / Сост., вступ. статья и коммент. О. Б. Алексеевой. Т. 1, 2. М., 1987.

[хроника]

КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО ОБОГАЩЕНИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»

С 20 по 24 ноября 2015 года в городе Льейда (Лерида) (Испания) проходила международная научная конференция «Перевод как средство обогащения мировой культуры», посвященная Году литературы в России и перекрестному Году культур России и Испании. Конференция организована Высшей школой перевода МГУ имени М. В. Ломоносова совместно с Центром русского языка и культуры г. Льеда при содействии Посольства России в Испании и местной администрации.

В конференции приняли участие специалисты из России, Азербайджана, Болгарии, Великобритании, Греции, Грузии, Казахстана, Китая, Латвии, Польши, Словакии и Украины, чтобы обсудить проблемы теории, истории и методологии перевода, а также рассмотреть вопросы инноваций в методике преподавания русского языка как иностранного и второго родного языка для стран дальнего зарубежья.

Конференцию открыла руководитель Центра русского языка и культуры г. Льейда Н.А. Карпицкая. Директор Высшей школы перевода в своем приветственном слове отметил значительную роль Центра по продвижению русского языка в Каталонии и важную инициативу по привлечению детей-билингвов к азам переводче-

ской деятельности. На открытии конференции выступили: первый секретарь Посольства России в Испании А. В. Батадеев, советник мэрии г. Льеиды по культуре Монсеррат Парра Альба, каталонский поэт, член жюри конкурса переводов «Дети-переводчики» Лоренсо Лорес Мескуа. Каталонский певец Хайме Оро преподнес участникам конференции подарок, исполнив песню «Lleida — terraferme».

Торжественная церемония завершилась подведением итогов конкурса «Дети-переводчики». Победителям — Анне Шмелевой (Москва), Франциско Карлосу Давиу Коронадо (Пальма де Мальорка) и Полине Разгуляевой (Льейда) были вручены грамоты и памятные подарки.

На конференции с пленарным докладом «Крутые галсы науки о переводе» выступил директор Высшей школы перевода Н. К. Гарбовский. Работа конференции продолжилась по двум направлениям: «Теория, история, методология перевода» и «Инновации в методике преподавания РКИ и второго родного языка для стран дальнего зарубежья».

Прошедшее мероприятие в очередной раз показала растущий интерес специалистов разных стран к вопросам науки о переводе, а также к русскому языку и культуре.

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН: ИНДИВИДУАЛЬНО-ПОЭТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОЙ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

ELENA L. RODINA

SERGUEY YESENIN'S POETIC EMBODIMENT OF THE "LIFE" CONCEPT
IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE METAPHORICAL MODEL

Статья посвящена исследованию экзистенциальной универсалии «Жизнь» в контексте русской национальной культуры, языковой экспликацией которой является устойчивая метафорическая модель «жизнь — обман». Исследование, выполненное на материале стихотворений С. Есенина «Моя жизнь», «Жизнь — обман с чарующей тоскою» и «Глупое сердце, не бейся», раскрывает актуальные лингвокультурологические вопросы: языкового овнешнения «национального концепта» в индивидуально-поэтическом пространстве и роль метафоры в языковом иллюстрировании концептов. В статье использованы способы последовательного и фрагментарного лингвокультурологического анализа в описании концептов.

Ключевые слова: концепт, индивидуально-авторская метафора, устойчивая метафорическая модель.

The article explores existential notion of "Life" in the context of Russian national culture with its language explication in metaphorical model "life is deceptive". The research is made as a case study of Yesenin's poems "My Life", "Life is a deception with charming melancholy" and "Foolish heart, don't beat", and solves actual linguocultural problems, such as the linguistic externalization of "national concept" in the individual poetic space, and the role of metaphor in concepts' illustrating. The article uses sequential and fragmentary linguocultural analyses in the description of the concepts.

Keywords: concept, individual author's metaphor, sustainable metaphorical model.

Елена Леонидовна Родина

Аспирант

Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина

ул. Академика Волгина, д. 6,
г. Москва, 117485, Россия

► Elena.Rodina@rambler.ru

Elena L. Rodina

Pushkin Federal State Budget
Educational Institution

Ulitsa Akademika Volgina, 6,
Moscow, 117485, Russia

Научный руководитель: д-р пед. наук,
д-р филол. наук, проф. Ю. Е. Прохоров

Способ думать об одном посредством другого — метафора — древний прием смыслообразования и постижения окружающей действительности. «Поистине удивительна в человеке эта мыслительная потребность заменять один предмет другим», — заметил известный испанский ученый Хосе Ортега-и-Гасет. С одной стороны, это «единственный способ воплотить в чувственном образе бестелесную и труднопостижимую абстракцию» [2: 182], а с другой: естественное желание замаскировать предмет другой вещью с целью уберечь, сохранить, защитить сокровенное от всеобщего обозрения (поскольку первоисточником метафоры, по мнению исследователей, является «дух табу» — страх человека перед непостижимой природной стихией) (см.: [8]) и, может быть, на наш взгляд, украсить, возвысить реальный предмет, дав ему другое имя.

Метафора — это «вероятно, наиболее богатая из тех возможностей, которыми располагает человек. Ее действительность граничит с чудотвор-

ством и представляется орудием творения, которое Бог забыл внутри одного из своих созданий, когда творил их...» [10: 248]. Современные лингвисты обогатили смысл данного высказывания: внутри не одного, а каждого из своих созданий, поскольку каждый человек, по мнению ученых, является создателем собственных индивидуальных концептов и концептосферы в целом, а различные виды метафор, которыми чаще всего человек объясняет свои мысли, признаны лингвистами основными языковыми единицами, вербализующими концепт (см. об этом: [7; 11; 1]). Предметом данного исследования является общечеловеческая константа «Жизнь» (см.: [15]) в индивидуально-авторской поэтической экспликации, обрамленной устойчивым метафорическим контекстом.

Возникновение таких самостоятельных дисциплин, как лингвокультурология — особого типа взаимосвязи языка и культуры, где язык — «транслятор» культурных ценностей народа, и осмысление в науке последних двадцати лет понятия концепта как «сгустка культуры в сознании человека», как «пучка» представлений, знаний, понятий, ассоциаций, переживаний в ментальном мире человека [15]; как «фрагмента жизненного опыта человека», «многомерного ментального образования, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [5: 128]; как «единицы коллективного знания (отправляющей к высшим духовным сущностям), имеющей языковое выражение и отмеченной этнокультурной спецификой» [2: 51–52]; как «представления о фрагменте мира», о том, «что человек знает <...> об объектах внешнего и внутреннего мира», позволило исследователям по-новому взглянуть на традиционные экзистенциали или «предельные понятия» [14: 4–7], такие, как: Бог, Жизнь, Вера, Совесть, Смерть. По мысли С. Г. Воркачева, на место утвердившейся до этого времени системно-структурной парадигмы знания «пришла парадигма антропоцентрическая, функциональная, возвратившая человеку статус „меры всех вещей“ и вернувшая его в центр мироздания» [2: 8]. Научный интерес переместился на явления более личностного характера: эмоционально-чувственный спектр «телеономных»

концептов (Счастье — Несчастье, Любовь — Ненависть, Радость — Грусть, Веселье — Печаль); на национальные особенности их проявления — «национальные концепты» (тоска, удаля, воля и др.), т. е. «самую общую, максимально абстрагированную, но конкретно репрезентируемую (языковому) сознанию, подвергшуюся когнитивной обработке идею „предмета“ в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью», иными словами, «свернутый глубинный „смысл“ предмета» [6: 268–269].

Лингвокультурологический подход к исследованию таких универсалий особую значимость придает этимологии, происхождению предмета, что открывает новые грани и возможности явления, позволяет переосмыслить традиционные его интерпретации.

Концептуальный анализ понятия предполагает воплощение «концентрированного знания», «все, что мы знаем об объекте...». В статье использованы последовательный и фрагментарный способы лингвокультурологического анализа экзистенциали «Жизнь».

Высокая степень абстракции делает концепты (Бог, Жизнь, Вера, Совесть, Смерть) понятиями «безденотатными и безреферентными», другими словами, «пустыми» [14: 12]. Человеческое сознание стремится к заполнению различного рода информационных лакун, иначе говоря, выявить максимальное количество смыслов о предмете или понятии. Согласно утверждениям ученых, «в случае концепта метафора представляет собой „наглядное“ моделирование чувственно невоспринимаемых сущностей» [2: 182] и «наш дух вынужден... обращаться к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудноуловимых» [10: 72].

История русской народной мысли дает не мало моделей метафорической концептуализации основополагающей сущности: «жизнь — дорога», «жизнь — бесценный дар», «жизнь — болезнь», «жизнь — игра», «жизнь — стихия (огонь, вода)», «жизнь — сон», «жизнь — книга», «жизнь — ноша», «жизнь — время года и суток» и т. д. (см.: [3]).

Обратимся к одному из частотных метафорических воплощений концепта «Жизнь» в творчестве С. А. Есенина. Языковая экспликация «жизнь — обман» представляет богатый исторический контекст: «Если жизнь тебя обманет, не печалься, не сердись!..» [12: 96].

Эта метафора впервые формируется в стихотворении С. А. Есенина, начинающего свой творческий путь, «Моя жизнь» (1911–1912)*. Подобное сравнение определяется признаками, являющимися общими для представленных абстракций: ощущение пустоты, измены, одиночества, несбывшихся надежд, нереализованных планов, утраты смысла жизни, неизвестности конца собственного существования. В основе концептуализации универсалии «Жизнь» — эмоционально-чувственный спектр, индивидуально-авторская палитра — от горя до счастья, от тоски до радости. Концептуальное поле «Жизни» в стихотворении заполняют в первую очередь «горе», «тоска» и «страдания».

Будто в жизни мне выпал *страданья* удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.
Уж и так в жизни много всего я терпел,
Изнывает душа от *тоски* и от *горя*.

«Чувства тяжелые» преобладают в настоящий момент в пространстве мировидения лирического героя. Это подтверждает и частотность повторения в произведении определенных лексических единиц: слово «жизнь» употребляется 7 раз, «тоска» — 4 раза, «страдание» и «горе» — трижды и «раны» — дважды.

В русской языковой картине мира «Жизнь» представлена не только как «заботы и тревоги», «серые будни», но и как «жизнь прекрасна», «жизнь — бесценный дар». Языковая вербализация «Жизни» была бы не полной без «радости» и «счастья». Эти категории также описаны в художественном тексте: «даль туманная радость и счастье сулит». Но для глаза лирического героя они не заметны. Лексема «радость» фигурирует в художественном тексте только 2 раза и единожды эксплицируется «счастье».

Одним из главных аспектов в определении сущности «Жизни» занимает константа «Душа» — нематериальная составляющая челове-

ка — (дважды вербализуется в тексте) как символ соединения земного и трансцендентного бытия, область Божественного и человеческого мира.

Исследуемая метафорическая модель в ключительной четвертой строфе стихотворения — это своеобразное подведение итогов, подчеркивающее несоответствие желаний и возможностей, расхождение мечты и реальности.

Догадался и понял я *жизни обман*,
Не ропщу на свою незавидную долю.
Не страдает душа от тоски и от ран,
Не поможет никто ни *страданьям*, ни *горю*.

Данный поэтический фрагмент позволяет заключить, что «Жизнь» в русской концептосфере осмысливается как совокупность различных элементов: во-первых, многое зависит от того, какая «судьба». Устойчивые компоненты модели «жизнь и судьба» параллельно осмысливаются в стихотворении и имплицитно синонимически дважды:

Будто в жизни мне выпал *страданья* удел;
Незавидная мне в жизни выпала доля.

Продолжают импликацию модели индикаторные образы, овнешняющие природную стихию:

Вдруг наступит гроза, сильный гром загремит
И разрушит волшебные сладкие грезы.

Данные строфы представляют также еще одну концептуальную параллель поэтического пространства: мечта и реальность. Во-вторых, в дефиниции жизненной сущности следует учесть «взгляд на мир» православного человека. Отметим также тот факт, что в основе русской культуры сливаются два начала: славянское язычество и христианство, что имплицитно еще одну концептуальную параллель: Бог и бытие.

Как видим, в произведении представлена, с одной стороны, типичная христианская концепция «Жизни»: терпения, смирения, кротости (не ропщу); ведущее место отводится духовной стороне жизни: весь спектр представленных чувств сосредоточивает, объединяет в себе «Душа». С другой стороны — концепция обывателя-пессимиста, составляющая наивную картину мира. Это два основополагающих момента ми-

ровоззрения русского человека. Обратимся к паремиологическому и афористическому фонду: «Стерпится — слюбится», «Терпение и труд — всё перетрут»; «Всё как есть прими», «Все пройдет: и печаль и радость...». Народная мудрость опозитивирована во многих есенинских произведениях: «Всё принять, ничего не взять пришёл в этот мир поэт», «Принимаю, что было и не было», «Не ропщу на свою незавидную долю», «Принимаю, приди и явьсь, всё явьсь, в чём есть боль и отрада».

При изучении поэтической характеристики концепта «Жизнь» становится очевидно, что, с одной стороны, это тоска, горе, раны, страдания, разочарования, «вздохи да слёзы»; с другой — радость и счастье, «волшебные, сладкие грёзы», надежды на будущее в христианском контексте.

Иная концептуализация понятия «Жизнь», погруженная в контекст русской национальной реалии «тоска», своеобразно раскрывается в индивидуально-метафорическом осмыслении поэта.

*Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою,
Роковые пишет письма.
«Жизнь — обман...» (1925)*

В определении понятия «Жизнь» заключено не только мировосприятие русского национального поэта, но и шкала характеристик, оценок земного бытия: от прекрасного до безобразного, от Божественного до земного.

Основными элементами первой строфы поэтического определения являются: «обман» — ложное представление о чём-либо, заблуждение — имеет явно отрицательную окраску (см.: [9]); «тоска» — русский национальный концепт, эндемик, непереводаемое, безэквивалентное явление русской действительности. Спектр ее характеристик необычайно разнообразен, как отрицательно, так и положительно эмоционально окрашен: изначально теснота, однообразие, отсутствие пространства и свободы («Устал я жить в родном краю в тоске по гречневым просторам»); природная субстанция, обитатель равнин и степей («О, сторона ковыльной пуши, ты сердцу ровностью близка, но и в твоей таится гуще солончаковая тоска»); одиночество («Не тоскуй, моя

бедная хата, что опять мы одни, да одни»); наиболее близок тоске синонимический словарный ряд: скука, грусть, печаль, уныние, кручина, — эти понятия часто осмысливаются в едином контексте: «Мне тоскливо и грустно, и жалко, одиноко камин мой горит...»; текучесть, тягучесть, до конца неизлечимость, возобновляемость, родственная связь: «И кому-то родная тоска»; веселье: «Есть тоска веселая в аlostях зари», «И дремлет Русь в тоске своей веселой, вцепивши руки в желтый крутосклон»; любовь: «Полюбил я тоской журавлиною на высокой горе монастырь»; следующий контекст демонстрирует «половодье чувств», вмещающихся в концептуальное поле тоски: «Люблю до радости и боли твою озерную тоску. Холодной скорби не измерить...» и т. п. (см.: [13: 250]). Отметим, что словесное воплощение чувства в определении первой строки стихотворения акцентировано метрически пиррихием — пропущенным ударением в строфе.

В данном контексте концепт «Тоска» выступает в другом, неожиданном для читателя, качестве (с положительной эмоциональной окраской). В выражении «чарующая тоска», с одной стороны, слышатся оттенки волшебства, колдовства (см.: [9]), иными словами, «Любви», т. к., по мысли Ю. С. Степанова, концепт «Любовь» оказывается связан с концептом «действие», первоначально с магическим «чародействовать», «быть зачарованным» [15: 287]. С другой — обаяние и пленительность, возводит явление тоски, а вместе с тем и сущности «Жизни» в ранг возвышенного, «неземного бытия», область Божественного. Жизнь, в таком понимании, это тот обман, перед которым можно остановиться и остолбенеть, который завораживает, пленяет, чарует, производит неотразимое впечатление и который невозможно не любить; далее осмысливается в контексте национального явления «тоски» со всеми его сложными, многообразными и противоречивыми оттенками: «жизнь и судьба» («сильна она», «грубою рукою», «роковые письма»); «жизнь — путь — дорога» («Хорошо в черемуховой вьюге думать так, что эта жизнь — стезя»); «жизнь полосатая» («Жизнь — обман, Но и она порою украшает радостями ложь»); финал стихотворения имплицитно

рует (подтекстно выражает) чувство Любви, связь с Божественным миром и утверждение о том, что «жизнь прекрасна»:

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.
«Жизнь — обман...» (1925)

Итоговый, философский период творчества С. А. Есенина представляет образец высочайших поэтических концептуализаций мироздания: «И потому, что я постиг всю жизнь, пройдя с улыбкой мимо...», «Успокойся, смертный, и не требуй правды той, что не нужна тебе», «Если душу вылюбить до дна, Сердце станет глыбой золотом»... Переосмысливается и отношение к выражению «жизнь — обман» в произведении из цикла «Персидские мотивы», посвященного познанию смысла «Любви»:

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьёмся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.
«Глупое сердце, не бойся» (1925)

Это своеобразное подведение итога осмыслению жизни в преломлении концепта «Любовь» и языковом обрамлении описываемой устойчивой метафорической модели. Этот ракурс концептуального поля «Жизни» исключает присутствие «тоски» и ее синонимического спектра — преобладающего компонента предыдущих определений, сосредоточивая иные эмоции и чувства. Только к одной лексеме «счастье» поэт обращается трижды, пусть даже в контексте её недостижимости, зыбкости и мимолётности: «Все мы обмануты счастьем», «Счастья искал повсюду». В четвёртой строфе этот концепт иллюстрируется как «удел желанный больше искать не буду». В «философском» творчестве С. А. Есенина также главенствует неизменная христианская заповедь смирения и всепрятия. Надежда на будущее, умиротворение и отдых (отчасти даже некоторое забвение), имплицитные второй, третьей и четвёртой строками процитированного фрагмента, погружены в рефренное обрамле-

ние предзаключительного пятистишия: «Жизнь не совсем обманула», подчёркивающего неповторимость и гармонию земного бытия. Жизнь здесь — это, прежде всего, Любовь (месяца желтые чары) и Любовь — защита, ласка: «Лале склоняясь на шальвары, я под чадрую укроюсь», мимолетное неуловимое Счастье, вечно ищущее, беспокойное сердце (проявляющееся в шести повторяющихся строках начала и завершения произведения: «Глупое сердце, не бойся!») и, конечно же, надежда на лучшее будущее и взаимную, настоящую Любовь: «Может, и нас отметит рок, что течет лавиной, и на любовь ответит песнею соловьиной».

В стихотворении опущена вся «острая», эмоционально-негативная лексика (категорию «горя» синонимизирует слово с корнем положительной эмоциональной окраски «неудача», а глагол «плачет» близок по значению к лексемам «грусть», «тоска», «печаль»).

Все мы порою, как дети,
Часто смеёмся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
«Глупое сердце, не бойся» (1925)

Осмысление сущности «Жизни» через призму пересекающих её концептуальных параллелей (Бог — безбожие, Рай — ад, Счастье — горе, Любовь — нелюбовь, радость — печаль, веселье — грусть) — отличительная черта творчества С. А. Есенина.

Таким образом, «Жизнь» — универсалия концептосферы, соединяющая противоречивые, полярные явления и факты. Многое в ее словесной репрезентации зависит от возраста и взгляда субъекта на мир. Основная составляющая определения — народная мудрость о том, что «жизнь прекрасна». Во всех трёх произведениях С. А. Есенина в поэтическое определение «Жизни», основой которого является устойчивая метафорическая модель «жизнь — обман» в индивидуально-авторском осмыслении, вписана русская национальная концепция земного бытия, т. е. представление погруженного в контекст православной и народной культуры обывателя о мироздании.

ПРИМЕЧАНИЕ

* Иллюстративный материал дается по изданию: [4].

ЛИТЕРАТУРА

1. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография. Краснодар, 2002.
2. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004.
3. Деева Н. В. Модусы бытия человека: жизнь // Концепт. Образ. Понятие. Символ: Коллективная монография. / Отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Кемерово, 2004.
4. Есенин С. А. Собр. соч.: В 3 т. М., 1970.
5. Карасик В. И. Языковое проявление личности: монография. М., 2004.
6. Красных В. В. Свой среди чужих: миф или реальность? М., 2003.
7. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. М., 1997. С. 280–288.

8. Макарова Г. А. Концепт «любовь» в языках разных типов (на материале лингвокультурных текстов). Йошкар-Ола, 2001.

9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984.

10. Ортега-и-Гасет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 230–269.

11. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

12. Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1959.

13. Родина Е. Л. Способы реализации концепта «тоска» в поэзии С. А. Есенина // Русский мир и русское слово в межкультурном пространстве. Стамбул, 2011. С. 250.

14. Снитко Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах: монография. Пятигорск, 1999.

15. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.

[хроника]

РАБОТА С ТЕКСТАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО СТИЛЕЙ В СТУДЕНЧЕСКОЙ АУДИТОРИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

(Продолжение на с. 64, 100, 105)

19–20 ноября 2015 года в Национальном минерально-сырьевом университете «Горный» (Санкт-Петербург) состоялась V Международная научно-методическая конференция «Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе», в которой приняли участие 148 человек из 15 городов Российской Федерации, а также из г. Мемфис (США), г. Сан-Паулу (Бразилия), г. Нарва (Эстония), г. Таллин (Эстония). Работа проходила в форме пленарного и секционных заседаний, мастер-классов и видеоконференции. На Пленарном заседании обсуждалась работа с текстами художественного, публицистического и научного стилей в студенческой аудитории технического вуза. С докладами выступили ведущие российские ученые, представившие формы и методы изучения текстов различных функциональных стилей и обозначившие направления развития у студентов навыков аналитической работы с текстом. С большим интересом были заслушаны доклады профессоров СПбГУ К. А. Роговой «В поисках героя (об отборе учебных текстов в серии ЖЗЛ)», В. В. Химики «Художественная речь и речь разговорная: аспекты сравнения», В. И. Конькова «Система презентации научного текста в студенческой аудитории». Совместный доклад профессоров РГПУ им. А. И. Герцена В. А. Козырева и В. Д. Черняк «Выбор словаря и формирование лингвистической компетенции» привлек внимание постановкой вопроса о разнообразном использовании словарей при работе с текстом. Профессор МГУ им. М. В. Ломоносова М. Ю. Сидорова в докладе «От межкафедральных учебных курсов к междисциплинарным научным проектам: что приводит физика в лингвистику?» интерактивно представила аспекты сближения

гуманитарных и фундаментальных предметов. В дискуссии была отмечена содержательность, актуальность тематики докладов, их соотнесенность с проблемами, стоящими перед профессорско-преподавательским составом технических вузов.

Участники секции «Современная языковая ситуация и вопросы культуры речи» отметили, что в настоящее время интерес к родному языку становится осознанной необходимостью для миллионов молодых людей, стремящихся добиться успеха в жизни. Однако состояние современного русского языка (расшатывание традиционных литературных норм, неумеренные иностранные заимствования, стилистическое снижение устной и письменной речи, вульгаризация бытовой сферы общения) вызывает беспокойство как специалистов-филологов, так и представителей наук, чья профессиональная деятельность связана с речевым общением. Было отмечено, что актуальной становится проблема исследования языкового сознания современника, «культурных кодов» и когнитивных установок учащейся молодежи, в первую очередь студентов технических вузов. Все участники секции сошлись во мнении, что в настоящее время назрела острая необходимость объединения усилий преподавателей филологических, историко-культурологических, философских и других гуманитарных дисциплин для последовательной реализации стратегической задачи формирования компетентной языковой личности как носителя определенных культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний и установок.

На секции «Инновационные технологии в практике преподавания гуманитарных дисциплин в техническом вузе»

К. А. Щукина

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ПИРОЖКАХ И ПОРОШКАХ — НОВЫХ ЖАНРАХ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ

KIRA A. SHCHUKINA

PRECEDENT PHENOMENA IN THE NEW GENRES OF CONTEMPORARY INTERNET POETRY:
“PIROZHOK” AND “POROSHOK”

В статье рассматриваются прецедентные феномены в новых жанрах современной интернет-поэзии — *пирожок* и *порошок*, а также дается основная информация о происхождении этих жанров и их близости к фольклору. Анализируется ряд примеров, содержащих прецедентные тексты, прецедентные высказывания, прецедентные имена и прецедентные ситуации. Выявлены случаи функционирования нескольких разнородных прецедентных феноменов в одном тексте.

Ключевые слова: прецедентность, прецедентное высказывание, прецедентное имя, прецедентный текст, прецедентная ситуация, *пирожок*, *порошок*, интернет-поэзия, фольклор.

The purpose of the article is to give the reader some information about precedent phenomena in the new genres of contemporary internet poetry, called “pirozhok” and “poroshok”. The author gives basic information on the origins of the genres and their proximity to the folklore. The article includes a number of examples containing precedent texts, utterances, names and situations. The author analyzes the cases of functioning of various kinds of precedent phenomena in the text.

Keywords: precedent phenomena, precedent text, precedent utterance, precedent name, precedent situation, “pirozhok”, “poroshok”, Internet poetry, folklore.

Пирожок — это очень популярное последние десять лет явление, возникшее в Интернете: «четверостишие без рифмы, цифр, знаков препинания и дефисов, написанное четырехстопным ямбом и строчными русскими буквами», которое называется пирожком, «если помимо формата в нём присутствует неуловимый пирожковый дух <...> Пирожок должен волновать читателя и не быть банальным» [9].

бог создал труд и обезьяну
чтоб получился человек
а вот пингвина он не трогал
топ сразу вышел хорошо

Первый пирожок был написан в конце 2003 года. Сейчас количество пирожков в сети зашкаливает за сотни тысяч.

С одной стороны, пирожки близки к хокку, от которых произошли — если принять во внимание тот факт, что первые пирожки ответвились от интернет-портала, посвященного хокку. С другой стороны, они близки к частушкам, если учитывать форму — четверостишие, в отличие от трехстишия хокку. Можно сказать, что пирожки в настоя-

Кира Александровна Щукина

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
русского языка как иностранного
и методики его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
► k.shukina@spbu.ru

Kira A. Shchukina
Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

щее время функционируют как промежуточный жанр: полулитературный, полуфольклорный.

Изначально у любого пирожка есть автор. Например, автором вышеприведенного пирожка указан the аху, но, по сути, это не имя, а никнейм, сетевое имя — псевдоним, используемый пользователем в Интернете. Настоящее имя автора остается читателю неизвестным. А далее утрата имени автора становится еще более полной: поскольку пирожковая поэзия активно распространяется через социальные сети, большинство четверостиший утратили авторство, стали безавторскими, то есть фольклорными. Существует также подход, в котором тексты сетевых коммуникаций рассматриваются как так называемый «интернет-лор», обладающий «многими свойствами фольклора (воспроизведение в изменяемых копиях, использование определенного набора клише, часто — анонимность и пр.). <...> Здесь культура как бы возвращается к своей предыдущей фазе, к пластичности форм, к безавторству и т. п.» [Там же].

Таким образом, учитывая популярность пирожков, мы имеем дело с еще одним жанром городского фольклора. А городской фольклор, в отличие от традиционного фольклора, «связан с письменными формами, с авторским началом. Более того, для городского жителя он идеологически маргинален: свои идеологические потребности городской человек удовлетворяет иначе, с использованием других продуктов — главным образом, относящихся к масс-медиа и массовой культуре» [8]. И с этой точки зрения можно сказать, что мы наблюдаем еще одно явление массовой культуры, распространяющееся через интернет-коммуникации.

Как любое явление, пирожки стали развиваться, что привело к созданию порошков — новой стихотворной формы, первоисточником которой, следуя из сказанного выше, являются хокку, частушки и собственно пирожки.

Порошки также пишутся по определенным правилам, которые несколько отличаются от правил написания пирожков. Порошок — четверостишие, написанное усечённым четырёхстопным ямбом, в котором вторая и четвёртая строки рифмуются.

Важно отметить, что порошки, если принять во внимание историю их происхождения, являются уже не вторичным жанром, как пирожки, а третичным, если можно так выразиться, но — обладающим теми же свойствами вторичного, пирожков, то есть анонимностью и близостью к фольклору.

В случае с пирожками и порошками интересен пример с известным хокку Кобаяси Иссы, которое в русской лингвокультуре часто выступает как прецедентный текст, в частности, в качестве эпиграфа к произведению Аркадия и Бориса Стругацких «Улитка на склоне»:

Тихо, тихо ползи,
Улитка, по склону Фудзи
Вверх, до самых высот!

В пирожке, основанном на данном прецедентном тексте, тема переосмыслена и предложена к развитию:

*годами вверх ползла улитка
но вот вершина что теперь
и умирать ей рановато
и больше некуда ползти*
Шурин О. К.

Некий духовный (если можно так сказать) смысл исходного прецедентного текста все еще функционирует в этом пирожке, который, хоть и является «вторичным» жанром, но тем не менее сохраняет некоторые качества первичного.

Далее мы обращаемся к «третичному» тексту, к порошку, в котором тема улитки, ползущей по склону Фудзи, развивается еще дальше:

на склоне фудзи в час заката
найти улитку пожирней
и с диким хохотом погнаться
за ней

© колик

От прецедентного текста не осталось ничего, кроме улитки и склона Фудзи, духовная составляющая исчезла, текст третичен — спуск на земной, плотский уровень, духовность выхолощена, ее больше нет. Остаются «дикий хохот» и «пожирней», «погнаться» — возникает тема шутовской охоты, т. е. охоты не в высоком смысле этого слова, охоты для поддержания жизни, а охоты для забавы, убийства для забавы.

Несомненно, что читатель, не знакомый с изначальным текстом, вряд ли поймет глубокий смысл этого пирожка и порошка, и то, каким образом перевернут и переосмыслен текст. Таким образом, можно сказать, что чтение и понимание такого рода текстов требует определенного уровня лингвокультурной компетенции.

В современной сетевой поэзии, такой, как пирожки, «обновляются формы взаимодействия между текстами, становятся все более разнообразными приемы акцентирования определенных смыслов, языковой игры, проявления интертекстуальности. Среди приемов смыслового акцентирования значительное место отводится языковым играм с прецедентными феноменами (именами, ситуациями, высказываниями и текстами), что, несомненно, влияет на появление у читателей определенных ассоциаций» [1: 62]. Прецедентные феномены также «несут за собой» культурные и аксиологические ассоциации из прежних контекстов, создавая тем самым дополнительные приращения смысла в создаваемом заново тексте. За прецедентным феноменом всегда стоит инвариант его восприятия, который делает все апелляции к нему коннотативно окрашенными, экспрессивными [11: 33].

Источники и способы введения (дословное цитирование или трансформированное цитирование) прецедентных феноменов в текст пирожков могут быть разными. Чаще всего оригинальный текст подвергается разнообразным деформациям, и цитирование имеет место в измененной форме. Но независимо от того, является ли цитирование дословным или деформированным, любая цитата приобретает новый смысл, так как в любом случае меняется вербальный и ситуативный контекст, сопровождающий прецедентный феномен [7: 336].

Мы не будем подробно останавливаться на рассмотрении различных видов прецедентных феноменов, но отметим, что вслед за И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудковым и Д. В. Багаевой [5] разграничиваем следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные имена, прецедентные высказывания, прецедентные тексты и прецедентные ситуации. Подробная

характеристика каждого из феноменов дана в работах [3; 6]. Надо отметить, что иногда все виды прецедентных феноменов сталкиваются в одном и том же тексте, в пределах четырех строчек, что мы и покажем дальше.

Как **прецедентные тексты** чаще всего в пирожках используются сказки.

Например, всем известная сказка про «Репку»:

*спят дедка бабка внучка жучка
и кошка с мышкой тоже спят
а репка из земли вылезит
идёт на цыпочках с ножом
supposedly-me*

В тексте пирожка использована языковая игра (как в известном анекдоте): репка из неодушевленного предмета превращается в живое существо, по всей вероятности, в человека. Происходит деформированное, или трансформированное, цитирование, меняется вербальный и ситуативный контекст. За счет правил оформления пирожков (см.: [10]) — без использования заглавных букв — игра становится неочевидной и не совсем понятной читателю, достигается эффект устной речи (отметим также использование просторечного «вылезит»). Можно сказать, что таким образом еще раз подчеркивается близость пирожков к фольклору.

«Сказка о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина наиболее популярна как прецедентный текст среди создателей пирожков:

*зухра мороженую рыбу
купила и несёт домой
а та оттаяла и молвит
проси что хочешь у меня
vogon
чего ты снова хочешь старче
с упрёком произносит рыбу
и дед смутясь желанье шепчет
показывая на себе
Покемон*

Интересны трансформации текста — каждый из авторов видит ситуацию по-своему, но источник прецедентности безошибочно угадывается читателем. В последнем пирожке используется несколько искаженное прецедентное высказывание «чего ты снова хочешь старче», отсылающее

к тексту А. С. Пушкина за счет использования обращения: «Чего тебе надобно, старче?»

Понятно, что тексты А. С. Пушкина выступают наиболее частым и значимым источником прецедентности, что в равной степени относится и к пирожкам, и к порошкам. Так, например, используется известное всем из школьной программы стихотворение А. С. Пушкина «Зимний вечер»:

пустая страшная избушка
зачем пугаешь ты меня
а где же саша где же кружка
где ня

© ай эм

В данном порошке печальная, темная и «ветхая лачужка» оригинального текста заменена на «пустую страшную избушку», используется прецедентное высказывание «Выпьем с горя; где же кружка?», и, что особенно интересно, в текст вводится и имя самого поэта — «а где же саша», и дается ссылка на Арину Родионовну, обращениями к которой в тексте первоисточника являются «старушка», «подружка» или «мой друг», а в тексте порошка она коротко именуется «ня». Происходит трансформация — возникает третий, лирический герой порошка, смотрящий на ситуацию «Зимнего вечера» и его участников как бы «со стороны».

Как прецедентный текст в пирожках может быть использовано и литературное произведение:

*блоха пришла к левше под утро
глаза больные вся дрожит
и не подкованы копытца
и спинка в язвах от седла
александра*

Источником прецедентности служит повесть Н. С. Лескова «Левша». Как и в примерах, приведенных выше, текст развернут, трансформирован и доведен до абсурда: блоха не только подкована, но и оседлана. Задача читателя здесь не так проста — нужно не только опознать текст, послуживший источником прецедентности, но и на протяжении 4 строчек понять, что же собственно хотел выразить автор пирожка.

Прецедентные имена отдельно, изолированно редко встречаются и в пирожках, и в порошках. Обычно они соединяются с преце-

дентными ситуациями, высказываниями и др., но возможны и другие варианты. Так, например, использование прецедентного имени Дитмара Эльяшевича Розенталя, дорогого сердцу любого филолога, в текстах порошков объединяется с нарочитыми речевыми и грамматическими ошибками, что создает комический эффект:

По калидору с тубареткой
Рассвирепевший Розенталь
Бежал, а от него скакала
Рояль

@ Олег Олег

интеллигент интиллегенту
по роже дал розенталём
и попросил быть грамотнее
при ём

© svirt

Использование в речи **прецедентного высказывания**, как отмечает И. В. Захаренко, предполагает отсылку или к прецедентному тексту, или к прецедентной ситуации в том смысле, что без нее либо не будет понят смысл высказывания, либо не прочитаются связанные с прецедентным феноменом коннотации [4: 50]. Нам представляется, что это становится особенно очевидным в случае пирожков. Напомним пирожок, который мы процитировали в самом начале нашей статьи:

*бог создал труд и обезьяну
чтоб получился человек
а вот пингвина он не трогал
тот сразу вышел хорошо
the axy*

Источником создания прецедентности служит статья Фридриха Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», а еще точнее — бытующее в обиходе прецедентное высказывание «Труд сделал из обезьяны человека». В тексте оригинала существует только три компонента — «труд», «обезьяна» и «человек», в тексте же пирожка добавляется четвертый компонент — «бог», который, разумеется, противоречит материалистической концепции исходного прецедентного высказывания. Таким образом, текст пирожка содержит высказывание, противоположное по смыслу по отношению к прецедентному, и благодаря этому автору удастся добиться комического эффекта.

Понятно и закономерно обращение к текстам Александра Сергеевича Пушкина:

*сегодня ночью вьюга злилась
луна как бледное пятно
сквозь дым светила мне на кухню
я был в трусах и ел пирог
al cogol*

Из precedentного высказывания (стихотворение «Зимнее утро») удалена одна строка:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела..,

но в остальном высказывание не претерпевает изменений и легко опознается читателем. Завершение же текста создает эффект «обманутого ожидания» и служит источником комического.

Аналогичный прием используется и в других пирожках:

*онегин добрый мой приятель
родился на берегах невы
его маман была чудачкой
ещё б в неву пошла рожать*

В качестве источника precedentности использована легко узнаваемая цитата из «Евгения Онегина», но продолжение цитаты, предлагаемое автором пирожка, снова обманывает ожидания читателя.

Тот же прием используется и в порошках:

не выдержав невы теченья
береговой её гранит
полураспался и нехило
фонит

© ab

(А. С. Пушкин «Медный всадник» —
«Невы державное теченье,
Береговой ее гранит»)

Рассматривая **precedентные ситуации**, Д. Б. Гудков дает следующее определение: «Precedентной ситуацией мы называем некоторую реальную единичную ситуацию, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообще-

ства» [2: 41]. Далее Д. Б. Гудков отмечает, что актуализация precedentной ситуации происходит при ее сопоставлении с той или иной ситуацией речи, а актуализатором precedentной ситуации является precedentное высказывание [Там же]. Посмотрим, как это реализуется в пирожках:

*в пустую старую квартиру
письмо приносит почтальон
дед забирает меня с продленки
и увези меня к себе
D M.*

Актуализатором precedentной ситуации выступает precedentное высказывание из рассказа А. П. Чехова «Ванька»: «Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Клянюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...» Precedентная ситуация переработана и «осовременена», но вполне опознаваема читателем с определенным уровнем лингвокультурной компетенции.

Пирожки и порошки примечательны тем, что иногда в пределах одного текста, то есть четырех строчек, сталкиваются **несколько precedentных феноменов** — два и более. Подобная концентрация precedentности создает насыщенный смыслами текст и вряд ли может возникнуть в текстах иного рода, и именно поэтому пирожки так привлекательны как материал для исследования precedentности.

*исус спросил что там за крики
и шум за масличной горой
а это иоанн ответил
нас арестовывать идут
supposedly-me*

Соединение трех precedentных феноменов: precedentной ситуации из Библии — на Масличной (Елеонской) горе молился перед арестом Иисус Христос (Лк. 22), precedentных имен — Иисуса и Иоанна, и precedentного высказывания из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова: «— А что это за шаги такие на лестнице? — спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе. — А это нас арестовывать идут, — ответил Азazelло и выпил стопочку коньяку».

Интересно обращение к прецедентному тексту сказки «Сестрица Аленушка и братец Иванушка»:

*ты не рассказывай мне сказки
о детских комплексах и эле
что знаешь ты о трудном детстве
воды не пивший из копытиц
the axu*

Здесь автор пирожка обращается не только к тексту сказки, выполняющему роль прецедентного в данном тексте, но и к известному высказыванию «Не пей, Иванушка, козленочком станешь!», а также отсылает читателя к психоанализу Зигмунда Фрейда — «детские комплексы» — и к устойчивым выражениям «рассказывать сказки» и «трудное детство». Все вместе дает интересное смысловое наполнение, заставляющее читателя задуматься над текстом.

Соединение прецедентных феноменов используется также и в порошках:

*шинель с акакия сорвали
среди мгливой петербургской тьмы
и из неё повыпадали
все мы*

© Никтур

Читатель легко опознает отсылки к прецедентному тексту гоголевской «Шинели», прецедентное имя главного героя, а также известное прецедентное высказывание, часто приписываемое Ф. М. Достоевскому: «Все мы вышли из гоголевской шинели».

Таким образом, интенсивное использование прецедентных феноменов в речи, наблюдающееся в последнее время, происходит и в пирожках, и в порошках. Причем зачастую в рамках одного стихотворения используются разнопорядковые или порой несовместимые понятия. Отсылка к другому тексту в значительной степени расширяет смысловое и коннотативное поле пирожков и порошков. В каждом конкретном тексте отражается ментально-вербальная языковая личность автора, который пытается учесть лингвокультурные факторы восприятия данного произведения адресатом. Нередко на прецедентных феноменах, использованных в пирожках и порошках, держится весь смысл данного произведения. Но если читателю не хватает лингвокультурной компе-

тенции, и он не знает, к какому тексту/имени/высказыванию/ситуации апеллировать, то смысл текста теряется, и декодирование его читателем становится невозможным.

С точки зрения обучения РКИ и повышения лингвокультурной компетенции учащихся представляется интересным выявление тех прецедентных феноменов, которые функционируют в современной русской лингвокультуре и с легкостью извлекаются из памяти образованного носителя языка, но, тем не менее, являются terra incognita для иностранных студентов. Благодаря анализу этих феноменов возможно частичное раскрытие современного русского культурного кода, что, несомненно, актуально при обучении русскому языку как иностранному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Н. С. О типах прецедентных феноменов // Известия УрГПУ. Лингвистика Екатеринбург, 2005. Вып. 15. С. 60–66.
2. Гудков Д. Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2000. Вып. 11.
3. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
4. Захаренко И. В. О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание» // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 2000. Вып. 12.
5. Захаренко И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б. и др. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М., 1997. Вып. 1. С. 82–103.
6. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
7. Куликова Е. В. Рекламный текст через призму прецедентных феноменов. // Вестн. Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 334–340.
8. Неклюдов С. Ю. «ПостНаука». — URL: <http://postnauka.ru/faq/11073>
9. Неклюдов С. Ю. Фольклор после фольклора // Знание-Сила. 2010. № 7.
10. Пирожковая. Правила. — URL: <http://www.perashki.ru/info/Rules>
11. Сорокин Ю. А., Гудков Д. Б., Красных В. В. и др. Феномен прецедентности и прецедентные феномены // Язык, сознание, коммуникация. 1998. Вып. 4. С. 15.

Ван Циньсян

УНИВЕРБ И ПРОИЗВОДЯЩЕЕ СЛОВСОЧЕТАНИЕ: СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

WANG QINXIANG

UNIVERB AND ITS GENERATING PHRASE: SYNONYMOUS RELATIONS

В статье рассматривается синонимическая пара: универб и производящее словосочетание в различных вариантах их употребления. От производящего словосочетания универб отличается краткостью и формальной простотой, однако основное различие двух единиц стилистическое: производящее словосочетание — нейтральная единица, производный универб — единица по преимуществу разговорная, нередко сниженная, экспрессивная, эмоциональная. По этой причине использование универба связано определенными коммуникативными условиями: с одной стороны, языковая экономия, с другой — функционально-стилистические ограничения.

Ключевые слова: универб, производящее словосочетание, синонимы, семантика, стилистика.

The paper examines the synonymous pair of univverb and generating phrase in various options of their use. Univverb differs from the generating phrase in brevity and formal simplicity, however the main distinction between the two units is stylistic: the generating phrase is a neutral unit, while the derivative univverb is mainly used in colloquial speech, quite often lowered, expressive, emotional. For this reason the use of the univverb is connected with certain communicative conditions: on the one hand, with language economy, and on the other hand, with functional and stylistic restrictions.

Keywords: univverb, generating phrase, synonyms, semantics, stylistics.

Универбы — это слова, образуемые от атрибутивных словосочетаний, обычно усечением части основы имени прилагательного и использованием суффикса имени существительного, чаще всего *-к(а)*: *наружная реклама* → *наружка*, *запрещенная продукция* → *запрещенка*.

Производящее словосочетание и производное существительное образуют словообразовательную пару и в то же время оказываются синонимичными единицами. Семантическое сходство двух синонимов очевидно, но в чем заключается их различие? Особенностью рассматриваемой пары является прежде всего семантическая связь: мотивирующее словосочетание отражает внутреннюю семантику производной универбализованной единицы, с его помощью легко установить значение синонимичного универба. При этом универб отличается от производящего сочетания-синонима краткостью и формальной простотой, что и является, очевидно, главным стимулом активного порождения и использования подобных синонимичных единиц в современной живой речи.

Некоторые лингвисты рассматривают производящее словосочетание как «первичную» номинацию, а суффиксальный универб — как «вторичную»: «Под первичной номинацией понимается акт присвоения имени предмету, еще не имеющему своего языкового обозначения и только ждущему его. Вторичная же номинация есть называние новым именем предмета, уже названного» [3: 50]. Указанное семантическое соотношение двух синонимичных единиц, «первичной» и «вторичной»,

Ван Циньсян

Аспирант кафедры русского языка
как иностранного
и методики его преподавания

Санкт-Петербургский
государственный университет,
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
► huan198612@gmail.com

Wang Qinxiang

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

Научный руководитель:
д-р филол. наук, проф. В. В. Химик

предопределяет некоторые типовые варианты их совместного употребления в тексте, когда понимание одной — краткой и «вторичной», поддерживается другой — полной и «первичной». Каждый из синонимов может использоваться самостоятельно, но нередко встречаются случаи совместного использования двух синонимичных единиц в одном тексте. При этом возможны два варианта их взаимодействия, прямой и обратный.

Прямой вариант — это когда производящая полная номинация (атрибутивное словосочетание) предшествует сокращенной номинации — универбу, т. е. сначала исходное, доминантное словосочетание, а затем его синоним — «вторичная» номинация, которая употребляется для экономии средств выражения в языковом пространстве текста. Например:

«То, что **авиационная деятельность** принесла убыток, конечно, ненормально, — прокомментировал „БИЗНЕС Online“ ситуацию Горбачев...» На то, что «**авиационка**», как правило, прибыльна, указал и директор по авиационной коммерции «Аэропортов Регионов» Сергей Доценко: «...И когда ты приходишь в ФСТ с запросом на изменение ставки, естественно, ты закладываешь в ней какую-то рентабельность, поэтому теоретически „**авиационка**“ быть убыточной не должна» (<http://www.business-gazeta.ru/article/134118/>).

Как можно видеть, производящее словосочетание *авиационная деятельность* употребляется в начале текста для ясного и точного обозначения аналитического понятия, которое затем заменяется в тексте для краткости «вторичной» номинацией, что в результате не должно вызвать у адресата никаких затруднений в понимании. Такая синонимическая последовательность особенно важна в тех случаях, когда «вторичная» номинация представляет собой многозначную лексическую единицу с разными синонимическими связями, непонятную вне контекста. Так, существительное-универб *авиационка* имеет не менее пяти разных значений и, соответственно, не менее пяти синонимов: *авиационная специальность*, *авиационная деятельность*, *авиационный бензин*, *авиационная резина*, *авиационное масло*. Поэтому одновременное, параллельное употребление синонимических вариантов (*авиационная деятельность* и *авиационка*) позволяет отправителю речи не только достичь некоторой кратко-

сти, но и избежать возможного смешения разных значений одного слова-универба.

Примеры подобной последовательности синонимов, связанных деривационными отношениями, встречаются довольно часто:

Однако, несмотря на все преимущества добровольной **автогражданской ответственности**, многие клиенты не спешат купить **автогражданку**, полагая, что ее стоимость будет сопоставима с ценой на полис КАСКО (<http://kraftspb.ru/avtogradhdanka/>);

Я давно уже равнодушен к жанру **альтернативной истории** (в обиходе — «**альтернативка**») вообще и альтернативной истории с гостями из нашего времени (в обиходе — «**попаданцами**»), в частности (<http://garetr.livejournal.com/41281.html>);

Доходили до нас слухи, что отец его в молодости на **атомной подлодке** служил, но лично я в этом сомневаюсь. Эти из правительства, ну, просто сверху, происходят из таких семей, что о службе в армии думать не надо. Тем более на **атомке** (<http://www.nork.ru/creation/third.html>);

Балашов мы проезжали уже в сумерках и скоро стало темно. Дальше **двухрядная дорога** до Калининска. Оказалось, что по этой **двухрядке** в темноте ехать трудно (<http://slopuhov.narod.ru/croatia/day24.htm>);

Наружная реклама, или как называют ее на языке рекламистов **наружка**, с легкостью позволяет охватить большую долю потребительского рынка. Уже давно ни для кого не секрет, что данный вид рекламы наиболее эффективный инструмент при выходе на рынок нового продукта (<http://www.gorafisha.ru/>);

Однако для того, чтобы скрыть этот бизнес от налоговых органов, компания якобы «продает» топливо марки А-92 некой **фиктивной фирме** — условно, за 10 рублей, затем «покупает» — у другой «**фиктивки**» уже 95-й бензин — за 15 рублей, и продает его потребителю за 20 рублей (<http://stopcrime.ru/notheft-monitoring/3967/4429.html>).

Существует, однако, и другая, последовательность совместного употребления двух рассматриваемых синонимов — **обратная**. Сначала используется вторичная номинация, производный универб, или сокращенная форма, затем появляется полная «первичная» номинация, или синонимичное атрибутивное словосочетание. Обратная последовательность — это уже не экономия средств языка, а, как правило, вынужденное расширение номинации, поскольку сокращенное слово-синоним далеко не всегда может быть адекватно понято адресатом без контекстной поддержки. Тем самым в данном случае «синонимы могут выполнять в речи функцию уточнения» [2: 49]. Например:

Академичка. Красивый благородный вид спорта. Мой отец — мастер спорта по **академической гребле**, мама — кандидат. Понятно, где они познакомились, да? Я тоже гребла, поддерживала семейную традицию (<http://kuso4ek-menya.livejournal.com/47722.html>);

Представители Минфина и ЦБ решили не торопиться с **безналичкой**. Но уже на следующий день министр финансов Антон Силуанов сказал, что крупные покупки свыше 600 тысяч рублей все-таки надо бы перевести на **безналичные расчеты** (<http://www.gazeta-parus.ru/>);

Капиталка это кирпич, железобетон. Но вопрос об объектах «не **капитального строительства!**» какими они могут быть? Временные постройки — это тот же киоск или навес, либо это разные вещи? (<http://forum.zakonia.ru/showthread.php?t=16802>);

Неформал, как мне видится это определение, это человек вне какого-либо формата, определенных устоев, правил, обычаев... идет человек по улице, как можно определить неформал он или **формал (формальный человек)**... (<http://www.altstav.ru/viewtopic>);

«**Упрощенка**»: объект тот же. «... Предприятие перешло с обычной на **упрощенную систему** налогообложения 1 января 2004 года (Л. П. Константинов. «Упрощенка»: объект тот же (2004) // «Учет, налоги, право», 2004.08.03);

С июня для оформления «**шенгенки**» надо будет предоставлять отпечатки пальцев (Заголовок). С 23 июня 2015 года для Украины начнут действовать новые правила получения **шенгенской визы**. Теперь заявители должны будут предоставлять отпечатки пальцев и цифровую фотографию (<http://inukrnews.com/politics/society/>).

Однако краткостью и коммуникативной зависимостью от первичной номинации отличие универба от синонимичного атрибутивного словосочетания не исчерпывается. Универб имеет целый ряд собственных коммуникативных особенностей, помимо краткости, простоты и зависимости от производящего сочетания: в отличие от исходного атрибутивного сочетания, универб практически всегда оказывается лексической единицей, окрашенной разговорностью и в той или иной мере сниженностью. Более того, краткие вторичные номинанты характеризуются нередко еще и эмоциональностью, оценочностью, что резко отличает их от производящих единиц — синонимичных словосочетаний, ср.:

– **бестолковка** ← *бестолковая ситуация, бестолковое положение*: В основном мигранты на стройках, ремонтах, а там — ужасная **бестолковка**, задержка денег, бесконечные ненужные переделки с последующим распиллом денег... (<http://www.expert.ru/economy/2006/05...>);

– **временка** ← *временное событие, явление*: Беда в том, что плод сталинской ускоренной модернизации оказался в основном военной **временкой**, и страна рас-

плачивается за это до сих пор (Л. Волков. Долгий век кулачного человека);

– **нобелевка** ← *нобелевская премия*: Но по результату оказалось, что лауреат **Нобелевки** гражданин Обама из всех обещаний серьезно взялся только за одно — принудительное внедрение демократии по планете всей (<http://www.liveinternet.ru/tags>).

Как можно видеть, производящее словосочетание и производный универб имеют одинаковое или близкое предметное значение, и отличие их содержания оказывается не столько в семантической, сколько в функционально-стилистической плоскости. Синонимичные единицы, как известно, делятся на три основных разряда: 1) синонимы семантические; 2) синонимы стилистические; 3) синонимы семантико-стилистические (см. об этом: [4: 34]). Как показывают приведенные выше языковые единицы, универб и полное мотивирующее словосочетание относятся ко второму разряду синонимических единиц и представляют собой стилистические синонимы. А. Н. Гвоздев, рассматривая стилистическое употребление синонимов, писал: «Синонимы, обозначая одно понятие, могут выдвигать разные особенности или отмечать разное отношение к обозначаемому им предмету или явлению, вследствие чего синонимы иногда не только не заменяют один другой, а противопоставляются один другому; в этих случаях особенно ярко вырисовываются их отличия в значении и экспрессии» [1: 47].

Суффиксальные универбы употребляются, как правило, в разговорной речи, особенно в непроизвольном бытовом и профессиональном общении, которое обычно и предрасположено более всего к языковой экономии. Сниженность, выразительность, эмоциональность синонимов-универбов вполне соответствует нормам обиходного общения, которое, как известно, всегда стремится к простоте, экономности и эмоциональности. И все эти признаки, в свою очередь, активно распространяются и на публичную речь, в том числе письменную, которая все чаще окрашивается разговорностью, ср.:

Каждый год, летом, в конце июля — начале августа, в Москве проводится большой слет, длинной в неделю... В рамках **глобалки** проводятся мероприятия, ...ну и конечно же надо зарядиться хорошим настроением до следующего лета (<http://sonic-world.ru/>);

Глобальные мероприятия (заголовок). Со дня учреждения Международного дня мира представителями стран ООН, правительственными и неправительственными организациями, общественными и религиозными группами во всем мире было проведено множество памятных мероприятий ...с целью продвижения идеалов мира и ненасилия (<http://www.un.org/ru/events/peaceday/2010/eventsglobal.shtml>).

Универб *глобалка* в первом предложении и словосочетание *глобальное мероприятие* — во втором означают одно и то же: 'глобальное мероприятие, глобальное событие'. Преимущество универба в формальной краткости, компактности, однако эти его свойства связаны с функциональными ограничениями: такое слово уместно только в неофициальном общении, в разговорной речи. Но, с другой стороны, синоним *глобалка* имеет и определенные преимущества, поскольку способен выражать экспрессию, шутовское или ироническое отношение говорящего к предмету речи, чего лишен его нейтральный синоним *глобальное мероприятие*. Словосочетание *глобальное мероприятие* во втором предложении используется в качестве заголовка новостей, посвященных официально-политической сфере — продвижению идеалов мира и ненасилия. Это достаточно серьезное когнитивное содержание, не допускающее снижения и стилистической окраски, поэтому замещение его синонимичным универбом недопустимо.

В иных текстах яркая экспрессивная оценка, которую обычно передает универб, является вполне мотивированной и соответствующей коммуникативным целям автора не только в устной обиходной речи, но и в письменной публичной речи. Таковым, например, является употребление универба *заказуха*:

«Заказуха — это просто бизнес, и комплексов по этому поводу я не испытываю», — написал в опросном листе редактор одного регионального издания (Спиричева М. Джинса как зеркало деловой журналистики (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.03.13)

Контекст («редактор», «издание») не препятствует пониманию универба *заказуха*: 'заказная публикация'. Синоним *заказуха* противопоставляется нейтральному словосочетанию *заказная публикация* предельной сниженностью, суффикс *-ух(а)* придает слову экспрессивность, эмоциональ-

ность, а также, как и в большинстве таких употреблений, отрицательное отношение говорящего или пишущего к обозначаемому предмету: пренебрежительность или фамильярность (см.: [5]).

Можно, таким образом, сделать важный вывод: «вторичное» однословное наименование отличается от исходного первичного краткостью и поэтому обладает некоторым преимуществом в коммуникации, что соответствует известному принципу экономии, так или иначе действующему во всех сферах человеческой жизни, включая и речевое общение. В то же время употребление вторичного слова-синонима связано и с целым рядом ограничений. Во-первых, использование «экономного» синонима нередко ведет к коммуникативным затруднениям адресата: вне контекста или при недостаточном контексте такое слово утрачивает точность, определенность семантики и нередко нуждается в текстуальном сопровождении синонимом — производящим словосочетанием. Во-вторых, использование синонима-универба связано с серьезными стилистическими ограничениями. В то время как производящее атрибутивное словосочетание допускает самый широкий круг функционирования: в официальной и неофициальной коммуникации, в книжной речи и разговорной, синонимичный ему универб привносит в контекст стилистическую окраску (эмоциональность, оценочность) и коммуникативно-речевое снижение, что, несомненно, требует от отправителя речи, особенно письменной, определенной осторожности словоупотребления: внимания к содержанию речи, стилистических навыков и языкового вкуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. 4-е изд. М., 2005.
2. Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка: Учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика». 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.
3. Журавлев А. Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982. С. 45–111.
4. Палевская М. Ф. Синонимы в русском языке. М., 1964.
5. Химик В. В. Русские универбаты в семантическом и функциональном аспектах // Слово есть дело... Т. 1. СПб., 2010. С. 91–97.

М. Н. Виролайнен

РУССКИЙ РОМАНТИЗМ В ПРОЕКЦИИ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ РОМАНТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

MARIA N. VIROLAINEN

RUSSIAN ROMANTICISM IN ITS PROJECTION TO EUROPEAN ROMANTIC LITERATURE

В статье рассмотрены причины, по которым русский романтизм не имеет общей эстетической программы и выраженного национального своеобразия. Первая причина связана со сложившейся в пушкинскую эпоху слишком обобщенной концепцией романтизма, согласно которой к нему относится вся область литературы, создававшейся без ориентации на античные образцы и правила, продиктованные классицизмом. Вторая причина заключается в том, что в России почти одновременно усваивались резко отличные друг от друга черты английского, французского и немецкого романтизма. Отдавая предпочтение одной из версий европейского романтизма, русские авторы создавали совершенно несхожие между собой художественные миры.

Ключевые слова: романтизм, эстетическая программа, национальное своеобразие.

The article discusses the reasons of absence in Russian Romanticism both of a general aesthetic program, and of explicit national identity. The first reason is the overgeneralized concept of Romanticism, developed in Pushkin's era. According to this concept, the whole field of literature, created without orientation toward the ancient patterns or rules dictated by classicism, is related to Romanticism. The other reason is the situation of almost simultaneous assimilation of many contrasting features of English, French and German Romanticisms in Russia. As a result of preference of one version of European Romanticism over another, Russian authors had been creating a completely disparate art worlds.

Keywords: romanticism, aesthetic program, national identity.

**Мария Наумовна
Виролайнен**

Доктор филологических наук, профессор
кафедры истории русской литературы

Санкт-Петербургский
государственный университет,

Университетская наб. 7/9,

Санкт-Петербург, 199034, Россия

Зав. отделом пушкиноведения

Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН

наб. Макарова, 4,

Санкт-Петербург, 199034, Россия

► virolainen@mail.ru

Maria N. Virolainen

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,

St. Petersburg, 199034 Russia

Russian Literature Institute (the Pushkin
House), Russian Academy of Sciences

4 nab. Makarova,

St. Petersburg, 199034 Russia

Русский романтизм не стал направлением, оформившим свое литературное кредо или хотя бы что-нибудь похожее на общую эстетическую программу. Это утверждение может показаться странным, поскольку статьи на эстетические темы в ту эпоху, которую мы считаем романтической, писались весьма и весьма активно. Свои развернутые высказывания о романтической поэзии оставили и Вяземский, и Жуковский, и Пушкин, и Николай Полевой, и Орест Сомов, и Иван Киреевский. Но все они, как известно, единодушно вкладывали в понятие «романтизм» совершенно иной смысл, чем позднейшие историки литературы. Романтической русские авторы 1820–1830-х гг. называли всю ту область литературы, которая создавалась без ориентации на античные образцы и правила, продиктованные классицизмом. Поэтому в число романтиков вперемешку попадали Гете и Гофман, Данте и Жан-Поль, Шекспир и Шатобриан, Байрон и Кальдерон, Шиллер и Гюго, А. де Виньи и Сервантес, Ариосто и Вальтер Скотт, Беранже и Мильтон. Русская эстетическая мысль не ставила романтизму хронологических рамок, она лишь противопоставляла его классицизму, понимаемому почти столь же обобщенно. Впрочем, один временной рубеж все-таки ино-

гда указывался: романтизм считался рожденным христианской эпохой. Но и этот признак не был обязательным: Орест Сомов, например, в числе прародителей романтизма называл мавров¹. Все это, разумеется, не создавало предпосылок для самоопределения русского романтизма как конкретного литературного течения. Да и был ли он таковым? Являлось ли противостояние классицистической нормативности достаточным основанием для того, чтобы очертить контуры русского романтизма как самостоятельного направления? В декабре 1824 года Вяземский, деятельно отстаивавший права романтизма и уже написавший к тому времени свое программное предисловие к «Бахчисарайскому фонтану», сетовал в письме к Жуковскому: «Романтизм как домовый: многие верят ему; убеждение есть, что он существует, но где его примет, как обозначить его? Как наткнуть на него палец?»²

Итак, не является ли литературоведческое убеждение в существовании русского романтизма простой проекцией представлений о европейском литературном развитии, которое включает романтизм как законное звено в цепи сменяющих друг друга направлений? Еще Тынников указывал на подобный вопрос³. Иногда к нему возвращались, но всеобщее убеждение поколеблено не было. А потому кажется не лишним обратиться к этой проблеме еще раз, заново сопоставив общеизвестные факты.

Прежде всего необходимо определить: имелись ли в эстетических установках и литературной практике тех, кого называют русскими романтиками, такие общие положения, которые позволяют говорить о едином течении?

Общей, несомненно, была апелляция к национальной самобытности и связанный с ней интерес к истории и фольклору. Эту установку мы встретим и у Жуковского, и у Пушкина, и у Гоголя, и у Лермонтова, и во многих фантастических повестях, и в статьях Полевого, Сомова или Киреевского. Но как только мы начнем выдвигать другие признаки романтизма — интерес к чудесному, необычайному и потустороннему, двоемирие, стремление к бесконечному, индивидуализм, изображение исключительного героя,

творческой личности или жизни человеческого духа, пафос личностной свободы, противопоставление действительного возможному, воплощенного невоплощенному, пафос преобразования и так далее, — мы не найдем среди этих признаков тех, что безусловно объединили бы писателей, считающихся романтиками.

Одна из существенных причин невозможности, по выражению Вяземского, ткнуть пальцем в русский романтизм заключалась в том, что в России почти одновременно усваивались черты и английского, и французского, и немецкого романтизма. А их черты, при общем названии направления — романтизм — отнюдь не складывались в единую конфигурацию.

Английский романтизм, стоящий под знаменами Байрона, — это пафос индивидуализма, воспевание сильной, неординарной, личности, которая в одиночку выходит против мира и против Бога. Это экзотический колорит. Это романтическая ирония, сплавляющая лирику с эпосом, и саморефлексия поэтической формы. Но английский романтизм — это и озерная школа с ее идеями пантисократии, равенства всех существ в мире, напоенном Божественной жизнью, с ее атмосферой таинственности, уязвленности злыми силами и мечтой о восстановлении исконных красоты и благополучия, свободных от этих злых сил.

Французский романтизм тоже двулик. Он знает сосредоточенность на внутренней жизни, часто меланхоличной, как у Сенанкура или в поэзии у Ламартина — но знает и кипение страстей, по силе не уступающих байроновским. Только в отличие от Байрона это (в романах Гюго, например) многофигурные композиции, контрастные соположения равномошных приведенных в столкновение фигур. Здесь нет байронической богоборческой вертикали, но есть широко развернутая горизонталь, представленная гораздо подробнее, чем у Байрона, разработанной социальной темой.

И совсем иное лицо у немецкого романтизма. Он гораздо более метафизичен. От отдельного человека, отдельного героя, как у Байрона, или от сообщества людей, как у Гюго, интерес здесь

смещен к устройству мира как такового — и уже через это — к человеку. Немецкий романтизм борется против мировосприятия, заковавшего мир в мертвую определенность, расшатывает любые четкие контуры — будь то контуры предметов или человеческой личности. Более всего ему претит неподвижность, косность и он борется против нее всеми средствами. Описывая эти особенности, Н. Я. Берковский приводит в пример пьесу Тика «Принц Цербино»: здесь мебель вспоминает свое лесное прошлое, в неподвижных столах и стульях просыпается живой некогда лес⁴. Предметы превращаются в руках у героев, становятся то чрезвычайно изменчивыми, а то и вовсе живыми существами. Халат Архивариуса Линдхорста у Гофмана в «Золотом горшке» расцветает, шнурок, за который нужно дергать, чтобы позвонить в дверь, превращается в змею и т. д., и т. д. Но совершенно иначе выглядят гейдельбергские и швабские романтики с их любовью к фольклору, к патриархальности, с мечтой об успокоенной в конечном итоге идиллической жизни. И в этом они ближе лейкистам, чем йенской школе или позднему романтизму Клейста или Гофмана.

Таким образом, в Англии, Франции и Германии каждый раз мы встречаем как минимум по два варианта романтизма, и каждый из них имеет ярко выраженную индивидуальную определенность и национальную окраску.

Было ли что-нибудь похожее на такую национальную определенность в том, что мы называем русским романтизмом? Как кажется, нет. Те русские авторы, которым романтизм в принципе импонировал, избирали для себя, в зависимости от своих личных симпатий, разные варианты европейского романтизма.

Одним из самых пылких адептов французского романтизма был, пожалуй, Николай Полевой. Он считал, что романтизм явился порождением Французской революции, что начало ему положили Шатобриан и госпожа де Сталь, что именно из Франции романтическое преобразование литературы распространилось по всей Европе. Полное и совершенное воплощение французского романтизма Полевой видел в Викторе Гюго⁵.

А вот Пушкину художественные образцы французского романтизма казались недостаточно романтическими. Именно так в 1825 году он отозвался, например, о Ламартине, которого семь лет спустя считал уже просто вялым и однообразным⁶. У Констан и Шатобриана Пушкина по-настоящему заинтересовал только тип героя, воплощенного в Рене и Адольфе. В целом же пушкинские отзывы о французских романтиках более чем прохладны. Его, как и Лермонтова, по-настоящему впечатлила только байроновская версия романтизма.

Но нельзя не заметить, насколько по-разному Пушкин и Лермонтов шли вслед за Байроном. Лермонтов воспринял чуждое Пушкину богоборчество и тот байроновский вариант индивидуального метафизического вопрошания, который отправляется от личной судьбы человека, причем человека, резко обособленного в рамках социума. Разочарованность Чайльд-Гарольда Лермонтов помножил на неистовость героев восточных поэм. Пушкин, наоборот, смягчил их черты, уже в «Кавказском пленнике» вставив в модель восточных поэм героя чайльд-гарольдовского типа, проинтерпретированного при дальнейшей разработке как общеевропейский культурный тип, родственник Рене и Адольфу. Если смотреть по итогам творчества, за вычетом этого типажа из всего байронова наследия для Пушкина по-настоящему актуальной оказалась поэтика, сплавливающая лирическое начало с эпическим, развязывающая свободную игру на границах художественного мира, и рефлексия эстетической формы, осуществляемая прямо внутри нее. (Впрочем, в «Руслане и Людмиле», еще до обращения к Байрону, Пушкин освоил близкие черты, найдя их у Вольтера и Ариосто.) Что касается немецкого романтизма, то в ранние годы он едва ли вообще был как следует знаком Пушкину, да и позже вряд ли был ему близок. Этой близости мешала та прививка классицизма, которая всегда оставалась у Пушкина. Текущий мир, мир меняющихся неопределенных контуров противоположен классической ясности и пластичности Пушкина. Какое-то родство немецкому романтизму ощутимо в «Пиковой даме» или

«Гробовщике» — не случайно Германн — немец, а честный русский гробовщик Адриан Прохоров имеет дело с немецкими ремесленниками. Но в «Пиковой даме» Пушкин не по-немецки лаконичен, а в «Гробовщике» фантастические события в жизни Адриана Прохорова слишком быстро оборачиваются сновидением. Несомненное впечатление произвели на Пушкина переведенные на французский язык лекции Августа Шлегеля о драматическом искусстве⁷ — но из них он почерпнул именно то общее представление о романтизме как антиклассицизме, о котором уже говорилось. То же касается и книги госпожи де Сталь «О Германии» («De l'Allemagne», 1810).

Совсем иное дело Гоголь. Если читать только его художественные тексты, можно подумать, что Байрона Гоголь вообще не заметил. Во Франции ему интереснее всего оказалось то направление, которое в России принято называть неистовой словесностью. А вот немецкий романтизм был ему близок, причем не столько в силу влияния, сколько потому, что Гоголь от природы был наделен даром, стихийно близким некоторым центральным установкам немецких романтиков. Прежде всего — их всегдашней готовности видеть мир в момент метаморфозы, или даже форсировать почти насильственно эту метаморфозу. Сравнения, метафоры, обширные лирические отступления неустанно готовят почву для превращения, пресуществления изображаемого мира. Лирические интонации взрывают эпический рассказ, не позволяя ему дать последних и окончательных определений происходящему. Примеры всем хорошо известны. Вот Чичиков удирает из города NN — читатель не успеваешь заметить, как уже не Павел Иванович, а сам автор уносится в пропадающую даль, и не погоняемая Селифаном тройка, «не хитрый, кажись, дорожный снаряд», а сама Русь молнией, сброшенной с неба, разрывающая воздух, мчится, «вся вдохновенная Богом»⁸. Спобность так превращать предметы — это органическая, врожденная способность. Никакие влияния ее в принципе обеспечить не могут.

С немецкими ориентирами Гоголь еще в юности знакомился по журналу Любомудров «Московский вестник». Но если мы сопоставим

немецкую ориентацию круга «Московского вестника» с тем, как родство с немецким романтизмом воплотилось в творчестве Гоголя, мы не обнаружим между тем и другим ничего общего. Любомудры были охочи до немецкой философии, но то, что в первоисточнике было живым движением мысли, усваивалось ими как удобный алгоритм сознания. Так, например, была усвоена знаменитая гегелевская триада: тезис — антитезис — синтез. Ее с удовольствием эксплуатировали и Любомудры, и другие русские критики и эстетика, с легкостью обнаруживая на любом материале и тезис, и антитезис, и венчающий дело синтез. Но алгоритм — это мертвая, косная структура, то есть нечто прямо противоположное и тому, что любили немецкие романтики, и тому, чем движима была мысль самого Гегеля.

Вообще рационализм, полученный в наследие от классицизма и просветительства, был мощным сдерживающим началом, не позволявшим по-настоящему развиваться русскому романтизму. Яснее всего это видно на материале русской фантастической повести — казалось бы, самом законном детище романтизма. Но русские авторы не позволяли фантастике безудержно разгуляться в мире, сметая его привычные очертания. Они то раоблачали чудеса, как Бестужев-Марлинский в «Замке Эйзен» и «Страшном гадании» или Баратынский в «Перстне», то прибегали к приему двойной мотивировки, оставлявшему возможность рационального объяснения фантастических событий, то перекладывали ответственность за сюжет на рассказчика или фольклорное предание, как любил делать Орест Сомов, то трактовали непознаваемое как еще не познанное, как это часто происходило у Одоевского.

Итак, если мы попытаемся построить общую картину русского романтизма, то она окажется чрезвычайно эклектичной. Конечно, она гораздо сложнее, чем то, что здесь конспективно описано. Но если отвлечься от частных, от отдельных сюжетных, мотивных или образных заимствований, и иметь в виду только ту главную духовную составляющую, которая определяет эстетическое решение, налицо окажется достаточно ярко выраженное предпочтение либо ан-

глийской, либо немецкой, либо французской версии романтизма. И несходством этих версий между собой определяется резкое несходство тех художественных миров, которые создаются русскими авторами. Их разность умножается разной степенью приверженности к наследию классицизма и просветительства. Общая картина русского романтизма или хотя бы двух или трех его вариантов никак не складывается.

Иллюзия существования единого русского романтизма, по всей видимости, строится на том, что в общей сумме художественных текстов эпохи мы обязательно найдем и общую сумму привычных признаков романтизма — но такое суммирование все равно останется эклектичным, построенным по тому же принципу, по которому гоголевская Агафья Тихоновна составляла портрет идеального жениха (губы Никанора Ивановича, нос Ивана Кузьмича, развязность Балтазара Балтазарыча, дородность Ивана Павловича...). Единственным объединяющим всех началом останется, как уже было сказано, единодушное противостояние обобщенно понимаемому классицизму и все, связанное с интересом к истории и национальной самобытности, который так парадоксально сочетается с отсутствием национального своеобразия самого русского романтизма. Естественно поэтому, что среди множества русских статей, посвященных вопросам эстетики, так трудно найти ту, которую можно было бы назвать манифестом собственно русского романтизма.

И все-таки представляется, что одна из них составляет исключение на общем фоне. Речь идет о «Рафаэлевой „Мадонне“» Жуковского. Показательно, что статья эта первоначально была написана как частное письмо — она содержит передачу не только личных переживаний, но и личных психосоматических состояний, которые служат источником эстетического построения в куда большей мере, чем пересказанная здесь же ваккенродеровская легенда о Рафаэле, согласно которой созданию его картины предшествовало явленное ему видение Мадонны. То, что описывает Жуковский, больше всего похоже на медитативную практику: «Я был один; вокруг меня все было

тихо; сперва с некоторым усилием вошел в самого себя; потом ясно начал чувствовать, что душа распространяется; какое-то трогательное чувство величия в нее входило; неизобразимое было для нее изображено, и она была там, где только в лучшие минуты жизни быть может. <...> И точно, приходит на мысль, что эта картина родилась в минуту чуда: занавес раздернулся, и тайна неба открылась глазам человека»⁹. Собственно, в этих нескольких строчках высказано едва ли не целиком эстетическое кредо Жуковского: названы покров, скрывающий тайну неба и возможность чудесного преодоления двоимирия, выражения невыразимого, предельно ясно обозначена необходимость личного, не только духовного, но и телесного (психофизиологического) усилия для достижения эстетической цели. А чуть дальше выдвигается художественный принцип неопределенности — необходимости в совершенном эстетическом творении выйти за пределы «понятно-го, имеющего определенное имя»¹⁰.

Как кажется, это вполне законченная, хотя и столь кратко выраженная цельная романтическая программа, действительно соответствующая художественному творчеству Жуковского. Но и она предельно близка одному из вариантов романтизма — разумеется, немецкому. Показательно, однако, что для создания баллад Жуковскому в равной мере подходили не только Уланд и Саути (это было бы объяснимо той близостью немецкой швабской и английской озерной школы, о которой уже говорилось), но также Гете и Вальтер Скотт, Шиллер и Голдсмит. Вне зависимости от своего национального происхождения эти источники вливались в достаточно единый по внутренней сущности балладный мир Жуковского. В этом переводном мире, казалось бы, и следует искать национальное своеобразие русского романтизма — но в общем и целом он все равно будет окрашен в тона немецкого романтического мироощущения.

Подводя итоги, можно сказать, что русский романтизм не получил выраженного национального своеобразия в силу той сложившейся в пушкинскую эпоху обобщенной концепции романтизма, которая относилась к нему любую литературу-

ру, не соответствующую классическим образцам. Казалось бы, то же самое происходило и в Европе, когда немецкие романтики объявляли «своими» Аристофана, Шекспира или Гоцци. Но в Германии это осуществлялось параллельно тому, как складывалась национальная версия немецкого романтизма — приобщенными именно к ней объявлялись авторы других времен и народов, у которых обнаруживались или которым приписывались черты, драгоценные с точки зрения философской эстетики немецкого романтизма. В России же романтическое движение началось с представления чересчур широкого для того, чтобы разрозненные черты романтической эстетики и поэтики оказались способными кристаллизироваться в более или менее определенную национальную картину.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Первый народ, имевший поэзию романтическую, был неоспоримо арабы, или мавры» (*Сомов О. М. О романтической поэзии. Статья II // Русские эстетические трактаты первой трети XIX века. М., 1974. Т. 2. С. 550 (Сер. «История эстетики в памятниках и документах»)*).

² Русский архив. 1900. Кн. 1. С. 193.

³ «Большинство попыток определить романтизм и классицизм было не суждением о реальных направлениях литературы, а стремлением подвести под эти понятия никак не укладывавшиеся в них многообразные явления».

«Подходя с готовыми критериями „классицизма“ и „романтизма“ к явлениям тогдашней русской литературы, мы прилагаем к многообразным и сложным явлениям неопределенный ключ, и в результате возникает растерянность, жажда свести многообразное явление хоть к каким-нибудь, хоть к кажущимся простоте и единству. Таков выход, продиктованный историкам самим определением романтизма, которое сложилось не во время борьбы 20-х годов, а позднее, — определением, в котором сложные явления предыдущего литературного поколения, уже стертые в памяти позднейшего, были приведены к насильственному упрощению. Таково психологическое определение романтизма у Белинского, надолго определившее пути исследования» (*Тынянов Ю. Н. Архаисты и Пушкин // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. М., 1968. С. 24, 51*).

⁴ См.: *Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 83.*

⁵ См. статью Полевого «О романах Виктора Гюго и вообще о новейших романах: (Против статьи г-на Шове)» (*Полевой Н. А. Литературная критика: Статьи и рецензии: 1825–1842. Л., 1990. С. 104–105, 127*).

⁶ См. письмо Пушкина к А. А. Бестужеву от 30 ноября 1825 г. (*Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 245*) и «Начало статьи о В. Гюго» (Там же. Т. 11. С. 219).

⁷ *Schlegel A. W. Cours de litterature dramatique, traduit de l'allemand. Paris; Geneve, 1814. Т. 1–3.*

⁸ *Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. и писем: В 23 т. М., 2012. Т. 7. Кн. 1. С. 232.*

⁹ *Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2004. Т. 13. С. 189.*

¹⁰ Там же. С. 189–190.

[хроника]

РАБОТА С ТЕКСТАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО СТИЛЕЙ...

(Начало на с. 48. Продолжение на с. 100)

участники конференции пришли к выводу, что современные информационно-коммуникативные технологии меняют ситуацию в науке и образовательном процессе, а качество знаний студентов во многом определяется степенью использования потенциала современной образовательной среды преподавателем. Привлечение инновационных технологий при преподавании гуманитарных дисциплин позволяет структурировать материал, а также повысить интенсивность самостоятельной работы студентов, кроме того, частично упрощает работу преподавателя как в аудитории, так и при контроле качества усвоения дисциплины обучающимися. С интересом был заслушан доклад профессора Ульяновского государственного педагогического университета В. Н. Артамонова об изучении категории важности и средств ее реализации в современном русском языке студентами нефилологических специальностей в рамках дисциплин «Русский язык и культура речи» и «Риторика».

В рамках секции «Проблемы взаимодействия и развития русского языка и культуры в современной России» были проанализированы лингвокультурологические проблемы

в сообщениях аспирантов: М. Н. Дмитриевой о функционировании лексемы *Троица*, по данным этнолингвистического словаря; Е. П. Носовой об использовании прецедентных феноменов, мотивированных детским чтением; Н. А. Потаповой о коммуникативно-прагматических возможностях употребления русских пословиц и поговорок в процессе обучения русскому языку; О. К. Слабыш о паремических выражениях с лексемами «гореть», «сгореть»; магистрантов Чжан Юйвэй и Чэнь Инли о скромности и порядочности в русской и китайской лингвокультурах. В выступлении М. В. Румянцевой была рассмотрена возможность реализации познавательной функции культуры в научно-популярном фильме «Ильменский глинт». В целом анализировалось взаимодействие культуры, природы и языка в качестве гармоничного триединства в процессе обучения русскому языку иностранных учащихся в техническом вузе.

В Год литературы состоялась интересная дискуссия на секции «Русская литература в современном образовательном пространстве». В докладе профессора Горного уни-

Е. А. Осипова

РОССИЯ И СЛАВЯНСКИЙ МИР: ПО ПОВЕСТИ А. А. ЗОЛОТАРЕВА «НА ЧУЖОЙ СТОРОНЕ»

ELENA A. OSIPOVA

RUSSIA AND SLAVIC WORLD: ALEXEI ZOLOTAREV'S NOVEL "IN THE STRANGE LAND"

Статья посвящена поиску прототипа образа польского политического ссыльного в повести А. А. Золотарева «На чужой стороне» пана Юлиуша. Высказывается предположение, что на Золотарева оказало влияние творчество польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого, в частности его поэмы «Ангелли» и «Король-Дух». В этих произведениях высказываются идеи польского мессианства, которые кратко рассмотрены с опорой на работу А. Ф. Гильфердинга «За что борются русские с поляками». Проводится параллель с сербской национальной традицией и ее пониманием мессианства.

Ключевые слова: польские ссыльные, Сибирь, чужбина, изгнание, мессианство, жертва, воскресение, Юлиуш Словацкий, славянство.

The author is looking for a prototype image of Polish political exile pan Juliusz in Alexei Zolotarev's novel "In the Strange Land", and suggests that Zolotarev was influenced by the works of Polish Romantic poet Juliusz Słowacki, in particular his poems "Anhelli" and "Król-Duch", expressing ideas of Polish messianism. These ideas are briefly discussed in the article through the prism of A. F. Hilferding's work "Why are Russians and Poles struggling?". The author draws a parallel between the Polish and Serbian national traditions and their understanding of messianism.

Keywords: Polish exiles, Siberia, foreign land, expulsion, messianism, sacrifice, resurrection, Juliusz Słowacki, the Slavonic peoples.

Елена Аркадьевна Осипова

Аспирант Отдела русской
классической литературы

Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН

ул. Поварская 25а,
г. Москва, 121069, Россия

► osipovv@rambler.ru

Elena A. Osipova

The Gorky Institute of World Literature
25a ul. Povarskaya, Moscow, 121069, Russia

Научный руководитель: д-р филол.
наук, ст. науч. сотр. Н. Д. Блудилина

Вопрос о взаимоотношении России и славянского мира очень обширен и требует написания не одной монографии. Мы со своей стороны коснемся лишь одного из его аспектов, затронутого в повести писателя-прозаика, поэта, мемуариста, публициста, литературного критика, религиозного философа и выдающегося краеведа Алексея Алексеевича Золотарева (1879–1950) «На чужой стороне» (1910). Как и другие его произведения, данная повесть очень автобиографична: в ее основу легли личные впечатления автора от ссылки его в Западную Сибирь (Нарымский край) весной 1906 года за участие в революционном движении.

Смысл названия повести («На чужой стороне») отчасти поясняется авторской надписью на машинописной рукописи произведения: «Посвящаю Сибири, стране каторги и изгнания» и содержанием — здесь описываются жизнь и нравы русских каторжан и одного уцелевшего польского ссыльного, оказавшегося здесь после Январского восстания 1863–1864 гг. Действие повести происходит в городке Гиблый. Под этим названием скрывается город (в настоящее время — село) Нарым в Западной Сибири, находящийся на расстоянии около 400 километров от Томска. Основанием для данного утверждения служат высказывания исследователей творчества А. А. Золотарева, документально подтверждаемые письмами из его архива.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ № 15-34-11073 «Литературные взаимосвязи России XVIII–XIX вв.: по материалам российских и зарубежных архивохранилищ»

Что же касается названия края, то оно связано с особенностями его местности (на языке туземного населения селькупов Нарым означает 'грязь, болото'). Эти земли были присоединены к России благодаря завоеванию-открытию Сибири в конце XVI века и со временем стали местом ссылки. Как сказано в повести, «городок Гиблый силой-неправдой примостился на крохотном клочочке сухой земли, на чуть заметном взгорье, при слиянии двух многоводных сибирских рек» [4: 76]. Это описание вполне совпадает с географическим местоположением Нарыма: в окружении болот, на берегу Оби, при впадении в неё реки Кеть. Интересное свидетельство, объясняющее название городка, данное Золотаревым — Гиблый — на основании еще летописных слов и преданий, наименовавших его окрестности гиблым краем, встречаем в статье С. А. Мулиной «Центры польской жизни в Западной Сибири во второй половине XIX века»: «Наименование этого населенного пункта как наиболее невыгодного для проживания ссыльные знали еще, находясь по ту сторону Урала» [7: 47].

После восстания 1863–1864 гг., получившего в польской историографии название Январского, земли Западной Сибири приняли значительное число польских политических ссыльных, в результате чего здесь, не исключая даже малые сибирские города и поселения, сложились небольшие польские колонии.

Исторический аспект написания повести связан с оглашением царского манифеста 17 октября 1905 года, ставшего одним из центральных мотивов в произведении. Герои повести — политические ссыльные, оказавшиеся в городке Гиблый, — очень разнородные по своему происхождению, биографии и судьбе: «Тут и седые старики, и безусые юноши; кряжистые, здоровые мужики и нежные хрупкие девушки; уроженцы севера и юга, востока и запада необозримой и необъятной Российской Империи; выходцы из самых различных общественных слоев; осколки и обрывки далеких и чуждых друг другу человеческих племен и культур» [4: 3].

При чтении произведения обращает на себя внимание то, что практически для всех его геро-

ев, и в первую очередь студента Ветрова (прототипом его образа, по мнению исследователей, является сам автор повести), характерен по сути своей глубоко религиозный подход к восприятию революционных идей и принципов служения им. В качестве примера приведем рассказ о том, как староста гибловской колонии ссыльных Павел Петрович воспринял известие о подписании манифеста 1905 года. В повести сказано, что оно «застигло его в Париже, закружило, заметало, подняло, окрылило восторгом перед будущностью родного народа и, — это были все подлинные слова Павла Петровича, — вынесло его на гранитный берег надежды, из глубин неверия к высотам веры. Павел Петрович бросил все свои дела и стремглав понесся в Россию. Однако, как водится, новая вера готовила ему новые испытания. Не прошло и двух месяцев, как этот новоявленный блудный сын за красноречивое исповедание своего раскаяния перед родиной посажен был в родную тюрьму, а еще через полгода очутился здесь на поляне Гибловского бора» [Там же: 4].

За внешней ироничностью этого описания стоит ключевая для автора повести (да и для всего творчества Золотарева) мысль о блуждании «на стране далече» сына, оторвавшегося от родной почвы. Собственно, и сама ирония обращена к мирскому прочтению евангельской притчи и светскому толкованию ее образов. Сам же Золотарев, сын рыбинского протоиерея, был склонен вкладывать в слова религиозный смысл первоисточника. Во всей полноте его понимание будет раскрыто позже, в очерке 1949 года «Богатырское сословие». В нем рассмотрена история русского духовенства, берущего свое начало от героя русской народной словесности знаменитого богатыря Алеши Поповича. Характеризуя особенности и духовные качества самых знаменитых былинных русских богатырей, растущих «на сложном многоветвистом древе русского народа», Золотарев в своем очерке пытается выяснить, откуда берется их богатырская мощь, «другими словами — пишет он, — кто их мать-отец, откуда их богатырская мощь и сила» [3: 13]. Особый интерес для нас представляет истолкование им образа матери Алеши Поповича. По мне-

нию Золотарева, в ней есть качество, «которое заставляет нас вдуматься в этот исключительный материнский образ, дающий ключ к пониманию исторических судеб, роста и развития духовенства на Руси»: «Уедешь ты, Алешенька, на чужую сторонушку. Оставишь нас в одиночестве, некем нам будет оприютиться» [Там же: 14].

По убеждению Золотарева, приведенные слова «Некем нам будет оприютиться», исключительно верно найденные народом, ярко характеризуют биографию не только самого Алеши Поповича, но и всех многочисленных представителей духовного сословия, «переключавшихся от службы Христовой Церкви в службу гуманитарной человеческой культуре» [Там же]. При этом, вопреки тем немногим примерам, когда сын принимает искони завещанное «отцовское место в Церкви», «всякое нарушение гармонического единства рождает дальнейшее разрушение, сметающее все вокруг себя. Этот силовой, можно сказать, богатырский взрыв энергии является и в случае нарушения сыновнего послушания при отходе блудного сына в страну далече» [Там же: 16]. «Далекая сторона», в которую отклонились, отвергнув отцов, сыновья, у Золотарева — выражение скорее метафорическое: здесь, как следует из цитаты, имеется в виду разрыв духовных связей наследования, атеистические и революционные веяния, затронувшие русское общество, в том числе и духовное сословие в XIX веке.

Среди главных персонажей повести — поляк пан Юлиуш, политический ссыльный, последние годы своей жизни проводящий в сибирском городке Гибльи. Его яркий и запоминающийся образ привлекает внимание читателя и в еще большей степени исследователя, позволяя поставить вопрос о ссыльных поляках, вошедших в круг общения и внимания А. А. Золотарева. Отметим попутно, что о своем отношении к полякам, сформировавшемся у него уже в ранней юности, Золотарев свидетельствует в одном из очерков своей книги «Самро santa» от 13 июня 1942 года, посвященном его товарищу по рыбинской гимназии, М. К. Дитриху, где отмечает, что «я всегда как-то был неравнодушен к полякам, чувствуя неизменно какую-то большую народную вину пе-

ред ними» [5, т. 8, очерк 233: 67]. Безусловно, образ ссыльного поляка из повести «На чужой стороне» написан им с большой долей сочувствия к его судьбе, и вместе с тем автор вполне отдает себе отчет в том, что его герой несвободен от некоторых характерных заблуждений и определенного высокомерия по отношению к русской традиции.

Внимательное прочтение тех мест повести, которые относятся непосредственно к описанию облика и идейных взглядов пана Юлиуша, позволяет выдвинуть предположение о его возможном прототипе. Как он сам рассказывает о себе своему собеседнику, герою повести Ветрову, «много, сыну, сослано было нас в Сибирь после 63 года. Много и улеглось в холодную сибирскую землю ждать воскресения» [4: 70]. Вместе с тем есть основания предполагать, что А. А. Золотарев во время написания повести и, в частности, при создании образа ссыльного поляка опирался не только на свой личный опыт общения с польскими ссыльными в Нарымском крае, но и в небольшой степени ориентировался на творчество выдающегося польского поэта-романтика Юлиуша Словацкого (1809–1849) (в таком случае, вероятно, этим во многом и объясняется имя, данное Золотаревым герою своего произведения).

Повесть «На чужой стороне» была опубликована в 35-й книге сборника «Знание» в 1911 году, а сам машинописный текст произведения с правкой автора, датируемый 1910 годом, в настоящее время находится на хранении в РГАЛИ. Таким образом, можно заключить, что А. А. Золотарев работал над повестью, возможно, не один год, ориентировочно в период с 1906 по 1910 год. С 1908 по 1909 год А. А. Золотарев проживает на о. Капри, где тесно общается с А. М. Горьким и людьми, входившими в его окружение, в том числе с писателем А. В. Амфитеатовым, который произвел на него сильное впечатление своим острым умом и широкими энциклопедическими познаниями. Возможно, именно от него Золотарев многое почерпнул для себя о творчестве Юлиуша Словацкого, о котором Амфитеатов был хорошо осведомлен. Перу А. В. Амфитеатрова, в частности, принадлежит сборник «Тризны», включающий в себя несколько очерков о разных

примечательных лицах, уже покойных, со многими из которых он был лично знаком, и подводящий некий итог их творческому и жизненному пути. Даже предварительное знакомство с очерками из данного сборника позволяет понять, оказал ли он влияние на жанровые и стилистические особенности известного произведения А. А. Золотарева «Самро santa. Образы усопших в моем сознании». Интересно также, что в сборнике Амфитеатрова «Тризны» есть двухчастный очерк о Юлиуше Словацком и его драматических произведениях.

Во введении к очерку А. В. Амфитеатров отмечает, что только славянам, по его мнению, в наибольшей степени присуща тоска по родине: «Для всех нас, „чужая сторона — полынь, горькая трава“, — пишет он. — Поляки же, для которых „тоска по родине“ осложнилась целым веком подневольной политической эмиграции и ссыльных томлений, стоят — по статистике болезни этой — и в славянстве-то на первом месте. Ни один народ не создал столько песен изгнания и не вложил в них столько страдальческого вдохновения, как народ польский. Собственно говоря, на темы изгнания и разлуки можно безошибочно отчислить добрые две трети всей хорошей польской литературы» [1: 179]. Между тем, стоит отметить, что данная тема занимает значительное место также и в литературе другого крупного славянского народа — сербского, — на протяжении своей истории многократно претерпевавшего жестокие изгнания со своих исконных территорий, начиная со времен турецкого ига и заканчивая рубежом XX–XXI вв., когда в результате распада бывшей Югославии значительное число сербов было изгнано с земель своих предков в Сербской Краине, на Косове и Метохии. (Упомянем в этой связи роман крупнейшего сербского писателя XX века Милоша Црнянского «Переселение» (Т. 1–2. 1929, 1962), посвященный вынужденному переселению австрийских сербов в середине XVIII века в Россию.)

Возможно, вторя А. В. Амфитеатрову, подобную мысль о польском изгнанничестве позже высказывал и сам А. А. Золотарев в одном из очерков своей книги «Самро santa. Образы усопших

в моем сознании», посвященном личности Марии Густавовны Высоцкой (1873–1948). Характеризуя ее светлый облик и сердечную глубину, он, в частности, пишет:

«Как полнозвучно сказалось ею при прощании со мною еще в присутствии всего праздничного собрания: «Смутно ми Боже». Это из гимна при заходе солнца гениального польского поэта Юлиуша Словацкого. В этом гимне есть слова как будто вполне выражающие сметенную польскую душу изгнанника-народа.

Для посторонних лицо у меня ясное,
в нем лазурная тишина,
Но пред Тобою я открываю глубь своего сердца.
Смутно ми Боже!» [5, очерк 470: л. 26 об.].

Юлиуш Словацкий (1809–1849) — выдающийся польский поэт и драматург, представитель революционного романтизма в польской литературе. Родился в семье профессора литературы Кременецкого лицея, с детства воспитывался на лучших образцах польской и мировой литературы. Стихи начал писать достаточно рано, в раннем периоде своего творчества испытал литературное влияние европейских романтиков (Байрона, Шекспира). На польское восстание 1830 года он откликнулся рядом стихотворений, а после его подавления в 1831 году навсегда оставил Польшу и жил в Париже, Швейцарии, Италии, путешествовал по Греции, Египту и Палестине. По мнению исследователей, мучительная тоска по родине была основным содержанием его внутренней жизни на чужбине, когда уже с первых дней эмиграции он всецело жил идеей о свободной Польше, переживаниями ее несчастий и надеждой на ее «воскресение из мертвых».

Яркое художественное воплощение тема искупительного страдания получила в его символической поэме в прозе «Ангелли» (1837), написанной им в качестве отклика на восстание 1830–1831 гг. Она посвящена участвовавшим в восстании полякам, которые после его подавления были сосланы русским правительством в Сибирь. Исследователь творчества Словацкого Б. Ф. Стахеев, раскрывая авторский замысел поэмы, писал: «Первоначально она была задумана как эпопея страданий польского народа, в духе дантовской „Божественной комедии“, мыслилась (как

свидетельствуют план и черновые наброски) автором поначалу в стихотворной форме под названием „Ссылка“ („Поселение“) и должна была содержать не только картины сибирских подземных рудников, а также изображение адских мук загробного мира, куда Словацкий хотел поместить врагов и предателей польского народа. Затем замысел подвергся изменению и конкретизации, и в поэме место действия было ограничено сибирской ссылкой, а содержание стала определять совсем иная политико-философская линия: оценка идейных споров и партий эмиграции» [9: 321].

Впервые поэма была издана в 1838 году в Париже. В России в начале XX века на русский язык поэма переводилась дважды: в 1906 году переводчиком польской поэзии Владимиром Высоцким и в 1913 году — Анатолием Виноградовым. Учитывая дату создания повести «На чужой стороне» (1910), очевидно, что А. А. Золотарев познакомился с текстом поэмы в переводе В. Высоцкого. В начале поэмы «Ангелли» один из ее главных действующих лиц, царь и жрец сибирского народа Шаман (в образе которого поэт Зигмунд Красиньский видел Вергилия из «Божественной комедии» [Там же]), приветствуя в Сибири польских изгнанников, говорит им: «Знал я отцов ваших, столь же несчастных, и видел, как жили они в страхе Божиим и умирали со словом: „Отчизна! Отчизна!“» [10: 3]. Жалея прибывших ссыльных, Шаман говорит о том, что хочет быть им другом и заключить мир «между вами и народом моим» [Там же: 4]. В продолжение своей речи он говорит: «А из отцов ваших никого нет в живых, кроме одного, — он стар уже и ко мне благосклонен; живет далеко отсюда, в одинокой хижине» [Там же]. В то же время у Золотарева при упоминании жилища пана Юлиуша едва ли случайно сказано, что он уже стар и живет в одиноко стоящей хижине «на отлете»: «Ссылный поляк за бесценок купил покинутое жилье и поселился в нем, невзирая на опасность быть смытым, „улететь“ вместе со своей хижинкой в первую ближайшую весну» [4: 82]. Нельзя исключать, что Золотарев также взял на вооружение характеристику, приведенную Шаманом из поэмы «Ангелли» по отношению к первым польским ссыльным, поскольку в пове-

сти «На чужой стороне» неоднократно подчеркивается набожность пана Юлиуша: «Пан Юлиуш был фанатично верующим католиком и свято хранил свою веру на далекой чужбине. Крепкая вера светила и светилась в крепкой жизни — и, уважая жизнь пана Юлиуша, все без изъятия уважали и его Бога, которому — знали — горячо молится пан Юлиуш в бессонные стариковские ночи» [Там же: 83–84].

Взгляды пана Юлиуша из повести А. А. Золотарева «На чужой стороне» во многом созвучны идеологической сути поэмы «Ангелли» с ее идеей добровольного искупительного страдания, принятия на себя скорбей народа, ждущего воскресения, что знаменует собой мессианские идеи, разделяемые представителями большинства польской эмиграции. По мнению польских поэтов-романтиков, и, прежде всего, самого Юлиуша Словацкого, эта особая миссия становится возможной благодаря добровольной жертве, подобно той, которую приносит за свой народ юноша Ангелли, главный герой одноименной поэмы.

Мессианские идеи с особой силой проявились в позднем периоде творчества Словацкого в связи с его увлечением мистическим учением Анджея Товянского, пользовавшегося немалой популярностью в среде польской эмиграции середины XIX века. Подробное объяснение исторических предпосылок, послуживших возникновению идеологии польского мессианства, дано в работе известного славяноведа и историка А. Ф. Гильфердинга «За что борются русские с поляками» (1863). В ней автор показывает, что уже в самом начале становления своей государственности Польша проникается религиозными и общественно-политическими началами латино-германского мира, положив их за основу своей собственной, славянской жизни. После этого, состоявшись как «общество, вполне развитое, созревшее под влиянием запада» [2: 7], Польша обратила свое внимание на Русь, стремясь оказать на нее свое цивилизующее влияние, осуществляемое поэтапно: присоединение к Польше западных русских земель (Галиции, или Червонной Руси) при Казимире Великом (конец XIV века), Люблинская уния (1569), в результате которой литовско-

русские земли были принуждены соединиться с Польшей в одно государство, после чего последовало религиозное порабощение — Брестская уния (1595), а затем — водружение польского знамени в Москве в надежде ополячить и восточную Русь [Там же: 14]. Однако, как пишет Гильфердинг, «внутренние, живые, хотя бессознательные славянские начала не поддавались стихиям польской жизни» [Там же: 13], поэтому Русь дает последовательный отпор этим стремлениям: изгнание поляков из Москвы, восстание Малороссии под руководством Богдана Хмельницкого, реформы Петра I, благодаря чему Русь приобщилась к «плодам западной цивилизации», тем самым лишив Польшу «исторических оснований для преобразования русского мира» [Там же: 14].

В XVIII веке происходит раздел Польши и разложение ее государственности, в результате чего в состав России возвращаются исконно русские земли (за исключением Галиции). Следствием этого стало польское восстание 1830–1831 гг., целью которого было вернуть в царство Польское западные губернии России, впоследствии отторгнуть польские области от Австрии и Пруссии, и воскресить Речь Посполитую в границах 1772 года. Несмотря на подавление Восстания 1831 года, эти надежды не ослабли, но еще более укрепились, особенно в литературной среде польской эмиграции, приняв несколько «фантастический колорит» [Там же: 20]. Возникла «особая историко-мистическая теория; славянский мир был разделен на две враждующие противоположности, на мир добра и свободы, представительницей которого служила Польша, и на мир рабства и зла, воплощенный в России» [Там же].

Данная теория получила поддержку у Адама Мицкевича, который на своих парижских курсах о славянской литературе развивал идею о дуализме Польши и России, а затем, как пишет Гильфердинг, «выступил открыто как проповедник мессианизма, новой веры, откровение которой он получил от известного Товянского» [Там же: 21]. Объясняя сущность этой своего рода новой религии — польского мессианства — Гильфердинг отмечает: «Она состояла в том, что польский народ есть новый Мессия, посланный для искупления всего рода че-

ловеческого, что он, как Мессия, страдал, был распят и погребен, и воскреснет, и одолеет дух мрака, воплощенный преимущественно в России, и принесет с собою всему человечеству царство свободы и блаженства» [Там же].

Приняв во внимание вышесказанное, мы сможем лучше понять авторский замысел при создании образа поляка пана Юлиуша, убежденного, что над материей всецело властвует дух, способный побуждать, воскрешать к действию, и потому все народные бедствия, в его понимании, рождаются от рабства духа, от господства материи над духом, и путь народов к будущему — это борьба за утверждение господства духа над материей. «Стерегись, сыну! Весна в Сибири — время чудес! Тает лед, земля прозревает, открывает свои материнские очи, и мертвые — воскресают» [4: 76], — говорит он Ветрову.

Пан Юлиуш, беседуя с Ветровым, готов выступить в роли пророка и много рассуждает на тему русской истории и пути России, при этом многое в нем истолковывая по-своему и нередко превратно. В частности, он убежденно восклицает: «Пусть даже исполнится ваша самая заветная мечта — вы придете на смену народам земли и от имени славянщины будете задавать тон мировой истории. Пусть... и тогда не будет! <...> есть только один Творец и Властитель вселенной — Круль-Дух!...» [Там же: 95]. В данных словах содержится явная аллюзия на сложную историко-софскую поэму Юлиуша Словацкого «Król Duch» (Король-дух, в польской огласовке — Круль-дух), которая из-за смерти поэта осталась незавершенной. Данное произведение являет собой синтез философских представлений поэта, во многом основанных на идее мессианства. Действительность в своей исторической форме, считает ее автор, — есть проявление духа, находящегося в процессе самореализации через действия избранных людей, а история собственного народа выражается в цепи перевоплощений Короля-Духа, преобразующегося каждый раз в новом виде и ведущего польский народ через исторические потрясения к его высокому предназначению.

Яркий образ пана Юлиуша, обладающего различными несомненными достоинствами

(искренняя набожность, стойкость и готовность к самопожертвованию), вызывает скорбь оттого, что представитель великого свободолюбивого и храброго народа, второго по величине в славянстве после русского, испытав слом своей национальной гордости, доходит до озлобления, так что ему даже изменяет чувство реальности, что, к сожалению, развивается в определенный комплекс по отношению к России. Возможно, им были заражены и другие польские интеллектуалы, вспомним, например, историю взаимоотношений Пушкина и Мицкевича. Как известно, Пушкин высоко ценил творчество Мицкевича и справедливо отдавал должное достоинствам его народа (вспомним известные строки «Нет на свете царицы краше польской девицы»), в то время как Мицкевич был несвободен от чувства некоторого высокомерия по отношению к русскому поэту.

Как уже было сказано выше, разделение славянского мира на две противоположности, враждебные друг другу, представляющие собой Польшу с одной, а Россию — с другой стороны, активно развивалось в среде литературной эмиграции, более всего укрепившись в учении А. Товянского, под влиянием которого оформились мессианские воззрения Словацкого. Именно с позиций противостояния двух чуждых друг другу миров рассматривает пан Юлиуш всю русскую традицию, видя в ней воплощение «предательской жажды покоя», «кладбищенства» [Там же: 91].

Идея дуализма, высказанная польскими мыслителями, разделила, по их мнению, славянство на два лагеря. Между тем примирение могло бы быть достигнуто с помощью сербского взгляда на славянский мир. Сербь бесконечно преданы России, однако как европейцы способны понять и Польшу, не случайно исследователи называют Сербию мостом между европейским востоком и западом. В этой связи укажем на работу крупнейшего современного сербского философа и мыслителя, профессора Сорбонны Марко С. Марковича «Тайна Косова», заключающую в себе взвешенный взгляд на истоки сербского мессианства. Размышляя о значении Косовской жертвы и Косовского завета для сербского сознания, автор, в частности, подчеркива-

ет, что «гибель Царства Сербского» на Косове отнюдь не тождественна падению Византии: как и Голгофа, Косово предполагает Воскресение: «Недостаточно сказать, что Косово возвещает нечто более многозначительное и глубокое, чем падение царской столицы, для священной истории оно имеет большее значение, чем судьба Царьграда, так как в самом себе содержит обетование воскресения. <...> Высокоразвитое религиозное сознание народного поэта связывает гибель царства Сербского на Косове не с падением Византии, а непосредственно с Христовым страданием. Без него Косово означало бы поражение, равное всем прочим поражениям. С ним Косово обернулось духовной победой. Своей поэтической транспозицией он преобразил гибель царства на Косове в „выбор Царства Небесного“, а Лазареву смерть — в христоподобную жертву» [б: 139]. Косовский завет коренным образом определяет сербское национальное самосознание, основанное на христианской вере в Воскресение: подобно тому, как Христос воскрес, воскреснет и поработенный сербский народ.

Интересное наблюдение исследователя касается особенностей мессианской идеи у разных славянских народов. Согласно его мнению, «сербское мессианство имеет известные преимущества перед русским: оно содержит одновременно и Распятие, и Воскресение, равно как и польское мессианство, а значит — представляет собой более верное подражание Христу, чем мессианство Достоевского и Бердяева» [Там же: 150]. Данное наблюдение представляется нам справедливым, если учесть, что Бердяев не освободился до конца от своего революционно-демократического прошлого.

В своем размышлении о польской мессианской идее сербский исследователь опирается на известную работу Мицкевича «Книга польской нации», в которой истолкование данной идеи имеет религиозно-политическую основу. Утрата независимости Польши в понимании поэта означает ее трехдневную смерть, где первые два дня знаменуют собой два падения Варшавы, а третий день близится, и «ему не будет конца». Подобно тому, как Христово Воскресение означало конец кровавых жертв, так и воскресение Польши будет

означать конец войнам народов Европы, — считал Мицкевич [Там же: 163].

В творчестве Словацкого идея искупления посредством страданий за свой народ и все человечество в целом получила наивысшее выражение в упоминаемой выше поэме «Король-Дух». Между тем, комментируя сравнение, приводимое Мицкевичем, одним из идеологов польского мессианства, профессор Марко Маркович заключает: «И наряду с совершенным сравнением, которое Мицкевичу удалось мастерски провести в основных чертах между Христовой и польской Голгофой, все-таки остается впечатление, что это не более чем исключительно удачный политический фразеологизм, не имеющий ни исторической основы, ни религиозной глубины Косова» [Там же].

Подытоживая сказанное, отметим, что в повести А. А. Золотарева «На чужой стороне» можно наметить несколько разноплановых тем, многие из которых впоследствии будут развиты уже в других произведениях автора: сыновнее блуждание «на стране далече» (очерк «Богатырское сословие»), явственное ощущение кануна перед грядущими роковыми событиями революции (роман «Во едину от суббот») и другие. Между тем яркий образ пана Юлиуша, на создание которого А. А. Золотарева, по нашему мнению, вдохновило творчество польского поэта Юлиуша Словацкого, позволил автору повести затронуть близкие ему темы польской истории, сочувственно отзываясь на ее события, ставшие трагическими в понимании, пожалуй, большинства польских мыслителей и интеллектуалов. Патриотический пафос речей пана Юлиуша, мечтающего о возрождении своей Отчизны и искупительной жертве польского народа ради освобождения других народов, несомненно, опирается на идеи, так или иначе выраженные в целом ряде произведений Словацкого («Ангелли», «Лилла Венеда», «Могила Агамемнона», «Король Дух», «Кордиан» и др. (см.: [10; 11; 12])).

Христианский догмат об искуплении, усвоенный польской традицией по большей части как идея политическая, в своем первоначальном, незамутненном виде восходит к общеевропейской христианской основе, в которой видное место занимает семья славянских народов. Между тем об-

ращение к сербскому взгляду на славянский мир позволяет открыть новую грань в истолковании роли пана Юлиуша в повести, делая его особенно интересным не только для читателя, но и, возможно, для самого А. А. Золотарева, которому, вслед за Ф. М. Достоевским, вероятно, также была дорога судьба Европы.

Все это позволяет нам по-новому осмыслить некоторые особенности родственной нам славянской культуры как неотъемлемой составляющей некогда единой подлинно европейской христианской культуры, о чем писали и отечественные сербисты: «Когда-то Данилевский противопоставлял Россию Европе и был прав — ведь тогда речь шла о цивилизации. Об укладе и державном пространстве. Сократившемся сегодня до сгустка крови, до вспышки памяти о единой судьбе, с особой ясностью постигаемых в час утраты...» [8: 14].

ПРИМЕЧАНИЯ

* Подробнее о Косовской жертве и Косовском завете см.: Особенности сербской ментальности: географический аспект (косовский миф в сербской эпической традиции) // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По матер. междунар. науч. конф. «Первые московские Анциферовские чтения». Москва, 25–27 сент. 2012 г. М., 2012. С. 190–196.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Амфитеатров А. В. Тризны: [Статьи]. М., [1910].
2. Гильфердинг А. Ф. За что борются русские с поляками. СПб., ценз. 1863.
3. Золотарев А. А. Богатырское сословие. М., 2012.
4. Золотарев А. А. На чужой стороне // Знание: сб. Товарищества Знание. Пб., 1911. Кн. 35. С. 3–131.
5. Золотарев А. А. Campo santo. Образы усопших в моем сознании. РГАЛИ, ф. 218.
6. Марковић Марко С. Тајна Косова // Стопама Христовим. Београд: Нови дани, 1996. С. 134–165.
7. Мулина С. А. Центры польской жизни в Западной Сибири во второй половине XIX века // Польские исследователи Сибири. СПб., 2011. С. 39–52.
8. Познанович Ж. Сербская идея / Предисл. и коммент. И. М. Числова. М., 2000.
9. Стахеев Б. Ф. Юлиуш Словацкий // История польской литературы. Т. 1. М., 1968.
10. Словацкий Ю. «Ангелли» / Пер. с пол. В. Высоцкого. М., 1906.
11. Словацкий Ю. «Ангелли» / Пер. с пол. [и примеч.] А. Виноградова. М., 1913.
12. Словацкий Ю. Избранное / Предисл. и коммент. К. Н. Дружинина. М., 1952.

ДЫХАНИЕ ТЕКСТА: ПРОБЛЕМА ВЕРБАЛИЗАЦИИ ЗАПАХА В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПРОЗЫ

NATALIA L. ZYKHOVSKAIA

BREATHING OF THE TEXT: THE PROBLEM OF VERBALIZATION OF SMELL IN RUSSIAN PROSE

Статья посвящена осмыслению проблемы национально-культурного своеобразия интерпретации запахов мира и мира через запах в прозаических произведениях русской литературы. В статье обозначается специфика поэтики запаха русских текстов, обосновываются научно-методологические подходы к построению модели ольфакторной картины художественных миров представителей отечественной словесности. В статье сосредоточено внимание на выделении общих аспектов, конкретизирующих динамику развития ольфакторной поэтики русской прозы XI–XIX вв. Автором обобщаются условия и характеристики, формирующие базис ольфакторности, предложены перспективные линии развития ольфакторной модели в отечественной литературе.

Ключевые слова: ольфакторная поэтика, поэтика запахов, русская литература, диахрония, синхрония, язык литературы.

The article deals with the problem of national and cultural originality in interpretation of smells of the world, and the representation of the world through the smells in Russian prose works. The author specifies the poetics of smells in Russian literature, and justifies scientific and methodological approaches to the creation of olfactory picture in the artistic worlds of Russian writers. The article puts special attention to the development of olfactory poetics in the 19-20th centuries Russian prose. The author proposes general conditions and characteristics of olfactoriness, and draws perspective lines of olfactory model development in Russian literature.

Keywords: olfactory, poetics of smells, Russian literature, diachrony, synchrony, language of literature.

Наталья Львовна Зыховская

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка и литературы

Южно-Уральский государственный
университет (национальный
исследовательский университет)

пр. Ленина, 76,
Челябинск, 454080, Россия

► ladoga_@mail.ru

Natalia L. ZykhoVskaia
South Ural State University
(National Research University)
76, Lenin prospekt,
Chelyabinsk, 454080, Russia

Поэтика запахов как самостоятельная научная проблема выделлась относительно недавно — после антропоцентрического поворота в гуманитарных науках, ставшего «точкой отсчета» для развития культурологических изысканий в литературоведении, исследовании взаимодействия языка, литературы и культуры, внимания к онтологии текста, отражению в нем культуры повседневности. Известное выражение «жизнь богаче литературы» можно рассматривать и философско-онтологически: всякий творец, автор есть представитель живой жизни, а не вымышленной литературы, а следовательно, выражает в своем художественном мире некую уникальность, которая никогда и никем не может быть повторена. Воплощая в творчестве свое уникальное видение окружающей действительности, каждый автор оказывается в рамках и под воздействием целой системы *фильтров*, которые и обеспечивают уникальность каждого художественного мира. Очевидно, что ольфакторий (совокупность всех элементов текста, содержащих отсылки

к процессам обоняния) может быть исследован как один из обязательных фильтров каждого художественного мира (подобно цвету, звуку, вкусу и тактильным ощущениям). Эти «первичные» фильтры, отражающие степень чувствительности творца к той или иной стороне реальности, могут выступать основой иерархии более сложных (ментальных, аксиологических) программ. Но именно с «предметно-чувственной» картины мира и начинается художественный мир писателя. С точки зрения самого процесса создания художественного текста проблема вербализации языка ощущений может считаться «стержнем профессии»: именно умение адекватно рассказать о том, что испытывает, переживает человек, и является значимой и неотразимой гранью таланта автора.

Растущий интерес к проблеме вербализации запахов в тексте, хотя и не в полной мере отражен в комплексно-обобщающих научных подходах и исследованиях, но, тем не менее, осознается как назревшая необходимость. В свете быстро развивающихся синестетического и синергетического подходов к литературе актуально и обращение к вербализации телесных ощущений и эмоций в художественной литературе как хранилище в фундаментальном архиве саморефлексии человечества. Антропоцентрический поворот позволил гуманитариям по-новому взглянуть на художественную литературу — прежде всего как на источник *фиксированной информации* культурологического плана. Что же касается выявления природы и функций запахов, то художественные тексты оказались главным «вместилищем» таких фиксаций. Литература выступает аккумулятором таких стратегий: в рамках поэтики текста описание запаха становится способом проникновения в его смысл, представляющий собой средоточие культурного шлейфа и окказиональных значений.

Уже начало 2000-х годов помечено растущим интересом к проблематике запаха как семантической категории в языке. Так, в 2004 году появляется исследование Е. В. Свинцицкой «Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М. А. Булгакова»¹. В исследовании поэм С. Есенина, предпринятом

О. С. Жарковой, автору оказывается важным показать индивидуальность выбора синестезийных переносов, особую маркировку идиостиля автора². Примерно по той же модели выявления микрополей в общем поле «восприятие» построен анализ сенсорной лексики в произведениях Ю. Н. Куранова в исследовании Л. О. Овчинниковой³. В исследовании Л. В. Лаенко на примере английского и русского языков исследуются прилагательные, образующие домен «запах»⁴. Серьезная попытка реактуализации одорической лексики в художественном тексте была предпринята в исследовании А. В. Дроботун⁵. Н. С. Павлова проделала значимый труд по выявлению общих характеристик лексико-семантического поля «запах» в русском языке вообще. Результаты этого исследования вплотную подводят к философии запаха в ее национальном варианте⁶.

В первом ряду современного «ольфакторного» литературоведения в России можно поставить работы Н. А. Рогачевой. В ее монографии⁷, посвященной роли запахов в поэзии, предлагается четкий методологический подход к явлениям ольфакции в художественных текстах. Исследовательница сосредоточена в основном на изучении поэзии Серебряного века, дающей наиболее яркие примеры одоризмов и ольфакторных включений с самыми разными функциями и эффектами. Помимо обстоятельного труда Н. А. Рогачевой, следует упомянуть интересные работы на стыке культурологии и филологии И. А. Манкевич⁸.

В русле общей теории концептосферы, тесно связанной с когнитивным подходом, рассматривается запах в работах Д. Н. Галлерт, А. А. Колупаевой, Т. И. Бельской, Ю. А. Старостиной.

В целом лингвистический анализ вербализации запахов в художественных текстах выполняется по отношению к литературоведческим исследованиям роль прикладную: лингвистический аспект вербализации раскрывает сами механизмы смыслопорождения и рассматривает нюансы корреляции реальных ощущений и их воплощения в художественном слове. Литературоведческий подход предполагает поиск методов и способов

выявления места и функции в общем смысловом поле художественного текста. В таком аспекте запах предстает как общая часть поэтики, которую исследователь может искусственно «вычленил» из состава целого. Анализ различных сторон функционирования соответствующих элементов произведения позволяет сделать выводы об общем месте описания и метафоры запаха в произведениях словесности.

В зарубежном литературоведении наиболее последовательно проблему художественной ольфакции освещает Х. Риндисбахер. В 1992 году вышла его книга, не переведенная на русский язык, «Запах книг»⁹, посвященная смысловому потенциалу ольфакторных включений в художественных текстах. В этом подробном исследовании ученый предлагает рассматривать ольфакцию как мультифункциональный элемент поэтики, разрастающийся в отдельных примерах до уровня художественной доминанты произведения. Экспансия вербализации обонятельных ощущений в сферу философии и идеи текста также заняла свое место в ряду пристально изучаемого Х. Риндисбахером.

Однако открытия в этой сфере, совершенные Х. Риндисбахером, во многом недостаточно осмыслены современным литературоведением. Здесь следует указать на ряд принципиальных моментов. Во-первых, в исследованиях запахов европейскими специалистами всегда присутствует изучение длительной традиции понимания *места* запахов в культурном поле каждой нации (для проанализированных нами источников — в рамках всей европейской традиции, восходящей к античности — Аристотелю). Такой разбор показывает философскую рефлексия, связанную с запахами и полем обоняния вообще. Что же касается собственно изучения запахов в филологии, то здесь не выделяется сфера языковой возможности и пространства литературного текста. Ключевым моментом поэтому, во-вторых, становится неразвитость (как полагают многие исследователи вслед за Даном Спербером) ольфакторного словаря основных европейских языков. Возникает противоречие между тысячами ольфакторных вызовов, которые получает человек в его повсе-

дневной практике (тем более в общем культурном поле человечества, за вербализацию которого «ответственна» в том числе и художественная литература, но в первую очередь, конечно, язык), и минимальным вербальным инструментарием, которым располагает языковое сознание.

Другая сторона проблемы — это теория картины мира. Как известно, основой этого теоретического понятия является когнитология, в рамках которой и разрабатывается понятие «языковая картина мира». Сам термин восходит к трудам В. фон Гумбольдта, но для отечественной когнитологии особое значение имело мнение Ю. Н. Караулова, критиковавшего лингвистическую науку за ее «антропологическое отставание»¹⁰.

Картина мира (в разных своих аспектах) представляет собой *полное* объяснение мира, содержащее ответы на любые вопросы, связанные с ориентацией личности в пространстве собственной жизни. При этом очевидно, что в отдельном личностном сознании могут сосуществовать различные картины мира, в том числе, например, научная и наивная. Средством выражения и репрезентации каждой картины мира и выступает язык. Отдельно следовало бы говорить о степени осознанности личностью собственной картины мира, однако для наших рассуждений этот ход лишний. Вернемся к самой структуре картины мира. Получается, что сознание оказывается в «рамках» определенных фильтров, логических операторов и инструментов, позволяющих удерживать *модель* мира, каждый элемент которой, востребованный в любой момент времени, уже находится в сознании в готовом для использования виде. Но для нас наиболее важно, что если мы обнаружим инварианты отдельных черт разных *художественных миров*, то, подобно А. Вежбицкой в изучении языков¹¹, приблизимся к пониманию законов *конструирования* художественных миров. В таком случае следует вычленил особую *картину художественного мира* — гибрид понятий «картина мира» и «художественный мир», обладающий определенным эпистемологическим потенциалом. Это означает, что исследовательское внимание может быть

сосредоточено на самих принципах, фильтрах, конструкторских идеях создания определенного аспекта (в нашем случае — ольфакторного) художественного мира, определяемых уникальностью авторского мира.

В данной статье мы обозначим (в самом общем виде) ключевые аспекты, конкретизирующие развитие ольфакторной поэтики русской прозы XI–XIX вв. Рассмотрение отечественной прозы от ее истоков до последних представителей периода эстетического креативизма в контексте ольфакторной поэтики позволило нам зафиксировать ряд закономерностей.

Первое. Ольфакторные включения сопровождают русскую словесность на протяжении всего ее существования, сохраняя примерно одни и те же позиции в общем строе поэтики. Это выражается как в соответствии средних показателей «ольфакторной плотности», так и в достаточно равномерном распределении ольфакторных фрагментов «по векам». Таким образом, первая закономерность может быть выражена так: *относительная количественная стабильность ольфактория*, проверенная на достаточно репрезентативном по масштабам корпусе текстов

Второе. Тематические границы отечественного ольфактория со временем раздвигаются, сохраняя ольфакторное ядро. Прежде всего, это наблюдается в расширении тематического «репертуара» ольфакторных включений в диахронном аспекте, что выражается в относительной тематической «скованности» древнерусской словесности, художественных произведений начального этапа развития классической литературы, а затем в расширении тематики ольфактория в литературе XIX века. В то же время, говоря об ольфакторном ядре, можно утверждать, что отечественный ольфакторий останавливается на определенном наборе одорических тем и не столько вводит новые сферы, сколько «оттачивает» и варьирует уже открытые. Можно выразить эту закономерность следующим образом: *относительная стабильность тематики ольфакторных фрагментов*.

Третье. Для ранних периодов отечественной словесности характерна такая черта ольфакторной поэтики, как клиширование форм, прин-

цип ожидаемости одоризма, тогда как поздний период эстетического креативизма реализует принцип индивидуальной фильтрации ольфакторных впечатлений, подчиненный конкретным задачам отдельного художественного мира. Здесь наблюдается закономерность *динамики ольфакторной поэтики*.

Таким образом, три обнаруженные закономерности позволяют сделать выводы о самой модели ольфактория отдельного художественного мира.

Эта модель может быть представлена в виде условий, материала и инструментов построения ольфактория в отдельном художественном мире. К условиям (помимо очевидно миметического условия отражения реальности в произведении) можно отнести следующие: наличие культурного шлейфа самой семантики ольфакторных включений. Истоки этого явления — в древнерусской словесности, где благоухание соотносится с Благим Духом, а зловоние — с присутствием дьявола. Кроме того, значимо, что именно древнерусская словесность впервые репрезентует саму форму «погружения» в запахи, когда человек пассивен, а «благый дух» наполняет собой воздух, заслоняя все и вся, заменяя собой остальные явления мира, «отменяя» другие чувства, кроме обоняния. Это «божественное снисхождение» на человека прекрасного запаха вызывает ольфакторный шок, временную смерть — от счастья обонять столь прекрасные ароматы. Уточняя этот базовый образ, древнерусская словесность развивает тему самодостаточности аромата для физического существования человека, подмены ароматом (благоуханием) всех других источников жизни (еда, вода, сон и т. п.). Создаются условия для развития этой базовой темы уже в отрыве от ее «божественного» наполнения. Такой же культурный шлейф имеет и тема зловония. Сопрягаясь с темой запахов ада, «нечистого духа», эта линия развивается по принципу подмены причины и следствия: если злой дух — это запах «врага человечества», то любой дурной запах маркирует нечто темное, inferнальное, опасное.

Другое условие — родовая тенденция эпоса (прозы) к классифицированию и упорядочива-

нию явлений мира. Ольфакторные впечатления здесь оказываются на периферии (в рамках самой истории литературного процесса) именно в силу своей сложности, трудности для любых классификаций. Однако задача такой классификации обретает самостоятельное художественное значение, несет новизну в самом факте своей реализации. Необходимость упорядочивания ольфакторных явлений и впечатлений оказывается важным «исходным» условием существования ольфакторной картины мира в каждом конкретном художественном мире.

Третье условие — наличие экстралитературных ограничений в реализации задачи построения ольфакторной картины мира. К ним следует отнести табуированность физиологизма в произведениях искусства, исторически сложившиеся эстетические нормы, снижающие возможность обращения к антиэстетическим описаниям. Это условие вступает в конфликт со вторым условием, требующим беспристрастного «регистра-торства» впечатлений и ощущений, в том числе и восприятия грубого физиологизма в ольфакторном аспекте.

Все эти условия можно рассматривать как базис ольфактория, в свою очередь представляющего перед писателем в виде вполне конкретного материала. Под материалом ольфакторной картины мира следует понимать несколько принципиальных моментов. Во-первых, это сами запахи, подлежащие вербализации. Запахи эти часто синекдохически подменяются предметом, издающим запах. Такая подмена создает иллюзию развития ольфакторной поэтики: расширяются перечни «пахнущих» предметов, но сама языковая способность *описания* запаха остается в прежнем состоянии.

Во-вторых, это впечатления, которые получает субъект, воспринимающий тот или иной запах. Здесь художественное внимание концентрируется на ощущениях, следствиях вдыхания аромата. Возможностей художественной реализации такой задачи было описано множество: синергетические описания с привлечением впечатлений, получаемых с помощью других органов чувств; ассоциативные цепочки; сравнения и др.

В-третьих, это свободное пространство любых явлений и событий, в описании которых уместны ольфакторные символы, аллегии, уподобления. Здесь материал ольфакторной картины мира вообще не ограничен никакими внешними или внутренними барьерами.

Инструменты — последняя составная часть модели. К ним относится весь тот набор средств поэтики, который может использовать автор. Однако конкретно применительно к ольфакторной картине мира набор этот ограничен. Ограничения связаны, прежде всего, с ограничением самой языковой способности. Так как ольфакторные впечатления не относятся к числу жизненно важных (с биологической, видовой точки зрения) для человека, то возникает закономерная ситуация замедления, стагнации развития его возможностей в выражении ольфакторных впечатлений. Сам ольфакторный тезаурус скуден (по сравнению с визуальным, аудиальным и даже осязательным). В то же время можно утверждать, что это языковое ограничение становится стимулом к творческой авторской активности, поиску новых способов передачи ольфакторных ощущений, новациям при создании частных ольфакторных картин художественных миров.

Эти новации, в свою очередь, основаны на различных поэтических средствах, средствах художественной выразительности, которые может использовать автор для решения этой задачи. Главный инструмент в индивидуализации ольфакторной картины мира — тематический фильтр, соответствующий авторским задачам и сверхзадаче конкретного текста. На наш взгляд, обнаружение тематических фильтров — важная задача исследователя ольфактория, поскольку помогает обнаружить закономерности ольфактория того или иного писателя. Как выяснилось в ходе исследования, тематические фильтры находят свое выражение в доминировании той или иной ольфакторной темы и относительной редкости и даже полном отсутствии других.

Другой важный инструмент — упорядочивание полученных тематических узлов. Сосредоточение на ольфакторной поэтике, ее вычленение из общей архитектоники произведения,

несомненно, носит искусственный характер, эта операция необходима для получения сведений о конкретном фрагменте общей поэтики текста и даже творчества писателя в целом. Но вместе с тем в результате мы можем видеть, как этот конкретный фрагмент всего художественного мира получает свою относительную автономность и самостоятельность. Эта самостоятельность обеспечивается связью отдельных фрагментов в единое «ольфакторное поле» текста, где передача впечатлений от одних запахов неявно связана с передачей впечатлений от других групп запахов.

Для модельного описания инструментов следует выделить несколько оснований: инструменты передачи пассивного внимания запахов и активного отношения к ним, описания источников запахов и адресатов запахов, воспринимающих их, описание интенсивности запаха, его последствий, его агрессивности / мягкости и множество других характеристик. Авторы не пользуются всеми этими параметрами, вычлняя только те, что корреспондируют с их общей поэтикой. Так создается еще одна система фильтров — теперь уже в сфере инструментов, а не материала.

Важнейшая часть наблюдений оказалась связана с установлением смысловой нагруженности ольфакторных фрагментов. Именно смысловая нагрузка определяет значимость ольфакторных фрагментов и в определенном смысле девальвирует количественные наблюдения. Проведенный количественный анализ позволил установить стабильность ольфактория, но нельзя утверждать, что с течением времени литература становится все более богатой в ольфакторном аспекте. С другой стороны, такой параметр оценки ольфакторной картины мира, как ее место в общей поэтике художественного произведения, предполагающей в том числе и акцентирование смыслового поля, оказывается особенно значимым.

Смысловое поле ольфакторной картины может формироваться в подтексте, а может и быть эксплицитным. В данном случае следует говорить о работе читателя — автор может нанизывать ольфакторные впечатления, чтобы заставить читателя задуматься над ними, открыть для себя спрятанную авторскую мысль, а может прямо предло-

жить ему ольфакторную философию, выражаемую с помощью аллегорий, символов, уподоблений, сравнений. В нечастых случаях «героем» такой философии становится именно запах, чаще можно наблюдать использование ольфакторной риторики для выражения отвлеченных мыслей.

Подытоживая сказанное, следует выделить ряд перспективных линий развития ольфакторной модели в отечественной словесности. Прежде всего, нет сомнений, что бесконечным источником творческой интенции будет оставаться языковая ограниченность ольфактория. Наименее выраженной частью классического ольфактория следует признать ассоциативные поля, которые — как показывают некоторые исследования литературы последующих веков — станут доминировать, развиваться в указанных условиях и, возможно, достигнут точки исчерпанности. Кроме того, совершенно ясно, что во всех конкретных репрезентациях описанной ольфакторной модели литература эстетического креативизма не предлагает собственно описаний запахов (запах какой?). Эта лакуна, несомненно, должна быть восполнена в последующие эпохи.

Остается «не закрытым» классификатор запахов по источникам (поскольку мир окружающих предметов беспределен), и от предметов, имеющих ярко выраженный аромат, описание должно переместиться в сторону тонких нюансов и деталей запахов.

В определенном смысле можно предположить, что сложившийся тематический репертуар запахов может быть успешно рассмотрен с точки зрения определенных доминант, маркирующих «обоняние эпохи». Например, в рассмотренных нами периодах развития светской литературы мы могли бы выделить «натур-период» с доминированием запахов природных пространств (XVIII век) и «человек-период», где запахи человека, его деятельности, пространства его обитания оказались важнейшими (XIX век). Можно гипотетически предположить, что эпоха технического прогресса могла бы породить третью доминанту — «машин-период», где запахи техники вытеснили бы как природные, так и собственно человеческие запахи.

Наблюдения над текстами современной литературы, показывают, что литература новейшего времени осваивает такую нишу, как одорический креативизм, когда описание запаха в тексте представляет собой многоэлементную искусственную композицию.

Что же касается общих наблюдений за литературой с начала XI по конец XIX века, то можно выявить ряд очевидных тенденций:

- возникновение, развитие и сведение на нет темы «благоухание садов» (в основе этого явления лежит сама культурная практика садоводства в России, когда периоды мощных усадебных садов сменились периодами вымирания усадеб и торжества «дачников»);
- неизменное присутствие темы запаха цветов;
- постоянная внутренняя (смысловая) изменчивость темы «запах женщины»;
- волнообразное развитие темы смрада (с периодами затухания и возобновления);
- прерывистое развитие темы «запах трупов» (от древнерусской литературы сразу к литературе позднего эстетического креативизма);
- неизменность и относительная однообразность темы «запах помещений»;
- многообразие реализаций темы «запах человека»;
- неуклонное развитие метафорического ольфактория.

Таким образом, предложенные нами теоретико-методологические основания исследования ольфакторной картины художественного мира русской прозы позволяют рассматривать отдельно взятый фрагмент поэтики во внутренне целостном единстве, в то же время связанном как с внешними факторами воздействия, так и с внутренними закономерностями художественного мира, который он представляет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Свиницкая Е. В.* Реализация художественно-эстетического потенциала лексики восприятия в романах М. А. Булгакова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2004.

² *Жаркова О. С.* Лексика ощущения, восприятия и чувственного представления как средство номинации и предикации в поэмах С. Есенина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.

³ *Овчинникова Л. О.* Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю. Н. Куранова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2010.

⁴ *Лаенко Л. В.* Перцептивный признак как объект номинации // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер. Филология. Журналистика. 2004. № 2. С. 71–77.

⁵ *Дроботун А. В.* Лексика обоняния в языке художественной прозы М. А. Шолохова: Автореф. дис. канд. ... филол. наук. М., 2006.

⁶ *Павлова Н. С.* Лексика с семей «запах» в языке, речи и тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006.

⁷ *Рогачева Н. А.* Ольфакторное пространство русской поэзии конца XIX — начала XX вв.: проблемы поэтики. Тюмень, 2010.

⁸ *Манкевич И. А.* Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации: монография. СПб., 2011.

⁹ *Rindisbacher H.* The Smell of Books. A Cultural-Historical Study of Olfactory Perception in Literature. Michigan, 1992.

¹⁰ *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. 2-е изд. М., 2002.

¹¹ *Вежбицкая А.* Семантические универсалии в описании языков // Языки русской культуры. М., 1999.

Е. И. Асташина

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ УЗЛЫ КАК ЕДИНИЦЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ЛЕКСЕМЫ *КВАДРАТНЫЙ* РОМАНА «МЫ» И ПОВЕСТИ «ОСТРОВИТАНЕ» Е. И. ЗАМЯТИНА)

YEVGENIA I. ASTASHINA

INTERTEXTUAL NODES AS UNITS OF LITERARY DISCOURSE:
ANALYSING THE LEXEME 'SQUARE' IN YEVGENY ZAMYATIN'S "WE" AND "THE ISLANDERS"

Лингвистический анализ вхождений лексемы *квадратный* и ее производных в художественные тексты Е. И. Замятина выявляет узואльно-семантические, а также символично-метафорические смысловые потоки содержания всего *квадратного* в интертекстуальном пространстве художественного мира писателя. Однако *квадратный* является не только собственно текстовой единицей, но и идиостилевым интертекстуальным узлом замятинской прозы, а далее — единицей художественного дискурса произведений Е. И. Замятина. Материал статьи проявляет дискурсивные параметры языковой единицы (в данном случае лексемы *квадратный*) и отражает один из путей анализа параметра художественного дискурса.

Ключевые слова: квадратный, символический, метафора, контекст, дискурс.

The linguistic analysis of the occurrences of the lexeme 'square' and its derivatives in Yevgeny Zamyatin's literary texts identifies usual-semantic and symbolic-metaphorical streams of the content of all 'square' phenomena in the writer's intertextual space. But 'square' is not only the textual unit, performing a syntactic function of an attribute, it is also an idiosyncrastic intertextual node of Zamyatin's prose, a unit of literary discourse of his works. The article reveals the discursive parameters of the linguistic unit — in this case, of the lexeme 'square' — and reflects one of the ways of literary discourse analyzing.

Keywords: square, symbolic, metaphor, context, discourse.

Евгения Игоревна Асташина

Аспирант кафедры русского языка
Брянский государственный университет
имени академика И. Г. Петровского
ул. Бежицкая, 14, Брянск, 241036, Россия
▶ unnamehuman@rambler.ru

Evgenia I. Astashina
Bryansk State University
named after I. G. Petrovski
14 ul. Bezhitskaya,
Bryansk, 241036, Russia

Научный руководитель: д-р филол.
наук, проф. А. Л. Голованевский

Замятинский текст — богатый языковой материал для верификации теоретических представлений многих филологических научных отраслей и их фундаментальных теоретических положений. Е. И. Замятин — модернистский изобретатель «интеллектуального» слова. Дешифровка только одной лексемы *квадратный* повести «Островитяне» (1917) и романа Е. И. Замятина «Мы» (1921) требует привлечения знаний семиотики, теории текста, когнитивной лингвистики. Столь «трудоемкая» интерпретация слова объясняется особым объемом ее смыслового содержания. Определим его в анализе названной лексемы.

В романе «Мы» описывается новое — *квадратное* — состояние:

*Вот что: представьте себе — квадрат, живой, прекрасный квадрат. И ему надо рассказать о себе, о своей жизни. Понимаете, квадрату меньше всего пришло бы в голову говорить о том, что у него все четыре угла равны: он этого уже просто не видит — настолько это для него привычно, ежедневно. Вот и я все время в этом *квадратном* положении. Ну, хоть бы розовые*

талоны и все с ними связанное: для меня это — равенство четырех углов, но для вас это, может быть, почище, чем бином Ньютона [7: 224].

Для декодирования странного единства лексем *квадратный* и *положение* обратимся к их семантике по отдельности.

Квадратный — относительное прилагательное, обозначающее такой признак, который свойствен геометрической фигуре «квадрат», например, равенство его частей, перпендикулярность и т. п. В общелитературном значении прилагательного обобщенно отмечена отнесенность к фигуре по ее форме, которую, по сути, и составляет равенство перпендикулярно пересекающихся между собой четырех сторон:

Квадратный — '1. Имеющий форму квадрата' [9: 43].

Положение — '1. Расположение в пространстве, местонахождение', '2. Расположение, постановка тела или его частей; поза', '4. Состояние, обусловленное какими-л. обстоятельствами' [10: 266].

В приведенном выше контексте образно говорится о самочувствии человека и оживленного квадрата, вынужденных доказывать аксиомы. Сложно представить, что слово *положение* употребляется в нем в значении 1–2. *Квадратное положение* человека как состояние, имеющее форму квадрата, представляется с большей сложностью. На поверхностном уровне смысловой структуры контекста в данном словосочетании относительное прилагательное *квадратный* выступает как притяжательное — ведь *квадрат живой*. Однако если привлечь общекультурное символическое значение слова *квадрат*, начинают просматриваться новые грани смыслового пространства данного словосочетания. *Квадрат* как геометрический символ «выражает ориентирование человека в пространстве». «Квадрат считается отражением соразмерного с человеком космоса» [4: 112]. «Интерес к квадрату (как и кресту) объясняется в первую очередь желанием разобраться в хаотически проявляющем себя мире посредством введения направлений и координат» [Там же]. Квадрат словно выделяет фрагмент неизвестного пространства как место «витрувианского» человека в мире и ориентирует в этом мире, по-

вторая стороны света, соприкасаясь с четырьмя стихиями мироздания.

Тогда состояние определенности, ясности в привычной для человека, соразмерной с ним среде вполне может описываться эпитетом *квадратный* — в знакомом пространстве досягаемости известны все его потаенные точки, найдены все координаты и ориентиры. И ЛСВ — 4 лексемы *положение* получает возможность синтагматически взаимодействовать с определением *квадратный*, т. е. 'привычный', 'ежедневный', 'до неразличимости понятный'. В контексте, в который входит словосочетание *квадратное положение*, говорится как раз о таком интеллектуальном состоянии Д-503. Прилагательное *квадратный* называет сущностный признак явления действительности. В художественном пространстве замятинского текста относительное прилагательное *квадратный* выступает притяжательным, а функционирует как качественное. «Ролевая игра» лексемы создает художественную двусмысленность.

Данное уникальное словосочетание в рассмотренных символических значениях гармонично входит в идеологизированный математический дискурс Единого Государства. «Е. И. Замятин в романе „Мы“ проводит лингвистический эксперимент по художественно-гипотетическому созданию политизированной директивной проекции живого языка-*langue* — избыточно стандартизированного идеологическими догмами тоталитарного языка» [2: 116]. Основные концепты дискурса Единого Государства *математика, логика, кривая, прямая, твердый, упругий, отдисциplinированный-стерильный* и др. рассмотрены в [1] и [3]. Смысловая смежность *квадратного положения* с дискурсом *Единого Государства* и неоднозначность рассматриваемого словосочетания создается еще одной символической идеей *квадрата*, которая логически связана с предыдущими. Квадрат, «свое» пространство, исключает поиски исследования этого пространства, защищает от враждебной, опасной неизвестности. Поэтому неизвестное отрицается представителями *мы* не только как явление неразумного существования (*Это противостоит естественно: мыслящему — зрячему существу жить среди незакономерностей, неизвест-*

ных иксов [7: 329]). Контекст *Вот если бы вам завязали глаза и заставили так ходить, ощупывать, спотыкаться, и вы знаете, что где-то тут вот совсем близко — край, один только шаг — и от нас останется только сплющенный, исковерканный кусок мяса...* [Там же: 329–330] дополняет: неизвестное противоестественно физиологически — оно смертельно опасно естеству, а не разуму. В *квадратном* же пространстве жизнь перманентно спокойна интеллектуально и физически. Квадрат является «символом равновесия и пропорциональности, стабильности и постоянства, защиты и ограничения» [5: 127], символом основных категорий мировоззрения *мы*, которые заключены и в вышеобозначенных концептах.

Геометрические свойства *квадрата* укрепляют его позиции в языковой картине мира *мы*. *Квадрат* составляют пересечения *прямых* под *прямым* углом. Равновеликость сторон и углов квадрата «супрематично» изображает равновесие и стабильность.

В замятиноведении известен факт интертекстуальной связи повести Е. И. Замятина «Островитяне» и его романа «Мы». Ее отмечал еще современный писателю литературный критик А. К. Воронский: «... он [Е. И. Замятин] перелицевал своих „Островитян“ и перенес отсюда в роман [«Мы»] главнейшие черты Лондона и Десмонда и не только это, но и фабулу» (цит. по [8: 19]). Значения лексемы *квадрат*, его словоформ и дериватов участвуют в интертекстуальной трансляции. Локальные смысловые приращения всего *квадратного* романной вариации выявляются в тонких смысловых связях не только с единогоосударственными контекстами *математика*, *логика*, *прямая-кривая* и др., но и с текстовыми единицами «Островитян». *Квадратное* Джесмонда также приобретает новые смысловые грани от взаимодействия с языковой системой романа «Мы».

Так, символическая идея *квадрата* о «своем» пространстве безмятежного бытия реализуется в метафорическом тексте, вербально изображающем сферы сознания Кембла:

Кембл мучительно моририл лоб, рылся в голове. Там, в квадратных коробочках, были разложены

известные ему предметы, и в одной, заветной, вместе лежали: Бог, британская нация, адрес портного и будущая жена — миссис Кембл — похожая на портрет матери Кембла в молодости [6: 415].

Ячейки памяти уподобляются здесь *квадратным* коробочкам. В данном контексте символические идеи *квадрата* об **ориентированности**, **ясности**, **постоянстве**, **безопасности** выступают как необходимое знание для интерпретации метафорического образа *квадратные* коробочки, основанием метафоризации которого являются представления читателя о памяти. В ней хранятся живые — понятные, восполнимые или возобновляемые — знания. Эти общеизвестные сведения составляют сферу цели «Сознание Кембла» метафорической проекции. Источником метафоризации служат образы привычных предметов мебели — шкафов, бюро и т. п. В их *коробочках*, ящичках, хранятся «самые личные», знакомые вещи. Так и в голове Кембла содержатся близкие и **понятные** ему знания и ценности. В этом отношении они принадлежат Кемблу, они его личные мысли. Кембл **уверен** в их назначении и значимости, **постоянен** в них, потому они служат гносеологическим багажом и аксиологическим **ориентиром**. Безусловно, Кембл не видит в них опасности. Однако для данной метафоризации важно и то, что «шкафные» вещи сугубо материальной природы — это сущности обыденного, бытового, зачастую незамысловатого, мира. Возможны здесь намеки на пресловутую моду. Метафорическое сравнение несет соответствующую характеристику художественному образу Кембла. В голове Кембла стройно укладывается определенный набор простых знаний, типичный для представителя джесмондского общества, и они являются его собственными лишь как догмы традиций и веры. Читатель может догадываться, осознанно или нет Кембл наводит порядок в голове, в *коробочках*. Яркий метафорический образ дополняется тонко намеченными автором аллюзиями на фразеологизмы русского языка *навести порядок в голове*, *не укладывается в голове / уложить в голове*, *голова забита (забивать, набивать голову)*, *держаться в голове*, *перебирать в голове*, *не идет в голову*, *выбрасывать (дурь) из головы* и т. п.. Так Замятин

иронично изображает тривиальность сознания, общекультурный компонент которого вытеснил индивидуально-личностный. Как бы понималась метафора без символических компонентов смысловой структуры *квадратного*? Полагаем, их можно включить в сферу источника данной метафоризации.

Нарочитая упорядоченность *коробочек* обсуждаемой метафоры, аккуратная расчлененность знаний Кембла на *квадратные* порции намекают на **однообразие** его мировоззрения и мировосприятия. Такие геометрические свойства квадрата, как плоскостность и «однообразное» равенство элементов, снова питают контекстуальные приращения. Более того, структурные единицы сознания героя «Островитян» сопоставимы с единицами дифференцирования необъятной реальности в мировоззрении жителей *Единого Государства* романа «Мы». Оно описано в записи 12-й главного героя Д-503:

Я не боюсь этого слова — «ограниченность»: работа высшего, что есть в человеке, — рассудка — сводится именно к непрерывному ограничению бесконечности, к раздроблению бесконечности на удобные, легкопереваримые порции — дифференциалы [7: 254–255].

Квадратные коробочки и дифференциалы — идентичные понятия (при большей художественной осложненности романной математической метафоры). Ими обозначены результаты восприятия и познания действительности, расщепляющие ее на нечто более «осязаемое» мыслью, иными словами, известное и понятное: Кемблу привычен мир бытовых принадлежностей, и его сознание ассимилировало с ним. Д-503 мыслит как математик, мир в его представлении — система дифференциалов. Д-503 определяет ее назначение — *ограничение бесконечности*, что порождает противоречие, ведь представление целостного бесконечного множества тождественно или меньше совокупности отдельных его частей, «*дифференциалов*». Интертекстуальные пересечения смысловых сфер повести «Островитяне» и романа «Мы» снимают противоречие. Скорее всего, дифференцирование бесконечности в *Едином Государстве* сопро-

вождается отбором *дифференциалов* — только *легкоперевариваемых*. Так и Кембл воспринимает только общепринятые ценности. Тогда ломается тождество, и бесконечность действительно ограничивается, упрощается.

В контексте *Кембл облегченно расправил лоб: теперь налицо были и малая, и большая посылка — полный силлогизм. Все становилось квадратно-просто* [6: 401] основа лексемы *квадратный* в наречном эндоцентричном композите *квадратно-просто* поясняет особенность самой простоты, однообразия существования в мире: все становилось просто, как квадрат. Примечательно, состояние *квадратно-просто* возникает после нахождения *силлогизма*, в логике — ‘умозаключения, в котором из двух данных суждений (посылок) получается третье (вывод)’ [11: 92]. Данный логический термин встречается в романе «Мы». В нем он основательно подвергся идеологии *Единого Государства* в силу непосредственного взаимодействия с *логикой*, но уже концепта *дискурса мы*. В соответствии с последней, представители *мы* стремятся улучшить точность детерминистических мыслей и ускорить правильность решения ментальных задач по принципу «вопрос-стимул — ответ-реакция» до полной автоматизации. Силлогизм оказывается подходящим для этого алгоритмом размышлений. Подтверждение тому — внутренний диалог Д-503, в котором он настраивается на необходимую для представителя *мы* рациональность в рассуждениях:

Возьми себя в руки, Д-503. Насади себя на крепкую логическую ось... ворочай жернова силлогизмов — пока не запишешь, не обмыслишь всего, что случилось... [7: 342].

Здесь логический мыслительный процесс метафорически представлен образом жернова «силлогического хода», примитивного перемалывающего механизма кругового хода действия, перерабатывающего таким образом посылки силлогизмов и производящего их выводы. Единогосударственная политизированность лексемы *силлогизм* в замятинском тексте меняет перспективы и в смысловом пространстве *квадрата, квадратного*, связывает их с *единогосударственной логикой*. Тогда квадратная простота послед-

него контекста — скупая детерминированность, упрощающая многосложность бытия.

В повести «Островитяне» прилагательное *квадратный* участвует также в портретно-психологическом описании главного героя произведения, Кембла, являясь эпитетом, характеризующим в стиле кубизма его обувь и подбородок: *Громадные квадратные башмаки* [6: 390]; *Квадратные мертвые подошвы* [Там же: 391]; *...с квадратным, свирепо выдвинутым подбородком* [Там же: 413]. В дистрибуции этих словосочетаний лексема *квадратный* обозначает признак массивного, грубого, мужского. Однако в других контекстах атрибут *квадратный* (*квадратно*) проявляет иные смыслы — символические и основанные на них *единогосударственные*. В текстовом пространстве повести они постепенно разворачиваются в результате синтагматического взаимодействия с лексемами *упрямый* (*упрямо*), *непреложный* (*непреложно*), *уверенность*, *твердый* в значении '4. перен. Такой, от которого не отступают, которому не изменяют; неколебимый, нерушимый' [11: 343]. Они проявляют смыслы о том, в чем уверен «автоматически»:

Но Кембл непреложно, квадратно был уверен... [6: 402];

С квадратной уверенностью говорил... [Там же: 394];

...все квадратно-твердо впереди: и маленький домик, и сияющий белизною порог, и ваза для воскрасных гвоздик — зеленая или голубая [Там же: 422].

Дистрибуция из перечисленных лексем подтверждает наличие в *квадратном* символических идей о знакомом и понятном, потому безопасном и стабильном. Но их объединяет еще одна общая «семантическая» идея — убежденность в философии «ограниченной бесконечности», безоговорочная уверенность в ней, это необходимые атрибуты общественного мнения. Если в романе «Мы» Замятин имитирует политический дискурс уравнительности, то «Островитяне» отражают авторские знания о социально-философском дискурсе уравнительности.

Обнаруживающиеся зигзагообразные сплетения текстов двух произведений активируют инферентные когнитивные механизмы

сознания их интерпретатора. Неизвестно, как бы понимались оба текста, если бы они оказались изолированными друг от друга. Однозначно, они декодировались бы иначе. Данный анализ вновь сигнализирует о первостепенной значимости контекстуальной и интертекстуальной информации для более полного понимания вербального художественного текста. Сложность языковой системы замятинской прозы делает ее изучение этой направленности особенно ярким.

Более того, подобные интертекстуальные пересечения, какие совершаются в точке функционирования лексемы *квадрат* и ее производных, следует рассматривать как единицы художественного дискурса. Под последним мы понимаем особую разновидность дискурса.

Дискурс — это текст, многосложная комбинация языковых знаков, семантика и структура которого осложнена и расширена экстралингвистическими информационными приращениями. Иными словами, текст и дискурс — разные масштабы восприятия и понимания языковых комбинаций. Одна и та же языковая конструкция может осознаваться и как текст, и как дискурс, при этом дискурс — всегда текст, но не всегда текст понимается как дискурс.

Специфика художественного дискурса заключается в соответствующей ему прагматике. Если автор, например, научного дискурса стремится быть понятым, политического дискурса — принятым, а религиозного или медийного — воспринятым, то создатель художественного дискурса желает быть услышанным. И далеко не всегда художественный дискурс логичен, однозначен, никогда — корыстен и обязательно философичен и дидактичен.

По нашим наблюдениям, сам текст романа «Мы» или повести «Островитяне» содержит меньше смысловой информации о *квадратном*, чем интертекст анализируемых произведений. *Квадратное* интертекстуального расширения, в свою очередь, имеет экстралингвистические приращения смысла: читатель, хоть немного знакомый с творчеством Замятина, видит в интересующей нас лексеме идеи о геометрических предпочтениях писателя-математика, его поразитель-

но пронизательные предположения о когнитивно-прагматическом потенциале языка, историко-культурный фон рождения этих предположений (1917–1920-е гг.); наконец, эстетические литературные вкусы писателя, названные им в литературно-критических статьях импрессионистскими, синтетическими, неореалистическими и материализованными в, как назовем мы, супрематичных языковых новообразованиях (*квадратное положение, квадратно-просто* и многие другие). Эти знания сопутствуют ментальной активности интерпретатора замятинского текста, т. е. текст не только декодируется как знаковая субстанция, он разворачивается в сознании адресата в новые экстралингвистические измерения своего когнитивного пространства. Тогда *квадратное* выходит на другой уровень существования текста — дискурсивный. Важно изучать подобные интертекстуальные узлы и искать иные типы единиц художественного дискурса. Это уточнит и углубит знания об этом виде дискурса, описанном еще неполно.

Замятинский текст — новый источник знаний о языковой художественности, художественном тексте и слове, о модернистском литературном тексте. Лингвистическое замятиноведение имеет широкие перспективы развития, в том числе и особенно в областях лингвистических наук, выводящих исследование языка из структурно-системной парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асташина Е. И. Математическая терминология романа Е. И. Замятина «Мы» в лингвистическом, идеологическом и литературоведческом аспекте // Текст. Язык. Человек: сб. науч. тр. В 2 ч. Ч. 2 / Редкол.: С. Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. Мозырь, 2013. С. 6–8.

2. Асташина Е. И. Политико-прагматический контекстуальный анализ романа Е. И. Замятина «Мы» // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы взаимодействия в контексте единого социокультурного пространства — история и перспективы: Матер. Междунар. науч. конф. (г. Новозыбков, Брянская область, 17–18 окт. 2013 г.) / Под ред. В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, С. Н. Стародубец. Брянск, 2013. С. 115–120.

3. Асташина Е. И. Художественный опыт гносеологического программирования (на матер. романа Е. И. Замятина «Мы») // Мова і Культура. (Науковий журнал). Київ, 2013. Вип. 16. Т. IV (166). С. 323–328.

4. Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М., 1996.

5. Вовк О. В. Энциклопедия знаков и символов. М., 2006.

6. Замятин Е. И. Островитяне // Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Уездное / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М., 2003.

7. Замятин Е. И. Мы // Замятин Е. И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Русь / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. М., 2003.

8. Михайлов О. Гроссмейстер литературы // Замятин Е. И. Мы: Роман, рассказы, повесть. М., 1990. С. 5–26.

9. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. К–О / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1986.

10. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. П–Р / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1987.

11. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. С–Я / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1988.

К. И. Белоусов, Е. В. Ерофеева,
Т. И. Ерофеева, Н. Л. Зелянская

ЗНАКОВЫЕ СИСТЕМЫ, ИМПРОВИЗАЦИЯ И ДИВАН НА КАФЕДРЕ: К ПРОБЛЕМЕ РЕКОНСТРУКЦИИ ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ-ЛИНГВИСТА

KONSTANTIN I. BELOUSOV, ELENA V. EROFEEVA, TAMARA I. EROFEEVA, NATALIA L. ZELIANSKAYA
SIGN SYSTEMS, IMPROVISATION AND THE COUCH AT THE DEPARTMENT ROOM: TO THE RECONSTRUCTION
OF THE IMAGE OF PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE LINGUISTICS TEACHER

Константин Игоревич Белоусов

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического
и прикладного языкознания

► belousovki@gmail.com

Елена Валентиновна Ерофеева

доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой теоретического
и прикладного языкознания

► elevaer@gmail.com

Тамара Ивановна Ерофеева

доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического
и прикладного языкознания

► genling.psu@gmail.com

Наталья Львовна Зелянская

Кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник кафедры
теоретического и прикладного
языкознания

► zelyanskaya@gmail.com

Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

ул. Букирева, 15,
г. Пермь, 614990, Россия

Konstantin I. Belousov, Elena V. Erofeeva,
Tamara I. Erofeeva, Natalia L. Zelyanskaya

Perm State University

15 Bukireva street, Perm, 614990, Russia

В исследовании реконструируется комплексный образ профессии преподавателя-лингвиста. Материалом исследования послужили результаты направленного ассоциативного цепочечного эксперимента с большим количеством реакций. В качестве информантов выступили преподаватели лингвистических дисциплин российских вузов и магистранты-филологи. Обработка материала включала семантическую классификацию полученных реакций и их статистический анализ. Исследование показывает, что ядро автообраза профессии образуют семантические поля «учебная деятельность» и «предметная область», однако структура образа профессиональной деятельности перестраивается в зависимости от квалификации респондентов.

Ключевые слова: автообраз профессии, преподаватель-лингвист, ассоциативный эксперимент, семантический анализ, статистический анализ.

The article reconstructs the complex image of the teacher of linguistics, based on the results of the directed chain associative test with multiple reactions. The informants were Russian university teachers and M.A. students of linguistics. Experimental data processing included the semantic classification of the reactions obtained, and their statistical analysis. The research results demonstrate that the nucleus of the profession self-image is formed by the semantic fields of “educational activity” and “subject domain”. However, the structure of professional activity image may rearrange depending on the informants’ qualification.

Keywords: profession’s self-image, teacher of linguistics, associative test, semantic analysis, statistical analysis.

Введение

Исследования образа профессии/профессиональной деятельности представляют несомненный интерес, так как их результаты имеют и теоретическую, и практическую ценность [4; 11; 13]. В теоретическом плане образ профессии можно рассматривать в контекстах а) изучения профессиональной идентичности (в сопоставлении с другими формами идентичности: национальной, региональной, гендерной и пр.); б) построения моделей экспертной деятельности (исследования инструментов, форм и процессов осуществления экспертной деятельности); в) моделирования взаимосвязи профессионального и обыденного мышления и картин мира и т. п. В практическом преломлении результаты исследования образа профессии/профессиональной деятельности могут быть востребованы при выборе профессии, приеме на работу и др., так как позволяют предста-

Публикация подготовлена в рамках поддержанных РГНФ научных проектов № 15-04-00320 и № 15-04-12015

вить профессию/профессиональную деятельность в виде фрейма, составными частями которого будут типичные сценарии деятельности, «вписанность» профессии в социальный контекст, оценка (позитивные и негативные стороны) профессии, типичные ожидания, идеалы, образ человека данной профессии и мн. др.

Исследования образа профессии наиболее актуальны в социально ориентированных профессиональных сферах, поэтому большая часть работ по данной тематике относится к сферам медицины (образ профессии врача, медсестры и др.) [9; 10 и др.], журналистики [7; 6 и др.] и образования (образ профессии учителя, профессора и др.) [12; 8 и др.]. При этом исследуется как внешний, публичный образ профессии, формируемый СМИ, общественным мнением и др., так и внутренний, основанный на саморефлексии представителей той или иной профессии [12 и др.]. Среди методов реконструкции образа профессии наиболее распространены анкетирование, интервьюирование, опросы, контент-анализ источников.

Внимание к профессиональной деятельности преподавателя наблюдается со стороны педагогов, которые сосредоточены на методических аспектах педагогического дискурса и на выстраивании диалога «обучающий — обучаемый», а также со стороны психологов и социологов, которые рассматривают отношения между преподавателем и студентами с точки зрения их психологических установок и социальных практик.

Спектр исследуемых вопросов в этих областях чрезвычайно широк, однако практически повсеместно игнорируется тот факт, что преподаватель вуза чаще всего должен одновременно являться ученым и преподавательская деятельность зачастую обуславливается научными представлениями.

Кроме того, как любая другая деятельность, деятельность преподавателя тесно связана с определенными социальными институтами (вузы, факультеты, кафедры и т. п.), местом ее осуществления, с эмоциями, сопровождающими деятельность, и т. п. Профессиональная деятельность вообще, а особенно преподавателя, находит от-

ражение в структуре всей личности, во взглядах на мир как таковой.

В нашем исследовании ставится задача реконструкции комплексного образа профессии/профессиональной деятельности преподавателя-лингвиста. Под образом/имиджем профессии мы понимаем представления социума и его отдельных групп о специалистах, реализующих себя в данной профессии, особенностях профессиональной деятельности, ее характеристиках и оценках. «Имидж» показывает, как нечто воспринимается, представляется, вспоминается или оценивается [5: 202]. Можно рассматривать, как профессия воспринимается изнутри, т. е. автообраз, который характерен для специалистов одной и той же сферы деятельности, и снаружи, т. е. формирующийся у других социальных групп. В данной работе мы остановимся только на изучении автообраза, т. е. внутренней рефлексии группы о своей профессии.

Образ профессии имеет сложную полевою структуру, состоящую из ядра — наиболее частотных (типичных) представлений — и периферии, при этом структура образа включает составляющие из разных семантических областей.

Методы исследования

В настоящем исследовании изучение внутреннего образа своей профессии преподавателями-лингвистами строилось на основе одного из подвидов направленного ассоциативного цепочечного эксперимента с большим количеством реакций — а именно методом перечисления слов определенного ряда (семантической группы/категории). Такого рода ассоциативные эксперименты нацелены на установление границ категории и ее структуры (ядра, периферии и т. п.) (см., напр.: [3]). Мы полагаем, что данный метод позволит представить образ профессии как иерархическую структуру связанных между собой семантических областей, каждая из которых имеет свой вес в общем комплексном образе профессии.

В качестве информантов были привлечены преподаватели, которые ведут разные лингвистические дисциплины (от практики иностранного языка до теоретических лекций по общему языкознанию). Места работы информантов — фило-

логические факультеты и факультеты иностранных языков российских вузов. Кроме того, в эксперименте участвовали лингвисты-магистранты, чей образ профессии/профессиональной деятельности можно рассматривать как комплекс субъективных представлений о своей профессии, сложившийся в процессе образования накануне непосредственной полноценной профессиональной самореализации. Всего в эксперименте участвовало 26 преподавателей разного возраста и квалификации (кандидаты и доктора филологических наук) и 8 магистрантов.

Задание, которое получали информанты, было следующим: «Напишите не менее 30 (или более) слов или выражений, которые с разных сторон характеризуют вашу профессиональную деятельность».

Эксперимент проводился в Информационной системе (ИС) «Семограф» [1]. Применение современных информационных технологий позволяет по-новому организовать работу исследователя (в том числе и в паре «исследователь — информант») на каждом ключевом этапе эксперимента: планирования, сбора данных, их обработки и анализа. ИС «Семограф» дает возможность проводить экспериментальные исследования онлайн и анализировать полученные данные с помощью инструментов полевого анализа (создавать семантическую классификацию реакций с много-многозначными соответствиями между реакциями и полями).

В ходе проведения эксперимента было получено 1230 реакций от 34 информантов (336 реакций — от 8 докторов наук, 651 реакция — от 18 кандидатов, 243 реакции — от 8 магистрантов).

Все полученные реакции распределялись по семантическим полям. Принципы распределения реакций по семантическим полям были следующими.

1. Учитывался контекст реакции: конкретное значение многозначных слов определялось из контекста, т. е. соотносилось со стоящими рядом реакциями. Например, слово *двигаться* может иметь отношение и к физическому движению, и к развитию. При этом оно встретилось в следующей цепочке реакций: *расти, вести (как по дороге), двигаться, понимать, увлечь*, — что позволяет

идентифицировать его как слово, в данном случае связанное с семантическим полем «развитие».

2. Если многозначное слово встречалось в анкетах в разных значениях, то оно учитывалось в двух соответствующих семантических полях. Например, слово *словарь* может употребляться и в значении 'уже существующее издание, инструмент, которым люди пользуются при научной или учебной деятельности', и в значении 'создаваемый научный продукт, результат работы ученого'. Контексты встречаемости этого слова не позволяют однозначно отнести его в то или иное поле, поэтому оно заносится в оба: «инструменты» и «результаты научной деятельности».

3. В два или более полей заносятся и словосочетания, состоящие из двух (более) компонентов: *богатый лексикон* — одновременно относится и к полю «речевая деятельность», и к полю «эмоционально-оценочная сфера».

4. К нескольким семантическим полям относятся и слова и выражения, связанные с ними со всеми. Например: *белая ворона* относится и к полю «субъекты», и к полю «эмоционально-оценочная сфера».

Для каждой группы информантов (магистранты, кандидаты наук и доктора наук) и для всей выборки респондентов в целом были выделены ядерная семантическая область образа профессии, формирующая область и вариативная (периферийная) область. Ядерными считались те поля, доля которых составила не менее 10% от всех реакций группы; периферийными считались те поля, доля которых оказалась 2% или менее от массива реакций группы. Остальные поля рассматривались как формирующая зона автообраза профессии.

На следующем этапе результаты полевого анализа реакций информантов обрабатывались с помощью инструментария ИС «Семограф»: автоматически строилась таблица сопряженности, отражающая распределение С-полей по выделенным квалификационным группам. Полученная таблица использовалась в корреляционном анализе, а также в рамках метода снижения размерности признакового пространства с помощью анализа соответствий (Correspondence Analysis). Для статистической обработки применялся статистический пакет Statistica 8.

Результаты

Анализ полученного материала показывает, что наиболее частотными реакциями, т. е. ядром представлений о своей профессии, у лингвистов

оказываются следующие: *наука/научная деятельность/научно-исследовательская деятельность/занятие наукой* (16); *лингвистика/языкознание* (15); *университет* (12); *диссертация* (10); *преподавание/преподавать* (10).

Как видим, даже у самой частотной реакции встречаемость оказывается довольно низкой (16), т. е. ее назвали менее 50 % респондентов. Это говорит о диффузности представлений о своей профессии у преподавателей-лингвистов, о нестандартности и вариативности этих представлений. Тем не менее наиболее частотной оказывается реакция, связывающая образ профессии с научной деятельностью, чуть уступает ей по частотности название самой предметной области, кроме того, треть информантов указывает место, где осуществляется деятельность, преподавание как вторую составляющую деятельности и диссертацию как, очевидно, необходимое условие осуществления данной профессиональной деятельности.

Классификация реакций по значению позволила выделить 27 семантических полей, которые структурируют автообраз профессиональной деятельности преподавателей-лингвистов. Были проанализированы семантические поля, их доля в общем объеме экспериментального материала, а также в выборках реакций магистрантов, кандидатов наук и докторов наук. Данный показатель рассчитывался как отношение количества реакций в поле относительно общего количества реакций, данных определенной группой респондентов. Объем и наполняемость полей важны для понимания структуры образа.

В центре образа профессии оказываются семантические поля «предметная область» (это поле охватывает более половины всех реакций), «учебная деятельность», «эмоционально-оценочная сфера». Таким образом, для группы в целом, включая обучающихся еще магистрантов, ядром образа профессиональной деятельности оказывается учебная деятельность в определенной предметной области, вызывающая эмоциональную оценку.

Вариативную зону образа составляют такие семантические поля, как «я», «макропространство», «вещный мир», «финансирование», «культура», «количество», «знания», «физические

ощущения» и «образ жизни», которые в целом определяют субъективный контекст осуществления профессиональной деятельности преподавателей-лингвистов. Интересно, что финансовые вопросы также вписываются в данный контекст и не оказываются существенно важными для информантов.

Остальные выделенные поля, включая «научную деятельность», образуют формирующую зону автообраза профессии.

Однако структура образа перестраивается в зависимости от группы респондентов и оказывается разной у магистрантов, кандидатов наук и докторов наук. Так, доля семантического поля «предметная область» в общем объеме реакций у магистрантов более чем в 3 раза превышает долю соответствующего поля у докторов наук и в 2 раза — у кандидатов наук.

Очевидно, это можно объяснить тем, что магистранты еще находятся в позиции освоения этой области и для них акцент на нее в профессии является основным. Кроме того, у магистрантов чаще, чем у других групп респондентов, встречается семантическое поле «речевая деятельность», с одной стороны, также представляющее предмет изучения лингвистов, а с другой — один из важнейших инструментов лингвиста. Видимо, магистранты в своих представлениях о профессии в основном нацелены на предмет лингвистики и на овладение различными речевыми стратегиями. Фиксация внимания на предмете без активного погружения в контексты научного творчества, личных ценностей и эмоций указывает на еще не полную встроенность в профессиональную сферу, сужение ее до базовых составляющих. Интересно также, что у магистрантов чаще, чем у других опрошенных, встретились реакции из поля «макропространство» и «культура». Представления о собственном профессиональном облике, находящиеся в процессе формирования, соотносятся с более широкими предметными и деятельностными областями, напрямую не связанными с профессией, что расширяет рефлексию магистрантов о профессиональной самоидентификации до сфер, связанных с лингвистикой опосредованно.

У кандидатов наук чаще, чем у других информантов, актуализируются семантические поля, характеризующие различные виды деятельности («учебная деятельность», «организационная деятельность», «научная деятельность»), основу этой деятельности («учебные материалы») и ее результаты («результаты научной деятельности»). Кандидаты наук представляют лингвистов как людей, вовлеченных в различные аспекты деятельности. Кроме того, у кандидатов наук чаще, чем у других информантов, этот образ формируется через саморефлексию (семантическое поле «я» в несколько раз активнее, чем у других групп) и в качестве обязательной составляющей включает научную коммуникацию, т. е. общение с другими коллегами.

У докторов наук значительно большую долю, чем у магистрантов и кандидатов наук, занимают семантические поля «эмоционально-оценочная сфера», «интеллектуальная сфера», «морально-этическая сфера», т. е. поля, описывающие, если так можно выразиться, сферу духа в целом. Но кроме этого большая доля в их реакциях отводится словам и выражениям, обозначающим место, время и бытовые особенности жизни лингвиста (семантические поля «время», «количество», «пространство университета», «вещный мир» и «физические ощущения»). Образ профессиональной деятельности лингвиста, с точки зрения докторов наук, предстает как единство противоположностей — духовного и физического начал.

Если выделить ядерные, формирующие и вариативные зоны образа у каждой из рассматриваемых групп, то мы получаем разные структуры автообраза профессиональной деятельности.

Ядерная зона у магистрантов совпадает с общей ядерной зоной и включает поля «предметная область» и «учебная деятельность». Вариативная часть образа у магистрантов самая большая (включает 12 семантических полей), некоторые поля в их реакциях вообще не актуализируются. Семантические поля формирующей зоны представлены достаточно малыми объемами.

У кандидатов наук центр образа закладывают семантические поля «предметная область», «учебная деятельность» и «эмоционально-оце-

ночная сфера», но, в отличие от магистрантов, их образ профессиональной деятельности включает меньше вариативных полей (8 полей) и больше формирующих семантических полей с довольно большими объемами.

Доктора наук в ядро образа помещают семантические поля «эмоционально-оценочная сфера» и «интеллектуальная сфера». Число вариативных полей у них оказывается таким же, как и у кандидатов (8), однако поля имеют другой состав: у докторов наук в формирующую область переходят «вещный мир» и «количество», зато поля «речевая деятельность» и «учебные материалы» становятся периферией образа.

Близость между образами профессиональной деятельности у разных групп можно оценить с помощью методов корреляционного анализа. Представим коэффициенты корреляции Спирмена при $p < 0,05$: магистранты — к. ф. н. = 0,79, магистранты — д. ф. н. = 0,51, к. ф. н. — д. ф. н. = 0,61.

Высокий уровень корреляции наблюдается между распределением объемов семантических полей у кандидатов наук и магистрантов. Значение коэффициента корреляции между объемами полей у кандидатов и докторов наук также превышает уровень значимости. В то же время образы профессиональной языковедческой деятельности у докторов наук и магистрантов строятся на разных основаниях.

Для выявления специфики построения образов профессиональной деятельности у всех квалификационных групп был использован анализ соответствий (Correspondence Analysis), который позволяет визуально представить исследуемые семантические поля и квалификационные группы в координатном пространстве переменных малой размерности (в частности, на плоскости) (подробнее см.: [2: 561–576]).

На рисунке визуализированы результаты применения анализа соответствий. На графике одновременно представлены «точки-строки» (семантические поля) и «точки-столбцы» (квалификационные группы). Для понимания графика нужно учитывать следующее: расстояние между данными одного типа свидетельствует о качестве связи между ними (чем меньше расстояние, тем

связь сильнее, чем больше — тем слабее); сила связи между данными разных типов устанавливается на основе размера угла между двумя точками (относящихся к разным типам данных), вершина которого расположена в центре тяжести графика — точке пересечения осей; острый угол свидетельствует о положительной корреляции (чем меньше угол, тем выше корреляция); тупой угол — об отрицательной корреляции; прямой угол — об отсутствии корреляции [Там же: 570–571].

На рисунке видно, что ось ОХ может быть определена как шкала, фиксирующая уровень квалификации: слева — начальная (магистранты), справа — наиболее высокая (профессора). Центр шкалы соответствует квалификации доцентов.

Ось ОУ интерпретируется сложнее, так как ее основу составляют многочисленные семантические поля, неоднородно распределенные в данном признаковом пространстве. В области центра оси ОУ располагаются поля, в наибольшей мере относящиеся к профессиональной деятельности лингвиста. Так, поле «профессиональная сфера» характеризует профессиональную деятельность как таковую, поэтому располагается наиболее близко к центру графика (0; 0). Вокруг данного поля располагаются и другие поля, раскрывающие содер-

жание деятельности лингвиста: «речевая деятельность», «предметная область», «инструменты», «методы», «знание». Сверху от данной области находятся семантические поля, характеризующие профессиональную (научную и образовательную) деятельность и ее результаты: «учебная деятельность», «научная деятельность», «результаты научной деятельности», «учебные материалы» и др. Напротив, в нижней части графика (по оси ОУ) располагаются поля, связанные с субъективным переживанием, осмыслением и оценкой окружающей действительности: «эмоционально-оценочная сфера», «интеллектуальная сфера», «духовно-нравственная сфера». Заметим, что в качестве основы для интерпретации осей признакового пространства учитываются в первую очередь высокочастотные семантические поля. Низкочастотные поля могут либо встраиваться в логику интерпретации (например, поле «физические ощущения», расположенное в нижней части оси ОУ), либо игнорировать ее (например, поле «я» в верхней части графика). Поэтому ось ОУ можно интерпретировать как шкалу объективации: от субъективных переживаний/осмыслений/оценок к объективированию их в деятельности и далее — в результатах этой деятельности.

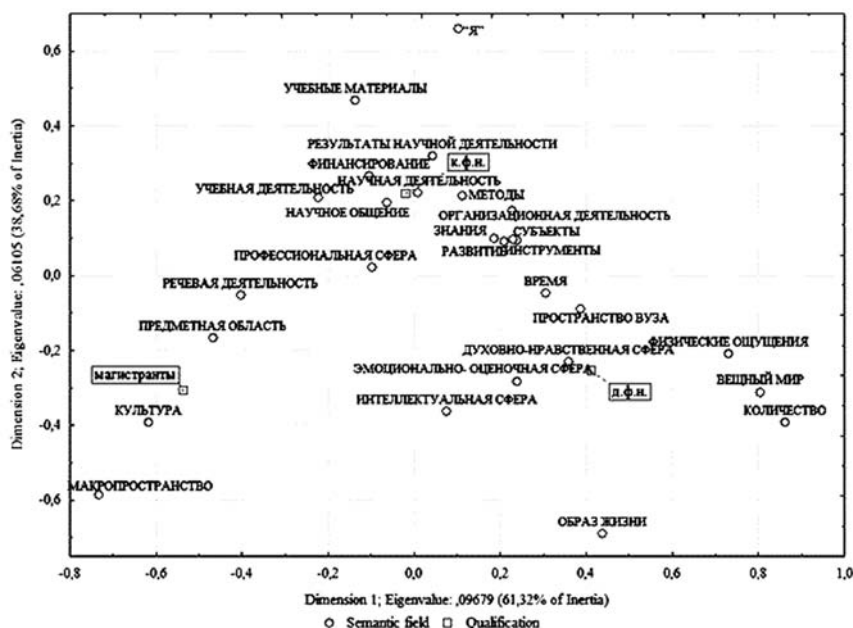

Рис. Распределение семантических полей и социальных групп в двухмерном пространстве

Интересно, что поля «интеллектуальная сфера» и «результаты научной деятельности» не связаны непосредственно: интеллектуальная деятельность мыслится вне конечной объективации (например, в виде научных статей). Она гораздо шире, охватывает не только собственно научную деятельность; скорее ее можно понять как определенный «образ жизни», создающийся «интеллектуальной сферой», «эмоционально-оценочной сферой» и «духовно-нравственной сферой».

Противопоставление двух групп респондентов (доктора и кандидаты наук) — это противопоставление двух образов профессиональной деятельности, тех доминант, которые создаются и осознаются наиболее значимыми. В этой связи интересно, что область субъективного начала, характерная для докторов наук, преломляется в объективный надличностный «образ жизни»; и наоборот, область объективного, репрезентирующая образ профессии у кандидатов наук, в своей крайней точке субъективируется в семантическом поле «я».

Что касается группы магистрантов, то для них характерно только погружение в «предметную область» и «речевую деятельность». Остальные аспекты профессиональной деятельности, как объективные, так и субъективные, данная группа еще не включила в свое жизненное пространство.

Выводы

Семантическое моделирование образа профессии, основанное на результатах ассоциативного цепочечного эксперимента 34 информантов, позволило рассматривать в качестве конститuentов образа семантические поля и их конфигурации. Основу профессиональной деятельности преподавателя лингвиста составляют два вида деятельности — наука и преподавание. Однако структура образа профессиональной деятельности перестраивается в зависимости от группы респондентов и оказывается разной у магистрантов, кандидатов наук и докторов наук. Так, образ профессии у магистрантов формируется за счет активного обращения к лексике, характеризующей предмет лингвистики (и частных лингвистических исследований), а также связанной

с различными речевыми стратегиями, необходимыми в профессиональной деятельности. Образ профессии у кандидатов наук, помимо собственно языковедческих реалий, включает саморефлексию, общение с другими коллегами и в целом может характеризоваться как активный, динамичный, охватывающий различные аспекты научной, учебной и организационной деятельности. Образ профессиональной деятельности лингвиста, с точки зрения докторов наук, предстает как единство противоположностей — духовного и физического начал.

Использование анализа соответствий позволило уточнить конфигурации семантических полей, создающих образ профессии каждой из трех квалификационных групп. Было установлено, что семантические поля распределяются в двумерном признаковом пространстве, оси которого можно проинтерпретировать следующим образом: ОХ — ось квалификации (магистранты, кандидаты наук и доктора наук) и ОУ — ось субъективации/объективации, фиксирующая реакции информантов от субъективных переживаний/осмыслений/оценок к объективированию их в деятельности и в результатах этой деятельности (статьи, учебники, монографии и под.). При этом интеллектуальная деятельность мыслится вне конечной объективации. Она гораздо шире, охватывает не только собственно научную деятельность; скорее ее можно понять как определенный стиль жизни.

Противопоставление двух образов профессиональной деятельности: «объективированного», характерного для кандидатов наук, и «субъективированного», воплощенного в представлениях о профессии докторов наук, оказывается значительно сложнее: объективированные результаты деятельности и сама деятельность рассматриваются с позиции личностного «я», а субъективированные акты мыслительной, эмоциональной и духовно-нравственной деятельности — в контексте надличностного образа жизни.

Благодарности

Авторы статьи выражают благодарность всем информантам, принявшим участие в исследовании, а также РГНФ за поддержку исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов К. И. Экспериментальная лингвистика и сетевая наука // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 21–31.
2. Боровиков В. STATISTICA. Искусство анализа данных на компьютере: для профессионалов. СПб., 2003.
3. Ерофеева Е. В., Пепеляева Е. А. Структура семантического поля «Человек» в сознании носителей русского языка // Вестн. Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2011. № 1(13). С. 7–19.
4. Климов Е. А. Психология профессионала. М.; Воронеж, 1996.
5. Мозер К. Психология маркетинга и рекламы. Харьков, 2004.
6. Ahva L. Public journalism and professional reflexivity // Journalism. 2013. Vol. 14. P. 790–806.
7. Aldridge M., Evetts J. Rethinking the concept of professionalism: the case of journalism // British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54(4). P. 547–564.

8. Arnon S., Reichel N. Who is the ideal teacher? Am I? Similarity and difference in perception of students of education regarding the qualities of a good teacher and of their own qualities as teachers // Teachers and Teaching: theory and practice. 2007. Vol. 13(5). P. 441–464.

9. Fealy G. M. 'The good nurse': visions and values in images of the nurse // Journal of Advanced Nursing. 2004. Vol. 46(6). P. 649–656.

10. Fletcher K. Image: changing how women nurses think about themselves. Literature review // Journal of Advanced Nursing. 2007. Vol. 58(3). P. 207–215.

11. LeCroy C. W., Stinson E. L. The Public's Perception of Social Work: Is It What We Think It Is? // Social Work. 2004. Vol. 49(2). P. 164–174.

12. Miller L. The self-image of the library profession // International Library Review. 1989. Vol. 21(2). P. 141–155.

13. Scherz Z., Oren M. How to change students' images of science and technology // Science Education. 2006. Vol. 90(6). P. 965–985.

[хроника]

ХII «СМОРОДИНА» — МЕЖВУЗОВСКАЯ ОЛИМПИАДА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

*Народная, вкусная, олимпиада по русскому
Русские традиции — русская «СМОРОДИНА»
(из слоганов к Олимпиаде)*

В Красноярске собран урожай смородины: награждены победители Олимпиады по русскому языку «СМОРОДИНА».

Студенческая межвузовская Олимпиада по русскому языку «СМОРОДИНА» успешно завершилась 28 ноября 2015 года в Сибирском государственном аэрокосмическом университете имени академика М. Ф. Решетнева в Красноярске.

На площадках СибГАУ встретились команды Сибирского юридического института ФСКН РФ, Сибирской пожарно-спасательной академии МЧС России (г. Железнодорожск), Института космических и информационных технологий СФУ, Красноярской государственной академии музыки и театра, школы № 65 и лицея № 3, Аэрокосмического колледжа, Института информатики и телекоммуникаций и гуманитарного факультета СибГАУ. Они достойно выступили во всех испытаниях Олимпиады, включая творческий конкурс.

Участники Олимпиады проверили свои силы в написании диктанта (был предложен непростой текст Василия Белова о частушке), в сочинении частушки по предложенной истории, объяснении значений некоторых слов.

Ответственная за проведение Олимпиады, старший преподаватель Елена Ивановна Лоцан говорит: «Мне нравится игра на Олимпиаде, ведь это живое творчество народа, русский фольклор». Егор Жулдыбин, один из победителей Олимпиады: «Прошла Олимпиада, Собрали урожай, СМОРОДИНА сплотила, Теперь частушку знай!»

Надо было опознать также исторические ситуации, о которых рассказывается в частушках. Наконец, все участники сошлись в мегаконкурсе Олимпиады — *частушка-баттле*.

По итогам финального этапа Олимпиады стали известны победители номинаций: *Техника на службе творче-*

ства — Аэрокосмический колледж СибГАУ; *Креативный русский* — гуманитарный факультет СибГАУ; *Правильное русское письмо* — Дрынь Яна (ГФ СибГАУ); *Поэзия родного языка* — Аэрокосмический колледж СибГАУ; *Мастерство литературной трансформации* — ИИТК СибГАУ; *Олицетворение русского духа* — КГАМиТ; *Преданность жанру* — СПСА МЧС России, г. Железнодорожск; *Золотой голос* — Сибирский юридический институт ФСКН России; *Золотой каблучок* — школа № 65; *Память слова* — Федоров Михаил (ФММ СибГАУ); *Мастер частушки* — Шелехов Максим (ИИТК СибГАУ), Жулдыбин Егор (ГФ СибГАУ), Леванович Сергей (ФММ СибГАУ).

Партнёрами ХII Олимпиады «СМОРОДИНА» стали журнал «Русский мир.ru», красноярская Группа компаний «Командор», ОАО «РусГидро», пиццерия «Милано», компания АМИКО (питьевая вода «Талица»), Театр оперы и балета, компания «TRUE QUESTS», компания «5,5 специй», Котокафе «Кис-Кис», порталы «Грамота.ru», *gramma.ru*, газета «Городские новости», радиостанция «Россия 1 Красноярск».

Участники Олимпиады поблагодарили организаторов и партнеров за великолепную возможность соприкосновения с русской культурой и языком. Эти дни были не просто праздником, они стали настоящим событием. Ведь русский язык — мировой язык, язык самой большой страны в мире, мелодичный, как песня. Все, кто изучает русский язык, имеют тёплую душу, а частушка — теплый и задорный жанр.

Олимпиада входит в план мероприятий Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ) на 2015 год.

Организатор Олимпиады — кафедра общественных связей гуманитарного факультета СибГАУ.

Подробности см. на сайте Олимпиады «СМОРОДИНА» — *rusolimp.sibsau.ru* и в социальных сетях.

А. В. Голубева

АУТЕНТИЧНЫЕ РЕЧЕВЫЕ СИТУАЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

ANNA V. GOLUBEVA

AUTHENTIC SPEECH SITUATIONS AS A BASIS FOR COMMUNICATIVE TEACHING
OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Установка «Общеввропейских компетенций» на опору в учебном процессе на аутентичные речевые ситуации ставит перед преподавателем ряд сложных методических задач, среди которых — отбор аутентичных текстов и их методическая обработка для разных уровней обучения. В статье рассматриваются подходы к работе с достаточно сложными, но стимулирующими естественную коммуникацию текстами, по отношению к которым на начальном и основном этапах обучения меняется как характер чтения (поисковое и с полным пониманием), так и содержание всех видов работы с ними. Доказывается, что именно включённость в аутентичные речевые ситуации определяет полезность текста для «присвоения» языка, для развития коммуникативной компетенции, позволяя преодолеть языковые и содержательные сложности.

Ключевые слова: речевая ситуация, русский язык как иностранный, аутентичный, коммуникативное преподавание.

Since the “Common European Framework of Reference” prescribes authentic speech situations as a basis for language teaching process, the teacher confronts with a number of complex methodological problems, including selection of authentic texts and their methodological processing for different levels of education. The article discusses working with complicated, but stimulating natural communication texts, changing the nature and content of reading at the initial and primary stages of education in the direction of full understanding. The author proves that involvement into authentic speech situations defines the usefulness of a text for the “appropriation” of its language, for the development of communicative competence, and for overcoming of language and content difficulties.

Keywords: speech situation, Russian as a foreign language, authentic, communication teaching.

Анна Владимировна Голубева

Кандидат филологических наук,
главный редактор

Издательство «Златоуст»

Каменноостровский пр. 24, оф. 24,
Санкт-Петербург, 197101, Россия

▶ avg@zlat.spb.ru

Anna V. Golubeva

Zlatoust Publishing House

of. 24, 24 Kamennooostrovsky pr.,
St. Petersburg, 197101, Russia

Преподавание иностранных языков в Европе развивается последние пятнадцать лет под воздействием принципов, описанных в «Общеввропейских компетенциях»¹, разработанных департаментом языковой и молодежной политики Совета Европы. Россия не является исключением, поскольку давно стала активным членом этой структуры. Среди основных положений ОК тезис о том, что учебный процесс должен опираться на аутентичные речевые ситуации.

В этой связи можно без конца иронизировать по поводу некорректной речи иностранцев, изучавших язык в стерильных учебных условиях. Вспомним только классические примеры Е. Верещагина²: *Студент преподавателю в столовой: Это место свободно? Вы уже пожрали? Или письмо немецкого офицера девушке о его любви к России: О, эти замерзлые реки, этот душлистый жар песчаных степей, где так недавно орды харчевников разводили огни своих костров...* Или услышанное мной на официальном приеме делегации российских предпринимателей

в Госдепартаменте США приветствие: *Привет, ребята!* Каждый преподаватель РКИ легко приведет аналогичные высказывания своих учеников. Вывод же напрашивается один: некритично воспринятый инпут рождает у учащихся, не имевших «прививки» в виде опыта анализа аутентичных речевых ситуаций, вполне объяснимые проблемы при продукции собственных текстов — и неизбежные проблемы при коммуникации.

Теоретические истоки подходов, исповедуемых авторами «общеευропейских компетенций», легко восстановимы. Прежде всего, это работы Д. Хаймса, отмечавшего что коммуникативная компетенция — это внутреннее знание ситуационной уместности языка³. Упомянем также работы С. Крашена⁴, замечавшего, что характерными чертами коммуникативной деятельности являются информационный пробел (information gap), обратная связь (feedback), выбор (choice), свобода варьирования формы и аутентичность материалов, *аутентичные речевые ситуации*.

Информационный пробел существует тогда, когда один человек знает что-то, чего не знает другой. Так, если оба собеседника знают, какой сегодня день недели, например, то вопрос и ответ на эту тему не является коммуникативной деятельностью. Псевдокоммуникативными, с этой точки зрения, следует считать и разнообразные пересказы одного текста, прочитанного всеми в классе, и многие другие привычные упражнения.

Обратная связь подразумевает получение сигнала от реципиента, что речевое сообщение, полученное им, понято, то есть предполагает реакцию на прослушанное, прочитанное. Эту мысль встречаем, кстати, и у М. М. Бахтина⁵: «Высказывание с самого начала строится с учётом ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создаётся».

Выбор означает свободу варьирования формы для выражения того или иного коммуникативного намерения, другими словами, говорящий имеет выбор: что сказать и как об этом сказать. Следовательно, попытки учителя добиться спрогнозированного им варианта языковой формы, строго говоря, противоречат идее коммуникативности.

Аутентичность материалов является, пожалуй, самой признанной характеристикой современного обучения иностранным языкам, все более проникающей в альтернативные учебники.

Остановимся подробнее на понятии речевой ситуации и уже — аутентичной речевой ситуации. Само понятие «речевая ситуация» было введено Дж. Остином⁶, заложившим основы теории речевых актов в своих оксфордских лекциях второй половины 1950-х годов, и с тех пор является базовым понятием лингвопрагматики. Последняя изучает, как человек использует язык для воздействия на адресата (воспринимающего речь) и как ведет себя в процессе речевого общения. Под *речевой ситуацией* нами будет пониматься ситуация, «составляющая контекст высказывания, порожденная в речевом акте. Высказывание делается в определенном месте, в определенное время и имеет определенный набор участников — говорящий (субъект речи) и слушающий (адресат)»⁷. Традиционно выделяются следующие признаки речевой ситуации:

- Участники общения: кто с кем при ком?
- Условия общения (место и время, форма): где и когда, посредством чего?
- Предмет общения: о чем и что говорится?
- Цели общения: зачем?

Для соотношения различных ситуаций общения, с одной стороны, и разных языковых подсистем и стилей, с другой, отмечена следующая закономерность: чем жестче установлены обществом требования, предъявляемые к данной ситуации и к проигрываемым в этой ситуации ролям, тем уже стилистические рамки речи. В идеале навыки анализа контекста должны формироваться при общении на родном языке, если же родная культура учащегося не является настолько контекстно зависимой, как русская⁸, то перед преподавателем (а также авторами учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному) встает задача формирования этих навыков при общении на иностранном языке.

Так, уже при знакомстве с местоимениями *ты* и *вы* в функции вежливой формы, т. е. на самом начальном этапе, учащийся должен научиться обращать внимание на то, кто и с кем

общается, каков социальный статус участников общения (в том числе пол и возраст). На более высоких уровнях коммуникативной компетенции от него потребуются варьировать средства выражения в зависимости от количества и состава участников общения, наличия или отсутствия третьих лиц при разговоре — умение, которым многие носители русского как родного не овладевают до конца дней своих.

Условия общения (место и время, опосредованное или непосредственное общение, отсроченное или одномоментное) теоретически тоже не могут игнорироваться в реальной жизни, но зачастую в поступающих в наше издательство рукописях мы сталкиваемся с принципиальным непониманием различий между устным и письменным текстом даже опытными преподавателями. Самый простой пример — употребление авторами заданий *Прочитайте / Прслушайте текст* как полностью взаимозаменяемых при одном и том же тексте, предлагаемом для рецепции, несмотря на давно отмеченную разницу в когнитивных механизмах, задействованных при чтении и при аудировании.

Предмет общения оказывает существенное влияние на построение речи. Говорящий на любом языке не может не задаваться хоть изредка вопросом, совпадают ли позиции и пресуппозиции участников общения? Проще говоря, взаимен ли у собеседников интерес к предмету и знание о нем? В этой связи преподавателю на уроке (автору в учебнике) тоже полезно иногда спрашивать себя, насколько реален в принципе предлагаемый на нашем уроке в учебных целях предмет общения? Или в этих целях он сознательно (именно сознательно, а не по инерции) допускает диалоги, подобные описанному Льюисом Кэрроллом в известном сюжете о безумном чаепитии:

— ...А еще они рисовали... всякую всячину... все, что начинается на М.

— Почему на М? — спросила Алиса.

— А почему бы и нет? — спросил Мартовский Заяц. Алиса промолчала.

На уровне В2 и выше от учащегося требуется определять не только ближайшие цели говорящего (пишущего), выраженные в тексте,

но и отдаленные, содержащиеся в подтексте, — и при этом не привносить в авторский текст ничего лишнего. А при построении собственной речи задумываться, будет или нет реакция на сказанное (написанное)? Ожидаема ли полученная реакция и почему возможны несовпадения?

Вспомнив зарубежных исследователей, занимавшихся лингвопрагматикой, мы хотели бы напомнить и то, что идея подачи языкового материала в четко обозначенной речевой ситуации была сформулирована еще в 1967 году Е. И. Пассовым⁹. Мы имеем в виду его *гипотезу о переносе речевых навыков*, подтвержденную дальнейшей экспериментальной работой исследователя. Данная гипотеза возникла после осознания того, что **речевые** навыки в принципе отличаются от двигательных, которыми по сути и занималась психология, перенося закономерности их формирования на речевые процессы (схема: первичные умения — навыки — вторичные умения). Осознание идеи своеобразия речевых навыков было подкреплено экспериментом, доказавшим, что речевые навыки характеризуются двумя «родовыми» чертами: маркированностью речевой задачей и маркированностью ситуацией как системой взаимоотношений. Данные свойства двигательным навыкам не присущи. Отсюда последовал важный вывод, что поистине речевой навык может быть создан только в речевых условиях, главными из которых являются: наличие речевой задачи у учащегося в процессе выполнения упражнений для формирования навыков и соотнесенность его высказываний с ситуацией общения. Навык, созданный из первичного умения, может обладать автоматизированностью, но не гибкостью, т. е. не будет способен к переносу в речевые условия. В связи с этим гипотеза заключалась в следующем: чем более адекватны условия формирования речевых навыков условиям реального общения, тем выше уровень переноса. Можно только сожалеть, что столь плодотворная идея несколько опередила свое время и не нашла тогда широкого применения в практике создания учебных пособий.

Какие еще теории повлияли на современные европейские подходы к преподаванию ино-

странных языков? Ни одна из работ, касающихся развития методики во второй половине XX века, не обходится без упоминания гипотезы критического инпута того же С. Крашена¹⁰. Согласно этой гипотезе, на эффективность аутпута напрямую влияет уровень инпута: важнейшим условием «приобретения», усвоения языка является ввод информации на одну ступеньку выше полной доступности, по формуле $i + 1$, где i — понятная информация. Эта гипотеза в полной мере согласуется с положением теории информации, согласно которому для коммуникации необходимо сочетание в информации известного и нового, и с тезисом о важности информационных пробелов при коммуникации самого Крашена. Исследователь настаивал на важности «естественного» порядка освоения языка (Natural Order Hypothesis), предполагающего на начальном этапе прежде всего рецепцию и только потом неспешный переход к продуктивным видам речевой деятельности. Согласно Крашену, придавая большое значение «изучению» языка, мы нарушаем естественный порядок «приобретения», поскольку некоторые структуры, усваиваемые естественным путем, имеют самые сложные правила употребления. Следовательно, грамматическая последовательность материала имеет, с точки зрения ученого, мало пользы, материал должен градуироваться по степени «понимаемости» (comprehensibility), чтобы усилить «приобретение».

Перейдем теперь к описанию того, как понимается в «Общевропейских компетенциях» аутентичная речевая ситуация¹¹. Важнейшие ее признаки следующие:

- А) имеет конечную цель общения и достигнутый результат в виде рецепции или продукции, в том числе невербальный продукт;
- Б) достижение этой цели представляет реальный интерес для участников общения;
- В) эти участники могут выражать собственные идеи и эмоции;
- Г) при этом в результате общения восполняются информационные лакуны у обеих сторон;
- Д) эти лакуны и являются естественным поводом для общения.

Никаких упрощений не допускается, решение проблем в общении должно происходить путем использования компенсационных стратегий.

Задача преподавателя — или автора учебника — предложить учащимся описания значительного числа модельных аутентичных речевых ситуаций. Кстати, при их отборе нелишне вспомнить, что естественным поводом для общения могут быть не только информационные лакуны, но и интерес к собеседнику, теме и др.

При такой постановке задачи на начальном этапе обучения преподавателю придется решать для себя нелегкую дилемму: отбирать только простые по языку аутентичные тексты (идти по пути наименьшего сопротивления) или оперировать типами заданий, которые выполнимы при работе с достаточно сложными, но стимулирующими естественную коммуникацию текстами (что потребует от преподавателя значительной внутренней перестройки)? Нам представляется, что уровень, для которого пригоден текст, определяется знакомством учащегося с темой, его мотивацией, а также типами заданий и видом чтения (аудирования). Длина текста, его языковая сложность менее важны. Облегчить же понимание может знакомая речевая ситуация.

Проиллюстрируем эту мысль на примере работы с конкретным текстом: **Нормативы ГМО. Трансгенные продукты нуждаются в присмотре**¹². Позволим себе не приводить текст статьи, т. к. она есть в свободном доступе на сайте газеты. Покажем, как могут изменяться задания на уровнях А2 и В2.

Конечно, нас привлекла прежде всего тема текста, которая актуальна не только для специалистов. С большой вероятностью можно предполагать, что о трансгенных продуктах наши учащиеся на бытовательском уровне уже слышаны, тема здорового питания их волнует, но в то же время вряд ли неспециалисты разбираются в сути вопроса. Мы хотели бы показать нашим учащимся (цель использования текста), что они уже на начальном этапе изучения русского языка могут хотя бы в минимальной степени восполнить свой информационный пробел по представляющей для них интерес теме именно на русском языке, если будут пользоваться нужным видом чтения.

Для начала рассмотрим возможную работу на уровне А2. Перед тем как начать разработ-

ку заданий к любому тексту, мы рекомендовали бы вспомнить требования «Общеввропейских компетенций» к тем видам речевой деятельности, которые вы будете развивать в ваших заданиях, и к тому уровню, который соответствует вашим учащимся. Так, чтение на уровне А2 предполагает следующее: «Я понимаю очень короткие простые тексты. Я могу найти **конкретную, легко предсказуемую** (выделено мною. — А. Г.) информацию в простых текстах повседневного общения: в рекламах, проспектах, меню, расписаниях. Я понимаю простые письма личного характера». Рекомендуемые виды чтения для этого уровня — с общим охватом содержания или поисковое (т. е. читающим изначально предполагается, что нужная информация точно есть в тексте). На первый взгляд может показаться, что предлагаемый текст непомерно сложен для начальных уровней: он большой, лексически насыщенный, включает множество не знакомых учащимся синтаксических конструкций. Но ведь в реальной жизни в инструментальных целях нам нередко приходится использовать иностранный язык, которым мы владеем на уровне, далеком от В2 и выше. Вспоминаются в этой связи слова академika В. Г. Костомарова, который как-то обронил примерно следующее: «Французский язык я знаю плохо, ну детективы могу читать, специальную литературу...»

Мы предложили бы использовать указанную статью для *поискового* чтения. Этот вид чтения позволяет привлекать тексты большего объема и учит отвлекаться от лишней информации. Навыки поискового чтения среди прочего весьма полезны для использования языка в специальных целях.

Целью **предтекстовой работы** должны стать прежде всего активизация фоновых знаний учащихся на родном языке и запуск механизмов вероятностного прогнозирования, что не исключает также снятия языковых трудностей. Возможные примеры заданий:

- Прочитайте заголовок текста. На основе интернационализмов попробуйте догадаться, о чем он.
- Уточните значение следующих сокращений:
ГМО = трансгенные продукты
РАН — Российская академия наук

млн — миллион

га — гектар

- *Беседа на родном языке учащихся:* На продуктах в магазинах России можно прочитать: Без ГМО. У вас в стране пишут на продуктах такую информацию? Почему? Как вы думаете, ГМО опасны? Вы покупаете продукты с ГМО?
- Найдите и покажите на карте мира страны: США, Бразилия, Аргентина, Индия, Китай, Канада, Франция, Австрия. Как вы думаете, почему эти страны мы вспомнили в связи с проблемой ГМО?

Притекстовые задания предполагают не только собственно чтение текста, но и анализ его элементов, в том числе с элементами техники текст-маппинга. В нашем случае анализ предполагает поиск обязательных элементов любой статьи (автор, дата и т. п.), а также числовых данных и имен собственных, которые на уровне А2 взрослые учащиеся уже могут выделить (конкретная, легко предсказуемая информация). Важно, что задание на чтение обязательно включает указание жанра текста и его источник, т. к. в таком случае мы помещаем неопределенный, незнакомый текст в конкретный, понятный учащемуся и вполне аутентичный контекст, например:

- Перед вами *статья-интервью из газеты РАН «Поиск»*. Это статья о плюсах и минусах ГМО. Самая важная информация находится обычно в начале и конце статьи. Просмотрите статью и выделите в ней разными маркерами ответы на вопросы:
 - А) Когда вышла газета с этой статьей?
 - Б) Кто написал эту статью?
 - В) У кого журналист взял интервью, кто отвечал на вопросы журналиста?
- Просмотрите статью и выделите в ней ответы на вопросы:
 - А) Сколько миллионов гектар земли в мире занято под ГМО?
 - Б) В каких странах используют ГМО?
 - В) Какая страна лидирует в мире по площади, которую используют под ГМО?
 - Г) Сколько миллионов фермеров в мире выращивает ГМ-культуры?
 - Д) Что думает герой интервью о ГМО: они опасны или нет?
- Просмотрите статью еще раз. Обратите внимание на слова, написанные латиницей. Что это за слова? Как вы думаете, почему они так написаны? (Задания подобного рода учат обращать внимание на формальные детали, которые могут быть важны для понимания смысла).

Послетекстовые задания характеризуются тем, что они должны быть невыполнимы в принципе без предварительного извлечения информации из текста, иначе зачем читать текст, кроме как «для преподавателя»? Напомним, что аутентичная речевая ситуация предполагает наличие собственного интереса у учащихся к выполнению заданий. При составлении послетекстовых заданий преподавателю труднее всего не забыть о цели чтения предложенного текста (мы предполагаем, что такая методическая цель была сформулирована изначально). Поскольку нашей целью при работе с данным текстом было только понимание и извлечение запрошенной информации, для нас не важен выход в продуктивные виды деятельности на русском языке, мы вполне можем ограничиться проверкой понимания на родном языке учащихся (языке-посреднике) или предложить неречевые задания, например на переработку информации текста в графическую форму:

- На основании статьи составьте диаграмму о том, в каких странах используют ГМО.
- Подготовьте краткую аннотацию этого интервью на родном языке.

Приведенную статью мы можем использовать и на уровне В2. Опять вспомним требования к уровню: «Я понимаю статьи и сообщения по современной проблематике, авторы которых занимают особую позицию или высказывают особую точку зрения. Я понимаю современную художественную прозу». Уровень предполагает владение всеми видами чтения (в том числе полное понимание).

В качестве **предтекстовой работы** можно предложить беседу уже на русском языке: Интересует ли вас качество продуктов, которые вы едите? На продуктах в магазинах России можно прочитать: Без ГМО. У вас в стране пишут на продуктах такую информацию? Почему? Как вы думаете, ГМО опасны? Вы покупаете продукты с ГМО? Почему появились ГМО? Готовы ли вы платить дополнительно за так называемые натуральные продукты, или продукты органического земледелия?

Притекст также изменится:

- Перед вами статья-интервью из газеты РАН «Поиск» о плюсах и минусах ГМО со специалистом-биологом. Прочитайте статью и ответьте на вопросы:

Почему ученые стали разрабатывать ГМО?

Какие маркетинговые ходы используют компании-разработчики?

В чем экономический эффект ГМО?

Есть ли опасность в использовании ГМО?

Какие меры могут снизить опасность их использования?

Как в интервью оцениваются перспективы разработки ГМО?

Возможно неоднократное прочтение текста с разными установками:

- Прочитайте статью еще раз и выпишите из нее аргументы в пользу ГМО и против них.
- Перечитайте реплики журналиста. Как они отражают степень его знакомства с темой? Почему он не только задает вопросы? Как изменился бы текст интервью, если бы журналист не подготовился к встрече?

Наконец, **послетекстовые задания** направлены в этом случае уже на продукцию на основе полученной информации, причем мы опять подробно описываем предполагаемый контекст порождаемых учащимися текстов и уже в большей степени рассчитываем на выражение личного мнения, на обратную связь:

- Обсудите в парах прочитанное интервью. Какие аргументы показались вам убедительными, а какие — нет? Сформулируйте свою позицию по затронутой проблеме.
- На материале интервью подготовьте краткое выступление по проблеме для школьников, не знакомых с генетикой.
- В мини-группах: Подготовьте и разыграйте (запишите на диктофон) 10-минутное радиоинтервью с представителем компании Монсанта о развитии рынка ГМО. Не избегайте острых вопросов! Выступите в роли радиослушателей, которые звонят на студию с вопросами представителю компании.

Подводя итоги сказанному, повторим, что уровень, для которого пригоден текст, определяется прежде всего знакомством учащегося с темой, его мотивацией, а также типами заданий и видом чтения (аудирования). Длина текста, его языковая сложность менее важны: текст для чтения будет даже более полезен для «присвоения» языка, для развития коммуникативной компетенции, если он несколько сложнее, чем текущий уровень учащегося. Облегчить понимание

достаточно сложного аутентичного текста могут аутентичные речевые ситуации. Разработка учебных материалов на их основе отвечает и отечественным методическим теориям, и современным европейским требованиям к преподаванию иностранных языков, и потребностям учащихся, поэтому она представляет собой перспективное и востребованное направление для преподавателей, желающих попробовать свои силы в качестве авторов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Общеввропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка (Common European Framework of Reference, CEFR). Страсбург, 2003.

² *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М., 1973.

³ *Hymes D. H.* On Communicative Competence // J. B. Pride and J. Holmes (eds) Sociolinguistics. Selected Readings. Harmondsworth, 1972. P. 269–293 (Part 2).

⁴ *Krashen St. D.* Principles and Practice in Second Language Acquisition. Prentice-Hall International, 1987.

⁵ *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.

⁶ *Austin J. L.* 1962. How to do things with words. London: Oxford University Press, p. 1.

⁷ Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Караулов Ю.Н. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.

⁸ О классификации культур по отношению к контексту см.: *Льюис Р.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию / Пер с англ. 2-е изд. М., 2001.

⁹ *Пассов Е. И.* Грамматический навык и его перенос // Матер. симпозиума «Поиски оптимальных методов обучения иностранным языкам». Вып. 1. Воронеж, 1968. С. 143–146. Изложение см. также: *Пассов Е. И.* Методика как наука будущего. Краткая версия новой концепции. СПб., 2015.

¹⁰ *Krashen St. D.* Ibid.

¹¹ Общеввропейские компетенции...

¹² См.: газета «Поиск», раздел «Наука». 2014. № 49. — URL: <http://www.poisknews.ru/>

[хроника]

РАБОТА С ТЕКСТАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО СТИЛЕЙ...

(Начало на с. 48, 64. Окончание на с. 105)

верситета Д. А. Шукиной «Современные российские книги, рекомендуемые к прочтению студентам технического вуза», анализировались художественные тексты с документальной основой, которые могут привлечь внимание студенческой аудитории. Выступление доцента Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина Е. С. Богдановой было посвящено осмыслению важности словарно-лексической работы при формировании навыка смыслового чтения старшеклассников в условиях современной языковой ситуации. Значительный интерес и вопросы у слушателей вызвал доклад доцента Горного университета О. Г. Згурской «Рождение когнитивного сценария в повести А. С. Пушкина „Пиковая дама“». В сообщении доцента Вятского государственного университета А. А. Злобина исследовалась специфика развития агиографического жанра в Древней Руси, его связь с византийским агиографическим канонам, а также рассматривались особенности первого преподобнического жития на Руси.

Самой большой и разнообразной была секция, в которой участники обсудили актуальные проблемы теории и практики преподавания РКИ. Важную проблему распространения и популяризации русского языка поднял доцент СПбГУ И. А. Бойцов, в докладе которого на основе социологического опроса различных возрастных групп были определены взгляды венгров на современную Россию. К разработке теоретических подходов и описанию порядка слов в русском предложении обратились доценты СПбГУ Л. Г. Беликова и И. Н. Ерофеева. По их мнению, имеющиеся практические

пособия, посвященные рассматриваемому вопросу, не отвечают требованиям обучению РКИ, однако достаточно востребованы в иностранной аудитории. О необходимости разработки национально ориентированных субтестов по фонетике говорила профессор СПбГУ Н. Л. Федотова. Продолжила тему создания тестов докладчик Т. А. Клёнова, она акцентировала внимание слушателей на важности создания модуля «военный профиль» в системе ТРКИ. О необходимости обучать различению и использованию в речи интонационных фразеологизмов говорила ст. преп. СПбГУ М. В. Архипецкая. С ее точки зрения, интонационная вариативность напрямую связана с экспрессией в спонтанной разговорной речи. Опыт работы над речевыми экспрессивными единицами поделалась профессор СПбГУ Н. В. Богданова-Бегларян, слушателям были продемонстрированы студенческие работы, в которых анализировалась семантика междометий. Во время работы секции состоялся телемост с Бразилией, где коллеги занимаются анализом текстов средств массовой информации. Участники конференции представили методические приемы и практические материалы в следующих аспектах: содержание программы спецкурса «Концептосфера русского языка», подготовленной авторским коллективом СПбГУ (доклад профессора Е. И. Зиновьевой); инновационный словарь пословиц, разработанный коллегами из Эстонии (доклад Ая Урве); словарь терминологической лексики (технический профиль) (доклад О. И. Талис); материалы по чтению (доклад О. А. Николаевой, Ивановский филиал Российского экономического универси-

ПРИНЦИПЫ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

IRINA A. GONCHAR

THE PRINCIPLES OF FOREIGN TEXT LISTENING COMPREHENSION TEACHING

В статье автор продолжает развивать теоретические основы обучения аудированию иноязычного текста и посвящает данную публикацию обоснованию трех основополагающих принципов построения учебной деятельности: 1) исключения письменной опоры; 2) использования валидных текстов; 3) системности и систематичности в реализации первых двух, без соблюдения которых невозможно эффективное формирование аудитивных умений.

Ключевые слова: аудирование, звучащий текст, закономерность, принцип.

The author proposes theoretical basis for teaching foreign language listening comprehension, and gives reasons for three major teaching principles: (1) no access to written text; (2) using only valid texts; (3) systematic approach. It is in the author's opinion, that without following these principles the efficient formation of listening skills is impossible.

Keywords: listening comprehension, audio text, regularity, principle.

В основе любого рода деятельности человека лежит стремление к получению оптимального результата. Путь к успеху предполагает выработку и соблюдение определенных регулирующих норм деятельности, которые складываются в процессе практики, корректируемой базовыми положениями методической науки, приобретая таким образом статус принципов. По утверждению Е. И. Пассова, принцип «понятие чисто гносеологическое. В природе принципов нет. Там есть закономерности, которые наука познаёт. А познав их, на их основе (и только так!) формулирует принципы. Таким образом, принцип — это закономерность, возведённая в ранг принципа. В этом случае принцип будет „работать“, как и закономерность, т. е. проявляться в данной сфере всегда и везде. Такова философская, методологическая основа определения принципа, что, кстати, и практически надёжно» [7: 9].

Исходя из данного понимания, методист должен добыть достаточное количество эмпирического материала, осмыслить его с общих дидактических позиций и лишь затем декларировать как принцип обучения. В нашем случае это условие выполняется: предлагаемым теоретическим положениям предшествовал значительный обучающий эксперимент (не менее 500 академических часов), который дал положительный результат.

Среди методических принципов, выделяемых на разных основаниях, одно положение принимается бесспорно: принципы бывают общими и частными. Первые «не зависят от целей и условий обучения, а их использование носит достаточно универсальный характер, в то время как

Ирина Александровна Гончар

Кандидат педагогических наук, доцент
кафедры русского языка
как иностранного и методики
его преподавания
Санкт-Петербургский
государственный университет
Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия
► goncharia@mail.ru

Irina A. Gonchar

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

вторые отражают специфические условия обучения и, следовательно, представляют собой конкретизацию, развитие общих М. п. о.»¹. Принципы обучения аудированию должны быть отнесены к частным разновидностям при соблюдении общих принципов в качестве исходных понятий.

Наблюдение за учебным процессом, за его объективными закономерностями в течение нескольких лет позволило нам сформулировать три принципа обучения аудированию иноязычного текста:

- 1) исключения письменной опоры;
- 2) использования валидных текстов;
- 3) системности и систематичности (в реализации первых двух).

Разумеется, этим не исчерпывается полнота «принципиального» списка, который может быть пополнен, однако абсолютная необходимость трёх указанных принципов была подтверждена практикой преподавания РКИ (в аспекте аудирования). *Первый из выдвигаемых принципов* касается исключительно аудирования и должен быть отнесён к частным, *второй*, с учётом текстоцентричности процесса обучения, — носит общеметодический характер, невзирая на то, что в списке Нового словаря <...> он как таковой не приводится; *третий* — выходит за рамки преподавания иностранных языков и является общим для любого вида целенаправленной человеческой деятельности, по-особому преломляясь в каждой сфере.

Отчасти данные принципы пересекаются с теми, которые ранее были сформулированы отечественными методистами, в частности И. М. Бим, в сфере обучения аудированию иноязычного текста, включающие такие пункты, как рассмотрение аудирования в качестве самостоятельного умения с выделением задач полного понимания и понимания основного содержания текста; строгий отбор текстов, обеспечение адекватности форм контроля понимания прослушанного, а также поэтапности в организации обучения аудированию и широкое использование технических средств [2]. Эти положения могут рассматриваться скорее как рекомендации, чем принципы.

Выдвигаемые нами три важнейших принципа обучения аудированию, повторим, основываются на определённых познанных закономерностях аудиторного учебного процесса. При их кажущейся очевидности на практике они постоянно нарушаются, в то время как, по нашим наблюдениям, именно их выполнение значительно сокращает путь к достижению цели: к совершенствованию аудитивных умений, т. е. способности воспринимать и понимать иноязычный звучащий текст.

Прокомментируем каждый из принципов подробнее.

1. «Закон объективного мира» таков, что глазом человек читает, а ухом — слушает. *Психофизиологические* механизмы восприятия информации у этих двух анализаторов — разные. Сама *физическая* природа воспринимаемой информации — разная: звучащий текст распространяется во времени, письменный — в пространстве. Следуя методическому правилу «чему учим, то и тренируем», для совершенствования аудитивных умений разумно развивать и тренировать фонематический слух, объём оперативной памяти, умения сегментирования звучащего потока и т. д., т. е. уделять внимание тем компонентам, которые входят в состав сложного аудитивного умения. На важность развития фонематического слуха (умения различать звуки речи и идентифицировать их с соответствующими фонемами) особо указывают методисты: это «необходимо не только для формирования адекватных акустико-артикуляционных образов, но и для использования эталонов, хранящихся в памяти, для распознавания новых сообщений» [1].

Всё это невозможно, если перед глазами лежит синхронный письменный текст (скрипт).

Не будем категорически отрицать пользы слушания с письменной опорой. Возможны задания, например, на сравнение устного и письменного вариантов, на поиск расхождений; на вписывание со слуха пропущенных в письменном тексте слов и выражений и др. Но они должны носить вспомогательный характер. Если мы придерживаемся принципа коммуникативности, суть которого состоит прежде всего в максимальном сближе-

нии аудиторной ситуации с ситуацией реальной жизни, то вряд ли сможем привести много примеров коммуникации, когда устная речь сопровождается письменной опорой. Лекция с презентацией? Но правильно выполненная презентация никогда не является вербальным синхронем текста лекции. Бегущая строка на телевидении в новостных передачах, титры перевода на экране при просмотре художественного фильма? Возможно, эта своеобразная «подпорка» облегчает восприятие и понимание «звука», но развитию и совершенствованию базовых компонентов сложного аудитивного умения не способствует. Это долгий и трудный процесс. Его эффективность, повторим, во многом зависит от соблюдения *принципа исключения письменной опоры*, направленного на активизацию указанных компонентов аудирования как вида речевой деятельности.

Из полутора десятков проанализированных нами современных пособий по РКИ², в которые включены звучащие тексты с целью обучения аудированию, в подавляющем большинстве случаев скрипты так или иначе доступны для обучаемых, т. е. эффективность формирования и совершенствования аудитивных умений значительно снижается. Именно поэтому мы призываем методистов обратить внимание на эту проблему. Справедливости ради отметим, что методические воззрения издателей, как нам известно, не всегда совпадают с авторскими. Скрипты помещают в учебные пособия вопреки воле авторов. Это положение в последнее время, к счастью, теряет признаки тотальности.

Переходим к обсуждению второго принципа: *принципа использования валидных текстов*. Если согласиться с положением: нет текста — нет урока, т. е. признать глобальную текстоцентричность учебного процесса, то станет ясной бесспорная значимость текста и его качества. Вопрос качества обучающего звучащего текста в свете рассматриваемых проблем выйдет на первый план. Что мы имеем в виду, когда используем понятие *валидность*? Восемь лет назад нами была опубликована статья [3] с перечнем основных параметров такого текста. *Аутентичность* стояла на первом месте. И здесь снова будет уместным

напомнить об основополагающем общеметодическом принципе *коммуникативности* и задаться вопросом: почему, например, в 10 из 13 проанализированных пособий использованы неаутентичные тексты, которые не отвечают условиям реальной коммуникации? Они не включены в реальную ситуацию общения и, следовательно, не обращены ни к кому, кроме обучаемых. Как правило, они стерильны в языковом отношении и не демонстрируют образца живого вербального контакта. Всё дело в том, что отбор аутентичных текстов, особенно для низких уровней владения иностранным языком, является весьма трудоёмким процессом (чем выше уровень, тем легче отбирать)³.

Необходимо обратить внимание на жанровую принадлежность звучащих текстов как на один из важнейших параметров валидности. При этом нужно отбирать тексты с максимальной экспликацией жанровых признаков, выводящих его в разряд прототипических, обладающих устойчивой композицией, набором языковых средств выражения. Е. С. Кубрякова отмечает также, что это должны быть *малые тексты* [5], что в равной степени относится как к письменным текстам, так и к устным. При изучении иностранного языка они должны стать образцом для подражания как при восприятии, так и при порождении собственных текстов в аналогичных типовых ситуациях. Наиважнейшую роль при этом будет играть естественное интонирование, мелодика, паузы и т. д., т. е. арсенал просодики, активно участвующей в смыслообразовании устного текста и отличающей его, таким образом, от письменного. Попутно отметим, что *интонология* как отдельная область отечественной лингвистики появилась именно в связи с практикой преподавания РКИ, что привело к созданию фонологической теории русской интонации (Е. А. Брызгунова). Как пишет И. М. Логинова, в рамках указанной теории модель описания интонационных средств оказалось достаточной для определения семантики звучащего высказывания: имеется в виду спектр ИК, а также «определенные сочетаемостные свойства ИК, возможности образования интонационно-семантических моделей,

пересекающихся в тексте и образующих ритмоинтонационно-смысловую палитру связного текста» [6: 131]. Но палитра эта настолько широка, что кажется необъятной. Н. И. Жинкин, однако, утверждает, что интонация рождается применительно к конкретной жизненной ситуации и она поддается исчислению, поскольку в языке существуют «постоянные единицы выразительности» не только на уровне лексики, морфологии и т. д., но и фонетики: особые акустические единицы — *интонемы*, «учтённый набор» которых «составит алгоритм и комбинацию алгоритмов» для «производства речи» [4: 100]. Добавим: и для её рецепции. Как нам кажется, в это русло в первую очередь должно быть направлено внимание методистов, разрабатывающих технологии обучения аудированию. Именно интонация способствует идентификации коммуникативного задания и особенно помогает при расшифровке, например, переносных смыслов, что является актуальным для высоких уровней владения РКИ.

Следующий принцип, который мы выдвигаем, — *системности и систематичности*. Систематичность в нашем понимании обозначает *регулярность* учебной деятельности и условно располагается на горизонтальном векторе процесса обучения, т. е. в сетке учебного плана, в рабочем расписании студентов присутствуют уроки, целью которых является обучение аудированию наравне с уроками по чтению, письму, говорению, страноведению, культурологии и т. д. Аудированию как наиболее трудному ВРД эти аспекты должны предшествовать, аккумулируя языковой материал, например, тематическую лексику, которая в таком случае будет легче опознаваться при восприятии на слух. Обучение аудированию не должно иметь случайного, фрагментарного характера. Чтобы научиться слушать естественную иноязычную речь, надо очень много слушать.

Также на горизонтали находится не менее важный вектор *системности*, соединяющий три вида учебной деятельности обучаемых: 1) в аудитории под руководством преподавателя; 2) дома без непосредственного участия преподавателя, но по заданному им алгоритму; 3) самостоятель-

ное выполнение тренировочных тестов по аудированию. Используемые здесь тексты должны быть тематически связаны и в идеале вскрывать разные проблемы в рамках единой темы. Их принадлежность к разным жанрам обеспечивает системность подачи учебного материала, которая в методике преподавания РКИ проявляется в «постоянном обобщении и систематизации изучаемых языковых единиц с целью объединения в сознании учащихся разнотипных элементов языка в целостную систему» [1].

Вертикаль системного подхода, по нашему мнению, должна реализовываться в использовании единой стадийной модели обучения аудированию, задания каждой стадии которой состоят в системных отношениях как друг с другом, так и с моделью в целом. Тогда вертикальный вектор пронизывает все тексты, включенные в курс обучения.

Пространство учебной деятельности, организованное в строгих горизонтальных и вертикальных координатах, позволяет говорить о наличии *системы* обучения, дисциплинирующей обучаемых, направляющей их мыследействие в рамках целостного видения решаемых задач.

В заключение выражаем надежду на достаточную убедительную силу наших доводов в пользу соблюдения выдвигаемых принципов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Методические принципы обучения.

² См. приложение.

³ «Послушайте!» (см. список пособий). Востребованность этого пособия по аудированию для начального этапа обучения на материале исключительно аутентичных текстов показывает, что это не нерешаемая задача.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бальхина Т. М., Хавронина С. А. Инновационный учебно-методический комплекс «Русский язык как иностранный». М., 2008. — URL: http://web-local.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/169-Havronina-Balyhina.pdf

2. По: Методика преподавания иностранных языков: общий курс [учеб. пособие] / Отв. ред. А. Н. Шамов. М., 2008. — URL: http://www.english-by-phone.ru/принципы_технологии_обучения_аудированию/

3. Гончар И. А. Валидность обучающего аудиотекста // Мир русского слова. 2007. № 4. С. 71–77.

4. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М., 1958.

5. Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика: В 2 т. М., 2001. Т. 1. С. 72–81.
6. Логинова И. М. Проблема интонационных норм в связи с обучением практической стилистике русского языка в школе и вузе // Речевое общение. Вып. 4 (12). Красноярск, 2002. С. 129–133.
7. Пассов Е. И. Терминосистема методики, или как мы говорим и пишем. СПб., 2009.

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Бердичевский А. Л., Вицаи П. Европа: XXI век : учеб. пособие по разговорной практике : уровни В2-С1 / Под. общ. ред. А. Бердичевского. СПб., 2011.
- Бердичевский А. Л., Голубева А. В. Контакты. Учеб. русского языка для школьников. Третий иностранный язык. СПб., 2014.
- Вознесенская И. М., Гончар И. А., Попова Т. И. и др. Русское поле. Учебный комплекс. СПб., 2008.
- Гончар И. А. Послушайте! Учебное пособие по аудированию для иностранных учащихся, изучающих русский язык: В 3 вып. Вып. 1: элементарный уровень (А1): общее владение РКИ. СПб., 2014.
- Гончар И. А. Послушайте! Учеб. пособие по аудированию для иностранных учащихся, изучающих русский язык: В 3 вып. Вып. 2: базовый уровень (А2): общее владение РКИ. СПб., 2014.

Гончар И. А. Послушайте! Учеб. пособие по аудированию для иностранных учащихся, изучающих русский язык: В 3 вып. Вып. 3: первый сертификационный уровень (В1): общее владение РКИ. СПб., 2014.

- Ермаченкова В. С. Слушать и услышать: пособие по аудированию для изучающих русский язык как неродной: базовый уровень (А2). СПб., 2013.
- Миллер Л. В., Политова Л. В. Жили-были...12 уроков русского языка. Базовый уровень: рабочая тетрадь. СПб., 2014.
- Москвитина Л. И. В мире новостей: учеб. пособие по развитию навыков аудирования на матер. языка средств массовой информации (продвинутый этап). Ч. 2. СПб., 2013.
- Москвитина Л. И. Учимся слушать и слышать. Пособие по развитию навыков аудирования. СПб., 2006.
- Потапурченко З. Н., Каменская С. А., Трепалина А. В. Золотые имена России. Первый космонавт: Учеб. пособие с мультимедийным приложением. М., 2010.
- Ракова И. В., Бойцова М. И. Послушаем и поймем: Приложение по обучению аудированию к учебному пособию «Русский язык. Первые шаги. Часть 1». СПб., 2004.
- Хино Т., Пономарёва З. Контакт: учеб. пособие по аудированию для начинающих. СПб., 2012.
- Чернышов С. И. Поехали! Русский язык для взрослых. Начальный курс. СПб., 2009.
- Шуников В. Л. Говорит и показывает Россия: Курс аудирования на матер. теленовостей. М., 2012

[хроника]

РАБОТА С ТЕКСТАМИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО, ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО И НАУЧНОГО СТИЛЕЙ...

(Окончание. Начало на с. 48, 64, 100)

тета), по разговорной практике (доклад Е. С. Безбородкиной, Военно-медицинская академия, Санкт-Петербург); компьютерные программы для работающих иностранцев (доклад А. В. Волчек, РГПУ им. А. И. Герцена) и др.

В ходе работы секции «Социокультурные тенденции современности» основное внимание было уделено вопросам репрезентации, трансляции и рецепции культурного опыта. Ассистент О. Н. Бондарева познакомила участников конференции с историческими традициями Горного университета и рассказала о современных стратегиях реализации творческого потенциала студенческой молодежи. В докладе профессора Е. Н. Палий был отражен уникальный опыт работы педагогов Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина (Москва) по организации эстетического воспитания студентов технического вуза. Профессор С. А. Рассадина (Горный университет) поделилась опытом организации самостоятельной работы студентов по дисциплине «Культурология» на основе компетентностного подхода. В докладе доцента Е. В. Быковой (СПбГУ) была показана взаимосвязь между снижением общего уровня культуры восприятия текста и успешным функционированием манипулятивного интернет-дискурса. Доцент О. В. Беззубова (Горный университет) представила философско-культурологический анализ репрезента-

ции культурного наследия города в «новых медиа». Доцент С. А. Алентикова (Рязанский государственный университет) проанализировала гендерные стереотипы современной молодежи.

Во второй день конференции были проведены мастер-классы: «Номо loguens: психоэнергетический ресурс» (профессор СПбГУ О. И. Марченко) и «Интертекст в писательской лексикографии» (профессор РГПУ им. А. И. Герцена К. П. Сидоренко). На итоговом заседании участники конференции констатировали, что опыт преподавания гуманитарных дисциплин в технических вузах страны значительно расширился. В вузах, где читаются предметы «Русский язык и культура речи», «Культура речи и деловое общение», «Культурология», «Культура русской научной и деловой речи», «Русский язык как иностранный», изданы учебные пособия, разработаны оригинальные и эффективные методики обучения. В целях формирования речевой компетенции студентов было предложено интегрировать в практику преподавания гуманитарных дисциплин работу с текстами различных функциональных стилей.

Д. А. Шукина,
д-р. филол. наук, проф., зав. кафедрой
русского языка и литературы Национального
минерально-сырьевого университета «Горный»

М. И. Всемирнов

РЕЧЕВЫЕ ФОРМУЛЫ В АДАПТАЦИОННОМ ТЕСТИРОВАНИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (СУБТЕСТ «ГОВОРЕНИЕ»)

MIKHAIL I. VSEMIRNOV

SPEECH FORMULAE IN ADAPTATIONAL TESTING OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE:
THE CASE OF "SPEAKING" PAPER

В статье рассматривается подготовка к субтесту «Говорение» ТРКИ с опорой на речевые формулы и использование флеш-карточек. Данный прием обучения сравнивается с практикуемыми техниками усвоения материала, обсуждается логика предпочтительного внимания к использованию речевых формул при подготовке к субтесту. Осмысливается обоснованность данной методики в контексте теории речевой деятельности.

Ключевые слова: речевые формулы, речевая деятельность, речевая коммуникация, речевой этикет.

The article discusses the use of formulaic language — viz. conversational formulae on “flash cards” — as a part of preparation for “Speaking” Paper of TORFL. The author compares this method with the ones commonly applied, and discusses the reasons for preferential use of conversational formulae for preparation to this part of the test. The validity of this method is conceptualized within the frameworks of the speech activity theory.

Keywords: formulaic language, speech activity, oral communication, conversational formulas.

В современной научной литературе под адаптационным тестированием понимают одну из форм подготовки обучающихся к этапу сертификации уровня владения русским языком как иностранным, которая проводится по образцам тестов и позволяет обучающимся до прохождения тестирования ознакомиться с уровнем сложности заданий, структуры тестов, особенностями использования форм тестовых заданий, объемом контролируемого содержания, критериями оценки и т. д. [1: 180].

Адаптационное тестирование представляет собой предварительное испытание, проводимое перед тестом. Оно продуктивно сочетает в себе проверку знаний и умений обучающегося и продолжающийся процесс усвоения знаний, навыков и умений. При этом одной из существенных задач является психологическая подготовка к сдаче экзамена на сертификат: «Именно на этапе предтеста происходит снятие психологических трудностей, так как студент заранее проинформирован о том, что его ожидает во время теста» [8: 144].

Необходимость исследования процесса подготовки к субтесту «Говорение» в контексте адаптационного тестирования обусловлена объективной сложностью двух ключевых заданий данного субтеста («Ролевая игра» и «Интервью») и связанным с этим повышенным уровнем психоэмоционального напряжения у тестируемых. Представляется, что выполнение этих заданий в процессе тестирования может быть естественным для испытуемых, если в ходе адаптационного тестирования они будут заучивать речевые формулы с помощью флеш-карточек и тренироваться в использовании формульных фраз в диалогах.

В речевом общении приветствие, просьба, выражение сомнения, радость, осмысление и пояснение собственного речевого поведения реализуются при помощи стандартных языковых выражений, для которых характерны краткость, простота синтаксического построения, наличие указательных элементов, отсылающих к ситуации общения, тесная связь с невербальными элементами

Михаил Иванович Всемирнов

Старший преподаватель кафедры
повышения квалификации
по иностранным языкам

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► vsemirnov@mail.ru

Mikhail I. Vsemirnov

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

(мимика, жестикуляция и т. д.). В научной литературе их называют речевыми формулами. Подобные фразы должны усваиваться в готовом виде, а не создаваться по продуктивным моделям.

Под речевыми формулами понимают разнообразные по длине, но устойчивые по форме отрезки письменных и устных текстов, в том числе способы выражения смысла, обороты речи, коллокации, идиомы, крылатые фразы, пословицы и поговорки, речевки, мемы и др. Среди отечественных авторов, которые отмечают важность речевых формул при изучении русского языка как иностранного, можно указать исследования А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского [2], работы А. Н. Шукина в соавторстве с Б. А. Глуховым [5]. Зарубежные исследования на эту тему представлены работами Н. К. Эллиса [12]; Ли Гуэн Фэнга [13], в которых формульный язык исследуется с опорой на английские образцы.

В качестве примеров речевых формул можно привести выражения «пиши пропало», «неровен час», которые Баранов и Добровольский [2] предлагают причислить к разряду формул-комментариев вместе с известными «дела идут — контора пишет» в отличие от формул-перформативов, например «ни пуха ни пера».

При использовании речевых формул коммуникация получает новый важный ресурс: речь освобождается от усложняющих ее элементов, возникает эффект психологического комфорта, включается речевой автоматизм. Таким образом, речь идет о формировании устойчивого навыка владения речевыми формулами и их уместного использования. Э. Гуннемарк указывает, что для повседневного бытового общения необходимо знать не менее 100 таких выражений [6: 83].

Это необходимо учитывать при подготовке к субтесту «Говорение», так как от чувства психологического комфорта и уверенности тестируемых во многом зависит его успешное прохождение. Подчеркнем важность экстралингвистических факторов: ограниченное время, отведенное на реактивную (ответную) реплику, компенсаторная роль речевой формулы во время выполнения заданий «Ролевая игра» и «Интервью».

Позитивный результат использования заученных речевых формул при обучении иностранному языку подтверждается рядом исследований: речевые формулы, во-первых, способствуют увеличению словарного запаса обучающихся [11: 315], во-вторых, обеспечивают беглость речи [14: 77].

Освоение речевых формул в процессе овладения иноязычной речью достигается с помощью особых мнемонических приемов. В. П. Глухов и В. А. Ковшиков предлагают технику «опоры на «семантический стер-

жень», т. е. привязку запоминаемого «к образам-представлениям той или иной модальности (зрительные, слуховые, обонятельные, осязательные и др.), включение слов, предложений и текстов в личностно значимые для человека ситуации» [4: 71]. А. Н. Шукин называет следующие мнемонические приемы: «ассоциирование запоминаемого слова с контекстом» (удержание в памяти ситуации, в которой запоминается слово) и актуализация визуального образа слова с помощью различных цветов (при записи слова) [10: 271].

Преподаватель, исходя из конкретных задач обучения, должен определять, каким способом и какие единицы речи вводить для запоминания, какое количество раз и в какой форме их повторять. На наш взгляд, эффективным мнемоническим приемом, обеспечивающим усвоение речевых формул, является использование специальных флеш-карточек.

Флеш-карточки готовят сами обучающиеся. На одной стороне карточки приводится полностью готовая к применению речевая формула (с примером ее употребления), на другой — ее перевод на родной язык обучаемого или/и на язык-посредник. Обучающемуся необходимо просмотреть и проговорить фразу на иностранном языке вслух, громко, отчетливо. Затем обучающийся должен перевернуть карточку, прочитать перевод и постараться его запомнить. Эту процедуру надо повторять многократно до правильного воспроизведения речевых оборотов.

Не рекомендуется нарушать последовательность карточек в блоке, то есть карточки предъявляются в том порядке, в котором они были помещены в этот блок. После этого карточки переворачиваются, и обучающийся, глядя на перевод фразы, должен постараться по памяти в течение трех секунд вслух, громко, отчетливо воспроизвести «оригинал» на изучаемом иностранном языке.

На третьем этапе обучающийся сознательно перемешивает карточки, как карточную колоду. И только когда ему удастся не более чем за три секунды воспроизвести вслух идиому на изучаемом языке, сеанс запоминания одного блока можно считать успешно завершенным.

Поскольку объем кратковременной памяти ограничен, то для надежного удержания в ней лексических единиц их количество также должно быть ограничено. Как правило, блок должен состоять не более чем из 7–9 карточек, что определено объемом краткосрочной памяти. Дж. Миллер вывел ее параметры как семь плюс-минус два предмета [9]. Этот объем лимитирует количество информации, которую удастся воспроизвести спустя несколько десятков секунд после визуального контакта.

Необходимо также обращать внимание обучающихся на контекст конкретной речевой ситуации. Это приобретает особое значение при обучении фразам, используемым в речевом этикете.

Представляется также полезным принять во внимание следующие рекомендации Е. Гуннемарка:

- учим повседневные выражения на чужом языке, исходя из того, что бы мы сказали на своем родном языке;
- для каждой типовой ситуации запоминаем только одно выражение, зато «назубок»;
- не нужно заучивать сразу много выражений;
- для начала стараемся избегать выражений, содержащих более чем по 3–4 слова; но если их нельзя избежать, то необходимо потратить столько времени, сколько нужно для того, чтобы запомнить это выражение прочно;
- при начальном обучении слуховая память более важна, чем образная, поэтому стараемся заучивать выражения до такой степени, чтобы они моментально «слышались» в голове [6: 88–89].

У некоторых современных методистов заучивание и использование «речевых формул» вызывает естественное возражение, так как они видят в этом пассивное воспроизведение готовых фраз. Считается, что это снижает познавательную активность обучающегося и, как результат, негативно сказывается на успешности процесса обучения. Так, Н. Д. Гальскова утверждает, что «клишированная речь в стандартных речевых ситуациях лишь создает иллюзию общения и не имеет ничего общего с творческой речью, „порождаемой“ в процессе осуществления текстовой деятельности» [3: 58]. Развивая эту мысль, Н. Д. Гальскова пишет, что «процесс обучения должен исключать возможные „манипуляции“ с обучаемыми» [Там же], явно придавая в данном конкретном случае термину «манипуляции» крайне отрицательную коннотацию.

Представляется, что пассивность «формульной речи» в ее противопоставлении «творческой речи» преувеличена, так как наличие навыков использования речевых формул является необходимым условием речевого творчества. Подтверждение мысли о том, что «формульной речи» нельзя отказывать в творческом характере, о неправомерности такового противопоставления в принципе, мы находим у автора матричного метода обратного речевого резонанса Н. Ф. Замяткина. Отвечая на вопрос о целесообразности использования в общении с носителями языка готовых фраз и предложений из предлагаемых им матриц, Н. Ф. Замяткин признает, что «не всегда это будет происходить в точно такой форме, как в матричном диалоге», поскольку «речь — это всегда творчество, в разговоре вы всякий раз будете неизбежно творить. Будьте спонтанны, а иначе это не будет истинным разговором» [7: 247].

Роль речевых формул в обучении диалогической речи при подготовке к выполнению заданий «Ролевая игра» и «Интервью» трудно переоценить. Виды речевых формул, при всем их разнообразии, являются идеальным материалом для наполнения речевого продукта, производимого обучающимся. Следовательно, прочное усвоение речевых формул и их адекватное использование при выполнении соответствующих тестовых заданий будут залогом успешной сдачи субтеста «Говорение» ТРКИ.

В заключение отметим, что работа с речевыми формулами используется не только в адаптационном тестировании по русскому языку как иностранному, но и на практических занятиях по английскому языку в Центре повышения квалификации филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, где она также доказала свою эффективность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балыхина Т. М. Основы теории тестов и практика тестирования (в аспекте русского языка как иностранного). М., 2003.
2. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Понятие речевой формулы: определение и типология // Русский язык сегодня. Вып. 2: Активные языковые процессы конца XX века. М., 2003. С. 39–55.
3. Гальскова Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М., 2003.
4. Глухов В. П., Ковшиков В. А. Психолингвистика. Теория речевой деятельности. М., 2007.
5. Глухов Б. А., Шукин А. Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. М., 1993.
6. Гуннемарк Э. В. Искусство изучать языки. СПб., 2001.
7. Замяткин Н. Ф. Вас невозможно научить иностранному языку. 2-е изд., испр., доп. СПб., 2008.
8. Лазарева О. А. Школа тестера: лингводидактическое тестирование ТРКИ-TORFL: Метод. пособие. СПб., 2011.
9. Миллер Дж. Магическое число семь плюс или минус два // Инженерная психология. М., 1964.
10. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М., 2003.
11. Bausch K. R., Koenigs F. C. "Lernt" oder "erwirbt" man Fremdsprachen im Unterricht? Zum Verhaeltnis von Sprachlehrforschung und Zweisprachenerwerbsforschung // Die Neueren Sprachen. 1983. N. 4. S. 308–336.
12. Ellis N. C., Simpson-Vlach R., Maynard C. Formulaic Language in Native and Second Language Speakers: Psycholinguistics, Corpus Linguistics, and TESOL // TESOL Quarterly. 2008. Vol. 42. N. 3. P. 375–396.
13. Li Hui-feng, Liu Yuan-yuan. The realization of interpretational function with formulaic language // Sino-US English Teaching. 2009. Vol. 6. № 7. P. 29–32.
14. Wray A. Formulaic Language Pushing the Boundaries. Oxford, 2002.

Н. Д. Игнатъева

РУССКО-ЧЕШСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ НА НАЧАЛЬНОМ И ПРОДВИНУТОМ ЭТАПАХ ОБУЧЕНИЯ

NATALIA D. IGNATEVA

RUSSIAN-CZECH INTERFERENCE AT THE BEGINNER AND ADVANCED LANGUAGE LEVELS

В статье исследуется феномен русско-чешской интерференции. Подробнее останавливается внимание на отличительных особенностях интерференции на начальном и продвинутом этапах изучения. Показаны наиболее распространенные примеры ошибок лексической и фонетической интерференций на различных этапах обучения.

Ключевые слова: русско-чешская интерференция, начальный этап изучения, продвинутый этап изучения, ошибки студентов.

This article explores the phenomenon of Russian-Czech language interference, concentrating on the distinctive features of the interference at the beginner and advanced levels, and demonstrating the most widespread examples of lexical and phonetic interference errors at various levels of studies.

Keywords: Russian-Czech interference, beginner language level, advanced language level, students' errors.

**Наталья Дмитриевна
Игнатъева**

Аспирант кафедры славянских языков

Санкт-Петербургский
государственный университет

Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

► nataliagashveva@yandex.ru

Natalia D. Ignateva

Saint Petersburg State University

7/9 Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, 199034 Russia

Научный руководитель: д-р филол.
наук, проф. В. М. Мокиенко

Вопросу интерференции значительное внимание было уделено в Чехии в 60–70-е годы XX века, когда русский язык изучался с 5-го класса основной школы. На философском факультете Карлова университета под руководством доц. М. Затовканюка на материале ошибок чешских школьников и студентов-русистов была проведена большая работа в области исследования явлений интерференции [1: 5]. Для понимания масштабности этой работы можно привести следующие цифры: к 01.11.1963-го было собрано 30 000 карточек. Чтобы использовать данный материал наиболее эффективно, было решено на его базе создать словарь ошибок (Slovník žákovských chyb). Данная работа послужила бы отличным материалом для анализа ошибок у близкородственных языков, а также наглядно показала бы, как проявляется грамматическая и лексическая интерференция в различных формах и конструкциях.

Однако, к большому сожалению, ввиду многих обстоятельств, в том числе и из-за того, что это была работа, требующая большого времени, исследование было приостановлено. Полиграфическая техника, которой располагали в то время, не работала в кириллице, требовалось транслитерировать каждую словарную статью, а так как в кириллице больше букв, чем в латинице, пришлось бы использовать буквенные сочетания для обозначения одной буквы из кириллицы. Все эти сложности привели к тому, что данный проект так и не был полностью реализован [2: 333]. Однако на основе собранного материала возникли работы „Interference ve slovní zásobě“ (Zimová, 1967), „Interference v ruské morfologii“ (Šourková — Zajíčková, 1968), коллективная моно-

графия „Mezijazyková a vnitrojazyková interference“ (Zatovkaňuk, 1979), были опубликованы „Porovnání slovní zásoby ruského jazyka se slovní zásobou českého jazyka“ (J. Vlček, 1985), Úskalí ruské slovní zásoby (J. Vlček, 1966), „Problematika vyučování ruštině jako blízce příbuznému jazyku“ (J. Veselý, 1985). С изменением культурно-политической обстановки в последующие годы уже не было проведено таких масштабных исследований в области русско-чешской интерференции. Можно назвать отдельные статьи Б. Рудинцовой (B. Rudincová), Й. Коростенского (J. Korostenský), Я. Бенкович (J. Benkovičová), публикацию С. Жажи „Ruština a čeština v porovnávacím pohledu“ (S. Žaža, 1999).

Сейчас эта проблема приобретает актуальность в связи с растущим числом как русских, так и чешских студентов. Об этом свидетельствуют данные из Института языковой и профессиональной подготовки Карлова университета (Ústav jazykové a odborné přípravy UK), на базе которого ведется подготовка иностранных учащихся к поступлению в вузы Чехии. Большинство составляют именно студенты стран бывшего Советского союза [3: 51].

Рассмотрим, как проявляют себя различные виды интерференции на начальном и продвинутом этапах изучения иностранного (чешского/русского) языка на примере ошибок, обусловленных как межъязыковой, так и внутриязыковой интерференцией.

К межъязыковой интерференции мы относим все случаи интерференции, вызванные формальным сходством (*zápach* (вонь), *zapomínat* (запоминать) — *zapomnět* (забыть), *my jeli* (*jedli jsme*) — *jeli jsme* (мы ехали)), либо соответствием определенных морфем, особенно аффиксов (*predpisyvat* — *propisyvat*, *poznat* — *uznat*, *popisyvat* — *opisyvat*). Самым сильным проявлением межъязыковой формальной интерференции является перенос слова в русский/чешский язык, которое не имеет в русском/чешском никакого формального соответствия (я купил себе *salam*; я вижу *будову*; *из разговора с магистрой Румановой*; *с поздравем Войта*).

Сюда мы также относим случаи, вызванные сходством по значению, когда на русское слово переносится весь объем значений чешского и наоборот (**ему кажется сон* — вместо *ему снится сон*; **umístili se na chatě* — вместо *ubytovali se na chatě*).

Внутриязыковая интерференция вызвана формальным сходством слов внутри одного языка (например, употребление слова *действительность* вместо *деятельность*), а также заменой аффиксов (*характерный*, *характеристический*). Крайним проявлением внутриязыковой интерференции является деформация одних лексических единиц под влиянием других (*возникновение*, *отвествие*; *v listopatu*). К внутриязыковой интерференции также относятся случаи переноса семантической структуры с одной лексической единицы на другую (*беречь*, *защищать*; *событие*, *случай*, *история*).

Рассмотрим явления фонетической интерференции у чешских студентов. Следует отметить тот факт, что она за последние два десятилетия стала значительно актуальнее, чем была до 1989-го. Когда произошла «бархатная революция», результатом которой стало отстранение от власти коммунистической партии и прекращение социалистического режима ЧССР, и изучение русского языка перестало носить такой масштабный характер, как раньше. И сейчас студенты первых курсов приходят с минимальными или базовыми знаниями русского языка и знакомятся с правилами произношения, интонации, редукиции только в институте. Ввиду тесных политических, экономических, культурных контактов русскому языку придавалось большое значение. Особую сложность обычно представляют такие слова, как: *культура*, *фильм*, где чех не смягчает л, или в словах *много*, *мало* не редуцирует гласную о на конце.

В последние годы в связи с введением английского языка в качестве первого иностранного языка в большинстве школ как Чехии, так и России, можно заметить его влияние прежде всего при изучении фонетики и русского, и чешского языков: *už* произносят как *až*, *student* как *stjudent*. Однако следует сказать, что это влияние

проявляется в основном на начальном этапе изучения, потом оно исчезает и полностью уступает место близкородственному языку: чешскому или русскому соответственно.

Говоря о фонетической интерференции у русских богемистов, можно отметить, что здесь основную проблему вызывают не «страшные» звуки, специфические для чешской фонетики — такие, как “ř” или “h”, а сложность в различении ударений и долгот гласных. Русскоговорящий студент на первых порах их просто не различает. Для него ударение неразрывно связано с долгой звуком. Однако между ними большое различие, и если ударение всегда фиксированное, на первый слог или на предлог перед словом, и по качеству сильное, то долгота может находиться в любой части слова. Эта проблема наиболее ярко проявляется в таких словах, как *velký, hubený*, где первый гласный звук нужно произнести сильно, но кратко, а последний долго. Значение в соблюдении долгот хорошо видно на таких примерах: *vál* и *val* (кухонная доска — вал), *hrabě* и *hrábě* (граф — грабли), *pravá* и *práva* (правая — права). Система долгот в чешском языке сопоставима с азбукой Морзе [3:54]. Ухо чеха имеет врожденную систему раскодирования значения слов по их долготам. Неправильно поставленное ударение не так затруднит понимание для чеха, как изменение долгот гласных. Наглядное тому подтверждение приводит Квета Юдасова, рассказывая, как к ее русским студентам пришла чешская переводчица провести урок, направленный на тренировку разговорной речи. Студенты, и она сама, были удивлены, когда неоднократно повторялась ситуация, что переводчица не могла понять студентов. Ей приходилось переспрашивать не один раз, но иногда даже и это не помогало [3: 54].

Помимо долгот и ударений на первом этапе изучения проблемной является неспособность различать твердую *u* и мягкую *i* при произнесении чешских слов.

Письменная речь всегда была одним из наиболее сложных аспектов в изучении языка. При написании работ студентам сложно уйти от дословного перевода, который содержит опасность скрытой интерференции. В результате — нет яв-

ной ошибки, но язык теряет свою идиоматичность (*у меня нет времени, чтобы я играла* — вместо *у меня нет времени играть*; *они мне посоветуют с выбором* — вместо *они мне помогут с выбором*; *современная жизнь может казаться, что она легка* — вместо *современная жизнь может казаться легкой*; *определить причины масштабного распространения наркотиков является нелегкой задачей* — вместо *определить причины масштабного распространения наркотиков — нелегкая задача*; *lidé tu museli dát cestu* — вместо *lidé tu museli uvolnit cestu*; *seriozně se s někým seznámit* — вместо *závazně se s někým seznámit*).

Скрытая интерференция встречается у студентов на среднем и продвинутом этапах изучения, для начального этапа характерна явная интерференция. Речь идет об очевидном нарушении нормы изучаемого языка при использовании модели, характерной для родного языка (**несколько раз я была с мамой посмотреть скачки* — вместо *несколько раз я с мамой смотрела скачки*; *sníh ještě nevupal* — вместо *ještě nesněží*).

Лексическая интерференция встречается как на начальном, так и продвинутом этапах изучения. Она ярко проявляется в межъязыковой интерференции слов-омонимов, — т. е. явлении, которое называют межъязыковой омонимией. Количество таких слов довольно высоко. Йозеф Влчек в статье “Česko-ruská homonymie a paronymie” [4: 38] пишет о том, что эти слова встречаются в художественном, научном и разговорном стиле. Нас будет интересовать в первую очередь разговорный стиль. Наибольшее количество ошибок встречается при использовании следующих слов: *живот (břicho)* — *život (жизнь)*; *цул (židle)* — *stůl (стол)*; *труп (mrtvola)* — *trup (туловище)*; *черствый (tvrký)* — *čerstvý (свежий)*; *власть (moc)* — *vlast (родина)*; *животный (živočišný)* — *životný (одушевленный)*; *скоро (rychle, brzy)* — *skoro (почти)*; *поздравлять (blahopřát)* — *pozdravovat (передавать привет)*, с которыми студент знакомится в начале обучения. Однако опыт показывает, что студенты продолжают повторять эти ошибки на протяжении всего обучения. Это происходит по причине так называемого механического отождествления русских и чеш-

ских единиц на основе звукового или графического сходства.

Другим проявлением лексической интерференции является некорректное использование приставок-омонимов. В начале обучения студент старается избегать употребления приставочных глаголов, затем употребление глаголов с приставками становится необходимым для адекватной коммуникации, проблема, связанная со словообразованием, актуализируется. Вера Шимкова приводит наиболее частотные примеры [5: 36]: *отъехать* (вместо *уехать*); *ознакомиться* (вместо *познакомиться*); *познать* (вместо *узнать*); *зачать* (вместо *начать*). Как видно из примеров, образованное слово может существовать в языке, но употребляться в другом значении: *Целью центра является соединить* (вместо *объединить*) *специалистов из разных областей*. Нередки случаи, когда соответствующее слово, «навеянное» чешским прототипом, в русском языке отсутствует: *Он этому очень зародовался*.

Внутриязыковая интерференция, как еще одна составляющая лексической, характерна как для начального, так и продвинутого уровня владения языком. Данный вид интерференции может быть вызван формальным сходством единиц внутри одного (изучаемого) языка: (*характерный* — *характеристический*, *кровный* — *кровяной*; *Но я обязательна* (вместо *обязана*) *была помогать маме*; *Научный стиль характерен* (вместо *характеризуется*) *своей точностью*). Такие ошибки встречаются уже и на начальном этапе изучения языка.

Внутриязыковая интерференция может быть вызвана также семантическим сходством единиц в пределах одного языка. Это ошибки синонимичного характера, когда происходит перенос семантической структуры и контекстуального использования одной языковой единицы на другую. Если мы рассматриваем русский язык как изучаемый, то это прежде всего случаи, когда чешскому слову с несколькими значениями соответствует не один, а несколько эквивалентов: (*země* — *страна, земля, пол*; *velký* — *большой, великий*; *zdát se* — *казаться, сниться*; *celý* — *целый, весь*; *zabývat se* — *заниматься, интересоваться,*

посвящать). У него было общее представление о **целом** теле человека; третья глава **занимается** письменным и устным переводом.

С лексической интерференцией связана фразеологическая интерференция, которая встречается при использовании частичных эквивалентов или полных аналогов фразеологических единиц. В случае частичных эквивалентов студенты часто сохраняют структуру родного языка (*у меня это **при** руке* — у русистов или *у **něho není** revná rúda pod nohama* — у богемистов). В случае полных аналогов студенты испытывают проблемы на первом этапе: при подборе эквивалента на родном языке. Большую трудность вызывает даже не столько изменение структуры фразеологизма, сколько совершенно иная образность (*tloucí šračku* — *клевать носом, mít oči na "štopkách"* — *смотреть в оба*).

Таким образом, в статье показаны наиболее распространенные ошибки, связанные с лексической и фонетической интерференцией на различных этапах обучения, допускаемые как русистами, так и богемистами. Примеры подтверждают, что неправомерно относить фонетическую интерференцию только к начальному этапу изучения языка, а лексическую — к продвинутому. Ошибки в произношении могут сопровождать студента во время всего процесса изучения, если на начальном этапе им не было уделено должного внимания. В статье обозначено, каким аспектам лексической интерференции следует уделять повышенное внимание в начале обучения, на что делать акцент на занятиях у студентов продвинутого этапа обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mezijazyková a vnitrojazyková interference, M. Zatovkaňuk. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1979.
2. Šourková A. Slovník žákovských chyb. In: Ruský jazyk, 1974, roč. 24, č. 4.
3. Květa Judasová. Vyuka češtiny rusky či slovansky mluvících studentů v UJOP UK, ve SJOP UK v Poděbradech // Sborník asociace učitelů češtiny jako cizího jazyka AUČCJ (2003–2005) Praha, 2005.
4. Josef Vlček. Česko-ruská homonymie a paronymie // Interference v ruském lexiku, Jaromira Zimová a kol. Praha, 1967.
5. Věra Šimková. Afixy ovlivněné češtinou // Interference v ruském lexiku, Jaromira Zimová a kol. Praha, 1967.

УРОКИ «УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ»

THE LESSONS OF "A LEARNER'S DICTIONARY"

Небольшого формата книжку, на титуле которой значится: **Черняк В. Д., Черняк М. А. Массовая литература в понятиях и терминах. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015** — я купила не для того, чтобы читать. Кто же читает учебный словарь-справочник? Пролистывают в поисках нужной информации. Однако, открыв, прочитала от корки до корки, не отрываясь, с удовольствием и пользой.

Обозначая жанр, авторы, конечно, лукавили. Не словарь, а книга в жанре словаря — существенная разница. В одной из статей книги они объяснили особенности выбранной формы: «Алфавитный порядок расположения текстовых фрагментов позволяет упорядочить внешне разнородный материал, затронуть широкий круг проблем, соединить небольшие тексты в едином текстовом(гипертекстовом) пространстве». И тут же рассказали о разных книгах в форме словаря, начиная с уже классического «Хазарского словаря» М. Павича, завершая «Дорожным лексиконом», книгой воспоминаний писателя Ю. Рытхэу, и рубрикой «Толковый словарь от...» журнала «Story». Перечисленные в статье книги, похоже, стоит прочитать, а журнал, который раньше не брала в руки, хотя бы полистать.

Вот первый урок «учебного словаря»: наша сегодняшняя литература намного богаче, чем это порой кажется. Статьи нового «словаря», знакомя с жанрами массовой литературы, в то же время представляют и множество книг. Это ведь раньше было просто: читаешь «Новый мир» и «Юность», проглядываешь еще несколько популярных журналов — и уверен, что ты в курсе происходящего в отечественной словесности. А что читать сегодня? Входишь в магазин и, не понимая, что же стоит покупать, выходишь не солоно хлебавши. Примерно то же самое происходит часто и в библиотеке. Потому новый словарь я покупала в качестве лоции в загадочном море современной литературы. Не ошиблась. Книги, названные в статьях, посвященных жанру или проблеме, в нужных местах «приоткрываются» — и становится понятно, чем именно эта книга именно тебе может быть ин-

тересна. Эту стоит прочитать с внуками, эти пригодятся для работы (надо же знать, что читают твои ученики, и понимать, почему они это читают), эту можно подарить приятельнице, интересующейся биографиями великих...

Второй важный урок. Любой жанр, любое явление показывается с разных точек зрения, объемно, в неразрывном единстве русской и западной литератур. Так в статье о массовой культуре сопоставлены точки зрения интеллектуала О. Хаксли, критика Г. Тульчинского и писателя В. Ерофеева. Первый утверждал, что эта культура «наполовину состоит из банальностей, изложенных с тщательной и скрупулезной достоверностью, наполовину — из великих и бесспорных истин, о которых говорится недостаточно убедительно (поскольку выразить их удачно — дело сложное), отчего они кажутся ложными и отвратительными». Второй резонно заметил, что «ценности массовой культуры — ценности реального жизненного обустройства, ценности комфортной, удобной жизни». Третий, считающий себя писателем элитарным, заявил, что любит «все формы массового сознания», как любит «лягушку, крыс, всяких таких тварей, которых используют для экспериментов». Эти разные позиции дополняют авторские размышления о происхождении и природе явления, о его месте в истории культуры. Спокойные размышления людей, прекрасно знающих, что «граница между элитарным и массовым достаточно подвижна, эти культуры находятся в динамическом взаимодействии...»

Разумеется, авторы учебника для будущих педагогов (а книга выпущена под грифом Министерства образования и науки РФ) прекрасно знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Потому статью о массовой литературе открывают перечнем терминов, которыми привычно пользуются их коллеги: «тривиальная», «формульная», «паралитература», «популярная литература». Они вставляют в статью резкую оценку этой литературы модным Д. Быковым; разрядкой, как чужие для них слова, печатают оценочные термины: «второразрядная», «низкая», «бульварная»; слова из ар-

сенала критиков — «словесная жвачка» и «чтиво». А потом объясняют будущим учителям литературы, — и это третий важный урок, существенный не только для учителей, — что «жесткой границы между „высокой“ литературой, беллетристикой и массовой литературой не существует. Нередко произведения, которые традиционно относились к низким жанрам, позже воспринимаются как тексты, обладающие несомненными эстетическими достоинствами». В качестве примера вполне можно было бы привести «Руслана и Людмилу» или «Анну Каренину».

Словарь написан по-женски тонко и местами иронично. Этому тоже надо учиться. Например, в статье «Заглавие» — пресмешные перечни названий книг, в том числе, с ключевым словом «смерть»: «В постели со смертью», «Смерть под трактором», «Смертельный поцелуй», «Смерть ей к лицу», «Смерть на кончике хвоста»... Это я остановилась на пяти — авторы подобрали двадцать одно название книг, которые явно не стоит открывать. Статья с загадочным названием «Чиклит» — о литературе для женщин. Лингвистически безупречное объяснение: англ. chick lit — «женское чтиво», «литература для цыпочек». История термина, который придумали американские писатели К. Маззой и Д. Шелл как заголовок антологии пост-феминистской прозы. Статистика — от 30 до 35 процентов книжного рынка. Иронично жесткий конец статьи: «Главная черта чиклита — социальное и даже финансовое равенство женщины и выбранного ею мужчины — в России оказалась не так популярна, как на Западе. Отечественной читательнице милее

модель Золушки, когда женщина, встретив «своего единственного» и выйдя за него замуж, чувствует себя полностью реализовавшейся. В связи с этим путь чиклита на российской почве — это окончательное слияние с женским любовным «романом».

Среди многих терминов, значение которых объясняют авторы, — «биполярный роман». Так называется технология создания текста, по которой одна история пишется с разных точек зрения, например с женской и мужской. «Массовая литература в понятиях и терминах» может служить примером биполярной книги. Авторы ведут единое исследование с двух разных и необходимо дополнительных позиций: литературоведческой и лингвистической. Происхождение терминов, отслеживание изменения их значений, выразительность иллюстраций — все это работа высококлассного лексиколога и лексикографа. Статьи об оценке современной речи в массовой литературе, о речевой агрессии, языковой игре и языковой рефлексии в литературе не просто интересны, но неизбежно выводят на размышления о современном языке вообще, возбуждают многие вопросы.

У очень полезной книги существенный недостаток — тираж 250 экземпляров. Даже для библиотек мало. Но это уже проблема не авторов и даже не издательства. Так существует в современном нашем мире немассовая литература.

*М. Л. Смусина,
РГПУ им. А. И. Герцена*

*(Опубликовано в газете
«Санкт-Петербургские ведомости» 12.11.2015)*

ОТ БУКВЫ К БУКВЕ

Об учебном пособии В. С. Ермаченковой «Буква-1» и «Буква-2» (СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015)

FROM LETTER TO LETTER: REVIEW OF S. ERMACHENKOVA'S SCHOOLBOOK "LETTER 1" AND "LETTER 2"
(ST. PETERSBURG: SPBU PRESS, 2015)

Написание любого учебного материала, предназначенного для начального (начального и базового) этапа обучения, требует от автора решения совсем не простых задач. С одной стороны, отечественная лингвистика накопила значительный опыт в создании самых различных

пособий по русскому языку как иностранному для начинающих, с другой стороны, как показывает практический опыт преподавания русского языка в аудитории (а в последнее время большинство слушателей курсов и студентов вузов России приезжают из Азиатско-тихоокеанского регио-

на), пособия эти фрагментарно затрагивают основные фонетические и лексико-семантические трудности русского языка, зачастую малокоммуникативны, не учитывают особенностей фонетической и лексико-грамматической системы родного языка учащегося и не всегда отвечают известным требованиям Образовательной программы по русскому языку как иностранному и Государственного образовательного Стандарта по русскому языку как иностранному для элементарного и базового уровней (A1 и A2).

С этой точки зрения пособия «Буква-1» и «Буква-2» выгодно отличаются от предшествующих, ибо в них изначально заложен столь приветствуемый сегодня методистами коммуникативно-деятельностный подход к обучению иностранцев русскому языку с последовательной опорой на принцип коммуникативности, в основе которого лежит главная закономерность: формирование навыков и умений любой деятельности — обучение посредством практики, учет родного языка студента. Поскольку цель обучения русскому языку как иностранному — формирование коммуникативной компетенции как способности осуществлять адекватное речевое общение, то процесс обучения должен носить именно коммуникативно-деятельный характер.

Пособие В. С. Ерманченковой «Буква-1» состоит из шести уроков и предназначается для иностранных учащихся, начинающих изучать русский язык. Данное пособие представляет собой вводно-фонетический курс с элементами грамматики. Оно является одним из первых учебных пособий, где наиболее полно представлен курс, направленный на обучение письму и произношению. В нем представлена графическая система русского языка, необходимая для приобретения навыков письма. В пособии дается фонетическая система русского языка, т. е. представлены все правила звукового и интонационного произношения, необходимые для обучения чтению, говорению и адекватному пониманию звучащей речи. Кроме того, в пособии предпринята попытка представить всю морфологическую систему русского языка: имена существительные, личные и притяжательные местоимения, имена прилагательные, наречия и глаголы в инфинитиве.

В пособиях даются начальные знания о словообразовании, о формировании множественного числа имен существительных и прилагательных, о формировании наречий, о падежной системе русского языка и о видовой принадлежности глаголов. Все это делает пособие «Буква-1» незаменимым при обучении иностранных учащихся на начальных этапах изучения русского языка.

Пособие «Буква-2» предназначено для иностранных учащихся элементарного и базового уровня (A1 и A2). Оно состоит из 26 уроков, в каждом из которых решаются определенные Программой по русскому языку как иностранному (Элементарный и Базовый уровни), а также Государственным образовательным Стандартом языковые и речевые задачи, связанные со спецификой тематически отобранного материала. В представляемом пособии автору удалось — и весьма успешно — соединить разнообразные методические приемы, что в целом позволило повысить теоретическую и практическую ценность рецензируемой работы. В условиях многоэтапного и многоаспектного обучения русскому языку как иностранному проблема преемственности, т. е. последовательности и непосредственной связи одного этапа с другим, одного аспекта с другим, приобретает очень важное значение. «Наиболее сложной и актуальной является связь начального и продвинутого этапов обучения, т. к. здесь качественный скачок проявляется особенно резко во всем: в программах, в учебных материалах, в самой системе обучения и даже в экстралингвистических условиях обучения, связанных с переходом с подготовительного факультета на основной, в смене учебных дисциплин, преподавательского состава и т. п. В этих условиях добиться гармоничного перехода от начального этапа к продвинутому, учитывая недостаточный лингвистический опыт учащихся, значительно труднее, чем, скажем, осуществить переход от продвинутого этапа к завершающему», — подчеркивает И. М. Логинова [1: 88].

Несомненным достоинством является продуманность общей концепции учебного пособия «Буква-2». Она проявилась в принципе структу-

рирования и подачи языкового, лексического, культурологического и страноведческого материала. В пользу структурированности пособия говорит четкая подача лексического материала, его обработка в грамматическом модуле и переход к коммуникативным ситуациям с выходом в общение, а также к завершающим коммуникацию заданиям, дающим возможность развивать навыки письменной и устной речи.

Кроме этого весьма продуктивными представляются обязательные в каждом уроке задания по совершенствованию фонетических навыков учащихся, полученных в пособии «Буква-1», а также навыков аудирования, что является одной из самых сложных задач обучения. Интересным и конструктивно продуманным можно назвать включение словообразовательной информации и упражнений по практическому применению этих знаний. Такой вид учебной деятельности позволяет учащимся не только расширить свой словарный запас, но и научиться прогнозировать процесс распознавания незнакомых и создания новых слов по определенным моделям.

Данное пособие отличает тонкое соединение разговорных тем со строго выверенным представлением и отработкой грамматического материала, на основе которого и развивается общение. Уже по названиям уроков можно понять, какова тематика и грамматическая база того или иного урока: «Что вы делали вчера?», «Кто старше?», «Кто звонит тебе?», «У меня много друзей», «Чем заниматься?» и др. Необходимо отметить разнообразие методических подходов, применяемых для освоения грамматического материала. Это задания и упражнения, способствующие знакомству с новым материалом, его закреплению и повторению. При этом не возникает ощущения перегруженности грамматикой, что делает восприятие материала более доступным, понятным и, следовательно, легким.

Интересному содержанию учебного пособия «Буква-2» соответствует и его оформление, и современная подача материала. Тематически систематизированное представление лексики в каждом уроке определенным образом расширяет не только лексический аспект пособия,

но и активное развитие и пополнение вокабуляра учащихся.

Несомненным достоинством можно назвать такую подачу грамматического материала, касающегося падежной системы русского языка, которая дает возможность не только познакомить учащихся с глагольным управлением, но и активизировать его использование при коммуникации. Кроме этого страницы пособия наполнены фотографиями и рисунками, способствующими не только запоминанию лексического материала, но и созданию атмосферы непринужденности на занятии.

Для большей завершенности работы желательно дополнить каждый урок небольшим тестом, контролирующим языковую и коммуникативную компетенции учащихся.

Невозможно не отметить актуальность пособий «Буква-1» и «Буква-2» как для курсового (длительного) обучения, так и для краткосрочного обучения, поскольку представленный в пособии языковой и речевой материал четко аргументирован и подается в такой форме, какая до него не встречается ни в одном пособии, предназначенном для данных уровней.

Несмотря на то что пособия «Буква-1» и «Буква-2» предназначены для учащихся Элементарного и Базового уровней, в некоторых случаях они могут быть использованы бакалаврами и магистрантами, а также слушателями курсового обучения как для повторения пройденного грамматического материала, так и для совершенствования фонетических навыков и умений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Логинова И. М.* О преемственности между начальным и продвинутым этапами обучения иностранных студентов-филологов практической фонетике русского языка // Преемственность при обучении иностранцев русскому языку. Сб. науч. тр. / Под ред. Г. Ф. Жидковой, О. И. Меншутиной. М., 1981. С. 88–103.

*И. А. Бойцов, доцент СПбГУ,
Г. В. Орлова, доцент РГПУ им. А. И. Герцена*

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

KONSTANTIN SIMONOV: THE 100TH ANNIVERSARY

Фото: Юрий Абрамочкин/ РИА Новости www.ria.ru

В ноябре 2015 года отмечалось 100-летие Константина Симонова, одного из самых популярных поэтов и писателей середины XX века. Сегодня, оглядываясь назад, хочется привести слова литературоведа Сергея Бочарова, который однажды заметил, что задержаться в литературе трудно, остаться в ней навсегда — невозможно. Всё-таки возможно, если вспомнить наших классиков, хотя список имён в наше время и не пополняется. Задержался ли в литературе К. М. Симонов? В дни юбилея, в посвящённых его памяти передачах, читались военные стихи, эпизодически вспоминались прозаические произведения, и среди них чаще всего — не большие широкоформатные романы, а повесть «Двадцать дней без войны», лирический настрой которой не требовал обращения к описанию сражений и подвигов, но был очень близок к внутреннему состоянию людей того времени. Многие считают эту повесть лучшим произведением писателя, что было поддержано и фильмом Алексея Германа, снявшего в главной роли Юрия Никулина. Были опубликованы его интервью с военачальниками, подготовлены к печати письма к родителям — «Дорогие мои старики»¹ и достаточно неожиданные «Записи в рабочих тетрадях: беседы и размышления» под названием «Наше время ещё занесут на скрижали»².

Вернёмся в прошлое. Начало 50-х, на филологическом факультете Ленинградского университета должна состояться встреча с поэтом Симоновым. За два часа до её начала большая аудитория, вмещающая около 300 человек, уже заполнена. Продолжающиеся приходить заполняют проходы, устраиваются на подоконниках. Симонов появляет-

ся с 20-минутным опозданием: оказывается, он заезжал в гостиницу, чтобы, отправляясь на встречу со студентами, сменить пиджак, который был на нём во время официального приёма, на свитер. Популизм? Тогда этого слова ещё не было. А может быть, это просто выражение отношения к аудитории, перед которой предстояло выступать. (Заметим, что «продуманное Симоновым оформление внешнего облика, своеобразное „имиджмейкерство“ отмечено всеми мемуаристами»³.) Симонов отвечает на несколько вопросов и начинает читать стихи. Видно, что их хорошо знают в зале, но, читаемые автором и повторяемые «про себя», они доставляют слушающим большое удовольствие. Это были стихи о первых тяжёлых неделях войны и стихи о любви.

Прочитано «*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...*» со страшным образом мучительного отступления, в котором, однако, звучат слова, может быть, до конца не воспринимаемые сегодняшним читателем: *Ты помнишь, старуха сказала: Родимые, покуда идите, мы вас подождём.* И это было действительно так: при сдаче огромных российских территорий в начальные месяцы войны у людей не было сомнений в том, что надо только подождать, перетерпеть, что поражения быть не может. (Я утверждаю это: сама испытывавшая эту естественную уверенность в уже осознаваемом детстве, как и все, тогда окружающие меня. — К. Р.)

В стихах о любви читатели видели самого поэта, и все знали, что они были обращены к любимой им женщине, актрисе Валентине Серовой. Но, может быть, потому, что письма военного корреспондента писались из разных мест: из «похожей на Мадрид

Одессы», с борта подводной лодки, «под черной румынской водой», из Вязьмы и Мурманска, из «окруженья под Москвой», они приобретали личностное звучание как написанные каждым из воюющих солдат к своей любимой. Поэтому и стихотворение «Жди меня» (1941) стало почти заклинанием каждого: человек вопреки смерти, ждущей его на каждом шагу, не хочет погибнуть, а хочет, чтобы его ждали из каждого боя. Так читатели становились не только читателями, но и героями поэзии Симонова, что и определяло её необыкновенную популярность.

Размышляющие позже о творчестве Симонова заговорят о той смысловой упрощённости его поэзии, которая не выходила за пределы непосредственных ожиданий читателя-слушателя: «Костя читал стихи, и весь зал был в восторге, — замечал Б. Агапов. — Я подумал, может, Костя знает то, чего я не знаю. Но потом я подумал: а может быть, Костя не хочет понимать большего, чем понимают все эти люди?»⁴ Вероятно, в этом есть доля правды. Но нельзя забывать, что во время войны поэзия и публицистика, непосредственно откликающиеся на события, не могли и, вероятно, не должны были усложнять передаваемые смыслы, как и использовать усложнённые формы их выражения. Об этом свидетельствуют, например, газеты блокадного Ленинграда, которые сегодня поражают своей простотой, если не сказать упрощённостью.

«Война стала для Симонова вершиной его лирики — и вершиной естественного исполнения им его гражданского и человеческого долга так, как он его понимал: „Сумел угадать самое главное, са-

мое всеобщее, самое нужное людям тогда и тем помочь им в трудную пору войны“, — писала Маргарита Алигер⁵.

Кроме стихов, была еще и ежедневная газетная работа в редакции „Красной Звезды“, в которой Симонов числился разъездным корреспондентом, и по напечатанным в 70-х годах его военным дневникам можно себе представить, сколько он работал. И не просто работал, хотя и признавал, что должность военного корреспондента — не самое опасное на войне. Но вот в одном из писем матери он пишет: «...После возвращения с этих островов, сын ваш имел счастье познакомиться с морскими разведчиками, каковые, после их колебаний по поводу того, что он писатель и что может подгадить, все же взяли его с собой в разведку в глубокий тыл немцев, где он с нескрываемым удовольствием лично поджигал немецкие склады с провиантом и боеприпасами.

Результаты этой операции можно прочесть в той же „Красной Звезде“, если не ошибаюсь, за 23 ноября»⁶.

В «Песне военных корреспондентов», до сих пор любимой студентами-журналистами, есть такие слова: «От Москвы до Бреста / Нет такого места / Где бы не скитались мы в пыли / С Лейкой и блокнотом / А то и с пулемётом / Сквозь огонь и стужу мы прошли». Песня кончается словами: «Так вытнем за победу / За нашу газету / А не доживём, мой дорогой / Кто-нибудь услышит, / Снимет и напишет / Кто-нибудь помянет нас с тобой». Но судьба хранила Симонова. Кроме корреспонденций, он начинает писать рассказы. Первым стал «Третий адъютант» — бесхитрост-

Поэт Константин Симонов (за столом 1-й справа) выступает перед бойцами в перерыве между боями.
Фото: Яков Халип / РИА Новости www.ria.ru

ный рассказ о комиссаре, который был убеждён, что «смелых убивают реже, чем трусов», и который, когда выжил после практически смертельной раны его третий адъютант — молоденький парень, почти мальчишка, увидел в этом тому подтверждение.

Тема беззаветного подвига, преданности и верности становится главной во всём, что пишет Симонов о войне. Эта тема и это убеждение, как считают исследователи его творчества, были порождением, с одной стороны, того воспитания, которое Симонов получил в семье — военного, дворянина, превыше всего почитающего долг служения Родине, с другой — верности советским идеалам, сформированной уже в сознательном возрасте. Так, первая поэма 19-летнего автора была посвящена Беломорканалу, следующие за ней поэмы «Победитель» (1937); «Ледовое побоище» (1938); «Суворов» (1939); пьесы «История одной любви» (1940); «Парень из нашего города» (1941) — все были так или иначе посвящены военной теме. Однако участие в Отечественной войне заставляет его сделать запись: «Да, война не такая, какой мы писали ее. — Это горькая штука...» (1941).

Военная тема остаётся главной и в послевоенном творчестве Константина Симонова. Он создаёт трилогию об Отечественной войне: «Товарищи по оружию», «Живые и мёртвые», «Солдатами не рождаются». Эти произведения становятся всенародно известными ещё и благодаря экранизации, в которой исполняли роли такие артисты, как Кирилл Лавров и Анатолий Папанов, Олег Ефремов. То, что автор стремился к правде в повествовании о событиях, об их героических участниках, сомнений нет. Однако и здесь, — как пишет А. Нилин, — «я заподозрил, что и с прозой Симонова происходит то же, что заметил когда-то Агапов в случае с поэзией (заметим для справедливости, речь идёт главным образом о политической послевоенной поэзии Симонова, на которой мы не останавливаемся) — массовый читатель следит за сюжетом и безразличен к порядку слов и к самим словам (в их заёмности или незаёмности). И зачем, по угаданной Агаповым логике, знать большее количество слов, чем привык читатель?»⁷ Речь, конечно, идёт не столько о словах и порядке слов, сколько о человеческих судьбах и характерах, которые не укладываются в то однолинейное повествование, на которое нацелено сообщение о событиях.

Заметим, что сам Симонов, скорей всего, думал об этом, ощущал смысловую бедность своего текста, о чём свидетельствует его восклицание в конце жизни о том, что самого главного он не сделал. Приведём ещё

одно высказывание Симонова, которое также свидетельствует о понимании им того, что может быть или должно быть в романе. Это его размышления о творчестве Лермонтова и Толстого: «Главным уроком из Лермонтова для меня — и как для поэта и как для прозаика — был и остался „Валерик“. Вообще-то главный урок для меня — это Лев Толстой. Но я почему-то думаю, что для самого этого недостижимого учителя большинства русских прозаиков лермонтовский „Валерик“ тоже был в своё время одним из первых уроков мастерства и правды. Сколько бы я ни перечитывал Толстого — ранние его кавказские рассказы, „Севастопольские рассказы“ или военные странички „Войны и мира“, — мне всегда вспоминается ещё и „Валерик“, как тот ручеек под Осташковом, с которого начинается Волга»⁸. Вероятно, не приходится спорить с критиками, отметившими по отношению к Симонову *упрощение собственной неординарной личности*.

Этот процесс шёл параллельно и с административной деятельностью Симонова — редактора «Литературной газеты», журнала «Новый мир», которые соблюдали принципы «партийной организации и партийной литературы». Он стал активным участником таких процессов, как осуждение творчества А. Ахматовой, М. Зощенко, Б. Пастернака, что бросило тень на его личность и, вероятно, побудило его самого сказать в юбилейной речи о том, что не все ему в его жизни нравится, не все он делал хорошо, не всегда был на высоте человеческой. Можно только добавить, что людям, пришедшим в эту жизнь позднее, практически невозможно до конца представить характер сознания тех, кто жил в сталинские времена.

Нельзя не напомнить о том, что Симонов сделал много хорошего и для своих братьев по перу, особенно фронтовиков, и для восстановления доброго имени отвергаемых писателей. Вспомним хотя бы о его роли в судьбе творческого наследия М. А. Булгакова, И. Ильфа и Евг. Петрова, А. А. Блока.

Стремясь увековечить подробности хода войны и имена военачальников, Симонов записывал беседы с Г. К. Жуковым, И. С. Коневым, А. Лизюковым и др. В журнале «Дружба народов», по случаю юбилея К. М. Симонова, его сыном опубликованы беседы писателя с генерал-лейтенантом Михаилом Лукиным⁹ — человеком необычайной судьбы. Генерал, дважды сумевший вывести из окружения свою армию и, будучи тяжело раненым, попавший в плен, рассказывает о тяжелейших днях отступления. Обнародовать такие факты раньше не представлялось возможным —

оказаться в плену было равносильно предательству. Приведём маленький отрывок:

Они (немцы. — К.Р.) знают, что у меня не сегодня, так завтра все иссякнет. Поэтому я старался на широком фронте затянуть их, как можно больше на себя их притягивать.

В частности, командир их танковой дивизии — Функ (это дивизия, которая первой вошла в Варшаву, первой вошла в Париж), и ему было отведено, этому командиру, первым войти в Москву. У них был целый ряд вариантов, захватывать, не захватывать, окружить, уничтожить и т. д. Он получает телеграмму, а я тоже принимаю по радио — Функу уже открытым текстом передаю: «Чего вы топчетесь? Идите на Москву!» А он: «Я едва сдерживаю. Командующий 19-й армией также рвется к Москве, я едва сдерживаю. Я пустил своих grenадеров, использую последних, нет сил сдержать».

Я чувствую, что вот тут нужно мне проколоть, но — нет снарядов. Тогда двенадцатого числа я собрал последний раз командиров, все снаряды собрал, свезли все это, залп «катюш» держал на этот момент.

Я указал двум дивизиям примерно фронт прорыва. А место я выбрал довольно мокрое, чтобы немцы танки использовать не могли. Я знал, что танки перед нами, 7-я танковая дивизия непосредственно передо мною стоит, а местность такая, что танки здесь маневрировать не могут... Залп «катюш». Пошли и прорвали.

Я командиру 91-й дивизии Волкову говорю, что я выходить не могу, пока не пропущу — а у меня еще восемь дивизий, — пока не пропущу все дивизии или хотя бы половину. Как же я могу уходить? Приду туда, а вдруг здесь что-нибудь случится. Нет, я не пойду. Идите, выводите свою дивизию. Держите фланг...¹⁰

Достаточно неожиданно этот текст вызвал большой интерес при чтении и анализе в студенческой аудитории. Размышления студентов были созвучны тем мыслям, которые не покидали Константина Симонова до конца его дней, позволяя ему подходить к самому процессу войны как определённом поведению и поступкам людей. В дни юбилея отмечалась роль Симонова и как историка: «Его военные дневники, с которыми он работал на протяжении нескольких десятков лет и которые были изданы уже после его смерти — „Разные дни войны“, — неоценимый документ эпохи, результат гигантской аналитической работы военного корреспондента, прошедшего всю войну, свидетеля важнейших событий войны, подвергший их впоследствии критическому анализу»¹¹, — характер которого становится всё более ясным благодаря последним опубликованным работам.

Скончался К. М. Симонов 28 августа 1979 года в Москве. Согласно его завещанию, прах писателя

был развеян над Буйничским полем под Могилёвом. Он писал: «Я не был солдатом, был только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне век не забыть, — поле под Могилёвом, где я впервые в июле 1941 года видел, как наши в течение одного дня подбили и сожгли 39 немецких танков...»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Симонов К. Дорогие мои старики. Из переписки с родителями в военные годы (1941–1945). Публикация, подготовка текста и комментарии Екатерины Симоновой-Гудзенко // Новый мир. 2015. № 7.

² Симонов К. Наше время еще занесут на скрижали... Записи в рабочих тетрадях: беседы и размышления // Дружба народов. 2015. № 12; Скрижали — две каменные плиты, на которых, согласно Библии, были начертаны Десять заповедей. Они были разбиты Моисеем. Впоследствии Моисей по Божьему велению высек из камня новые скрижали и поднялся с ними на гору второй раз (Исх. 34: 1–4). В переносном смысле в скрижали заносят то, что хранят.

³ Иванова Н. Константин Симонов глазами человека моего поколения // Знамя. 1999. № 7. -<http://magazines.russ.ru/znamia/1999/7/ivanova.html>

⁴ Нилин А. Аллея классиков // Знамя. 2014. № 9.

⁵ Иванова Н. Указ. соч.

⁶ Симонов К. Дорогие мои старики...

⁷ Нилин А. Указ. соч.

⁸ Симонов К. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М., 1980. С. 438.

⁹ Приговорён к бессмертной славе. Беседы Константина Симонова с генерал-лейтенантом Михаилом Лукиным // Дружба народов. 2015. № 11.

¹⁰ Там же.

¹¹ Горяева Т. (РГАЛИ) Выступление на вечере памяти К. Симонова. — URL: <http://www.chitalnya.ru/news/1044/>

К. А. Рогова,
проф. СПбГУ